

СМЕНА

№ 9 МАЙ 1978

ОСВОБОДИТЕЛИ

На важнейшие стройки
десятой пятилетки
отправился Всесоюзный ударный
комсомольский отряд
имени XVIII съезда ВЛКСМ

ПЯТЬ

Дмитрий Филиппов,
секретарь ЦК ВЛКСМ

АДРЕСОВ

ПО

На стройках нашей великой Родины советские люди вдохновенно трудятся над претворением в жизнь предначертаний исторического XXV съезда КПСС, грандиозных планов десятой пятилетки. Вместе с коммунистами, наставниками, опытными рабочими на передовых рубежах коммунистического строительства находятся комсомольцы, советская молодежь. На XXV съезде нашей партии Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев подчеркнул: «Трудовая слава комсомола—это прочно завоеванная им позиция... Партия твердо верит, что молодежь, комсомольцы впишут славные страницы в летопись коммунистического строительства!»

Комсомол гордится этой высокой оценкой партии. Успехи достигнуты самоотверженным трудом миллионов юношей и девушек, постоянной, целеустремленной работой комсомольских организаций, направленной на повышение роли молодежи в ускорении темпов научно-технического прогресса, развитии народного хозяйства страны.

Десятый пятилетний план открыл новые перспективы созидательной деятельности молодежи, ее труда и творческого поиска. Призыв партии—превратить десятую пятилетку в пятилетку эффективности и качества—вызвал горячий отклик среди молодых, комсомол объявил себя ее ударным отрядом.

Политический подъем, душевный порыв, трудовой энтузиазм комсомольцев и молодежи, вызванный решениями XXV съезда КПСС, нашел свое выражение в массовом патриотическом движении «Пятилетке эффективности и качества—энтузиазм и творчество молодых!». Претворение в жизнь этого лозунга стало конкретным и важным делом комсомольских организаций, молодежных коллективов. Формы участия их в этом движении различны, суть одна—борьба за успешное выполнение заданий пятилетки.

Большое внимание Ленинский комсомол уделяет шефству над капитальным строительством.

УСТЬ-ИЛИМ.

Для советских людей «ударная комсомольская» связана с представлением о современных гигантах индустрии, промышленных комплексах, трансконтинентальных нефтепроводах, тысячекилометровых стальных магистралях, новых городах и поселках. Ударные стройки—настоящие университеты трудовой и общественной активности молодежи, идейного и нравственного воспитания, лаборатории передового опыта.

Четыре года назад с XVII съезда ВЛКСМ на строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали отправился Всесоюзный ударный отряд молодых добровольцев. Слова комсомольской клятвы они с честью пронесли через суровые испытания, их самоотверженная работа, мастерство, дружба заслужили отряду добрую славу. Бойцы его стали основой молодежного коллектива строителей, они инициаторы многих хороших починов, их энергия, опыт, энтузиазм увлекают молодежь на боевую, ударную работу.

Готовясь к своему съезду, комсомол сформировал и направил на важнейшие новостройки страны Всесоюзный ударный комсомольский отряд имени XVIII съезда ВЛКСМ.

Эстафету трудового героизма приняли 1500 бойцов отряда—это пять организованных рабочих коллективов.

Отряд назван Всесоюзным потому, что молодежь каждой республики стре-

мится внести свой вклад в сооружение важнейших объектов для Советского государства; он именуется ударным потому, что его силы концентрируются на главных, магистральных участках строительства, имеющих первостепенное, решающее значение для дальнейшего развития экономики народного хозяйства; он носит звание комсомольского потому, что в его рядах—молодые коммунисты и комсомольцы.

Сегодня в капитальном строительстве занято свыше четырех миллионов юношей и девушек, среди которых более миллиона—комсомольцы. Это огромная сила. Опираясь на нее, комсомол взял в десятой пятилетке шефство над сооружением 140 важнейших народнохозяйственных объектов, которые знаменуют новый этап развития производительных сил страны.

И добровольцы отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ отправились на самые ударные объекты: в Бурятию, на строительство БАМа, в Западную Сибирь, на север Тюменской области, для обустройства Уренгойского газового месторождения, на объекты Российского Нефтяного комплекса, на сооружение Усть-Илимского лесопромышленного комплекса, на стройплощадку волгодонского завода «Атоммаш».

Сам перечень этих гигантов советской экономики, освоение которых обеспечит развитие районов Западной Сибири и

Дальнего Востока, преобразование Нефтяного пояса России, заложит базу атомного машиностроения, говорит об ответственности, возложенной на бойцов отряда. Поэтому в союзных республиках, краях и областях комсомольскими организациями было развернуто социалистическое соревнование за право войти в состав отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ. В отряд рекомендовались молодые передовики производства, комсомольские активисты, хорошо проявившие себя в труде и общественной жизни, владеющие, как правило, строительными специальностями. Среди них—ряд делегатов XVIII съезда ВЛКСМ, орденосносцев, лауреатов премии Ленинского комсомола.

Пять крупнейших строек нашего времени, принимая бойцов отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ, ждут новых добровольцев. На базе отряда на решающих участках будут созданы строительные

Наша обложка:
страница альбома
«Здравствуйте,
братушки!».
Работа художников
Калерии и Бориса
КУКУЛИЕВЫХ.

Фото Бориса ЗАДВИЛЯ и Альберта ЛЕХМУСА.

БАМ.

ДВИГА

НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ.

подразделения, которым по плечу задачи самого серьезного масштаба. Они призваны стать инициаторами новых интересных дел на Всесоюзных ударных комсомольских стройках. Особое внимание нужно уделить повышению производительности труда и качеству работы. Вот почему с первых же шагов должны вступить в силу законы комсомольского товарищества, взаимной поддержки и уважения к своему труду и труду другого.

Партия доверяет комсомолу участие в решении важнейших задач экономического строительства, стоящих перед страной. Это окрыляет молодежь, придает новые силы, творческую энергию. Участвуя в ударном строительстве, помогая осваивать необжитые районы, наш молодой современник убеждается, как важен его труд для всего советского народа, и это придает ему новые силы, желание трудиться еще эффективнее.

Молодые добровольцы призваны во всем быть примером, ударным, квалифицированным трудом приумножать и обогащать славные традиции комсомольского шефства над важнейшими новостройками Родины.

«АТОММАШ».

- 1 Дмитрий ФИЛИПОВ, секретарь ЦК ВЛКСМ.
«ПЯТЬ АДРЕСОВ ПОДВИГА».
- 2 ГОВОРЯТ ДЕЛЕГАТЫ XVIII СЪЕЗДА ВЛКСМ.
«В БИОГРАФИЮ ОТЧИЗНЫ ВПИШЕМ МЫ СВОЮ СТРОКУ».
- 4 НТТМ-78: «ЗАГЛЯНУТЬ ЗА ГОРИЗОНТ».
- 6 «ЗАПОМНИТЕ ЭТО ИМЯ — НЕРЮНГРИ».
Рассказ об ударной комсомольской стройке.
- 8 Стихи Владимира ЦЫБИНА.
Рассказ Геннадия МАШКИНА
«МЫ — ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ».
- 12 9 МАЯ — ДЕНЬ ПОБЕДЫ.
ПОДВИГ ОТЦОВ — В СЕРДЦАХ СЫНОВЕЙ.
Людмила ЖУКОВА. «РУССКИЙ ТАРАН».
- 14 Николай ВОЙЦЕХОВСКИЙ.
«ТРИФОНОВ МОСТ». Партизанская быль.
- 15 Стихи Михаила БОРИСОВА, Николая ШУМАКОВА,
Леонида ВЬЮННИКА.
- 16 НЕПОДВЛАСТНЫЙ ВРЕМЕНИ ПАМЯТНИК.
- 18 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Георгий БАЖЕНОВ. «НЕДЕЛЯ ЧП».
- 20 «ПЕРВАЯ ПРОТАЛИНА».
Георгий СЕМЕНОВ. Фото Игоря КОНСТАНТИНОВА.
- 22 ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ.
Валентин ИВАНОВ. «ЗЛАТАЯ ЦЕПЬ ВРЕМЕН».
- 24 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
«КАКИМ КЛЮЧОМ ОТКРЫВАЕТСЯ РОЛЬ?»
Рассказ об актрисе театра «Современник»
Екатерине МАРКОВОЙ.
- 27 ФОТОКОНКУРС «СМЕНИ» «МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ
СОВЕТОВ», ПОСВЯЩЕННЫЙ 60-ЛЕТИЮ
ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.
- 28 Повесть братьев ВАЙНЕРОВ «ГОРОД ПРИНЯЛ!..».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,
А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора),
А. Ю. КОМАРОВ, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь),
Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ,
В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. В. СЕМЕНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИПОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

ВЫНОСЯТ ВЫШЕШЕ

Валерий ЧЕНЦОВ,
первый секретарь
Дрогобычского ГК ЛКСМ
Украины.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Недавно, возвращаясь в свой город из командировки, я, сойдя с поезда, обратил внимание на лицо молодого машиниста, который только что привел наш состав. Он смотрел прямо перед собой совершенно отрешенным взглядом, не видя ни обычной перранный суеты, ни возбужденных людей. Так прошло несколько минут, и только потом я понял, что парень просто «снял» напряжение всех физических и душевных сил от только что перенесенной огромной ответственности за жизнь многих сотен пассажиров.

Ответственность... Каждый человек отвечает за свое дело. Есть ответственность машиниста, школьного учителя, врача. А есть ответственность комсомольского активиста. Мы отвечаем за воспитание молодого поколения. И тут, мне кажется, сегодня для нас нет более важной задачи, чем формирование у молодежи чувства уважения к труду.

В нашем городе 123 комсомольско-молодежных коллектива. Трудятся они по-ударному, досрочно выполняют производственные планы с высокими качественными показателями. Но не менее важно то, что многие члены этих коллективов выполняют еще и роль наставников, пропагандистов рабочих профессий среди школьников города. После рабочего дня молодые производственники идут к своим подшефным в классы, вместе с ними строят, мастерят, изобретают, то есть приобщают ребят к труду. Если этим заняты такие молодые, но уже достаточно опытные и известные в городе рабочие, как Игорь Маркевич, Иван Табачинский, Яков Токмаков — бригадиры с долготного завода, Мария Проць — швея объединения «Заря», Иванна Щенна — сверловщица завода автокранов и другие, польза от такой, можно сказать, микропрофориентации получается неоценимая. Благодаря ей только за последние два года на производство прямо со школьной скамьи пришло более 60 процентов выпускников школ.

Вот так совместными усилиями педагогов, производственников и комсомольского актива осуществляется у нас подготовка учащихся к выбору будущей рабочей профессии. Этот участок комсомольской работы считаем одним из важнейших в системе комплексного воспитания молодежи.

Николай ШИЛИН,
бригадир
комсомольско-молодежной
бригады токарей
Выксунского
металлургического завода
Горьковской области.

МОЯ РАБОЧАЯ КАРЬЕРА

Четыре года. Много это или мало? Лично для меня четыре года между съездами комсомола стали временем, вобравшим в себя самые главные события жизни.

Судите сами, в год XVII съезда ВЛКСМ началась моя рабочая биография. Впервые тогда вошел я в проходную Выксунского металлургического завода почти как рабочий человек. Я говорю «почти» потому, что в моей трудовой книжке рядом с названием избранной мною специальности — токарь-карусельщик — стояло слово «ученик». К этому слову я привык за десять лет учебы в школе, но здесь, на заводе, оно обернулось совсем иной, незнакомой гранью. Впервые увидев станок, который мне предстояло освоить, впервые «пощупав» деталь, которую надо было обрабатывать, — 500-килограммовое железнодорожное колесо, впервые узнав, что за смену надо обточить несколько десятков таких вот «колесиков», я, признаюсь, несколько растерялся: смогу ли?

Но смог. Сейчас понимаю, иначе и не могло быть — ведь именно в нашей области зародилось движение «Ни одного отстающего рядом!». Старшие товарищи помогли мне, и уже через полгода я начал самостоятельно выполнять норму. И, как эстафета, ко мне перешло почетное право передавать накопленный опыт новичкам, пришедшим на завод после меня. Сегодня могу с гордостью доложить: шестерым ученикам помог я стать полноправными членами рабочего коллектива.

Следующие важные события в моей «междусъездовской» четырехлетке — в 1975 году я был признан лучшим по профессии на заводе, в конце того же года стал бригадиром комсомольско-молодежной бригады. В 1977 году меня приняли в члены КПСС. Одними из первых в тот волнующий, самый счастливый день моей жизни меня поздравили товарищи по бригаде — свидетели и участники моей «трудоуходной карьеры». Те, с которыми мы в 1976 году заняли второе место в заводском соревновании комсомольско-молодежных коллективов, а по итогам 1977 года стали первыми. С ними, моими друзьями по бригаде — Виктором Волковым, Владимиром Чановым, Василием Мартыновым, встречая третий год пятилет-

ки, решили мы выполнить его производственную программу ко дню открытия XVIII съезда ВЛКСМ.

...В поезде всегда хорошо думается. Особенно если у тебя хорошее настроение. А у меня настроение отличное. Уезжая в Москву, на съезд комсомола, быть делегатом которого мне выпала высокая честь, я уже знал, слово свое мы сдержали: на рабочем календаре нашей бригады 1979 год. И еще мне приятно было думать под перестук колес, что вот так же, наверное, стучат сейчас на стыках рельсов в разных концах страны 24 тысячи колес, обточенных нашей бригадой с начала пятилетки сверх плана.

Гамлет МЕЛАДЗЕ,
доцент Тбилисского
государственного
университета,
председатель Совета
молодых ученых
при ЦК ЛКСМ Грузии.

ЗАБОТА О ДНЕ ЗАВТРАШНЕМ

В Совете молодых ученых и специалистов рука об руку работают физики и филологи, химики и биологи, инженеры и врачи... Объединяет их не только «общая крыша», но зачастую и общность проблем.

Совет молодых ученых — своеобразный комплексный общественный научно-исследовательский институт. «Общность интересов, единство цели» — девиз этого института.

В последние годы мы провели 15 Всесоюзных и республиканских школ молодого ученого по самым актуальным проблемам науки и техники. Эти школы укрепили связи молодых ученых, занимающихся общими проблемами не только внутри республики, но и во всей стране. Постоянный обмен информацией значительно ускоряет процесс научных исследований и экспериментов. Заботят нас, естественно, не только теоретические исследования, но и воплощение их в практику. Вот почему мы уделяем большое внимание работе общественных лабораторий по комплексным проблемам внедрения новых достижений науки и техники в народное хозяйство. И работу этих лабораторий уже заметили и высоко оценили многие предприятия республики.

В числе членов нашего Совета немало преподавателей высших учебных заведений, но проблема средней

школы волнует их, наверно, не меньше, чем дела студенческие. И вот уже несколько лет подряд молодые ученые организуют воскресные встречи со старшеклассниками, заочные школы по естественным наукам, летние лагеря юных любителей науки и техники. На работу со школьниками мы не жалеем ни времени, ни сил, не без оснований полагая, что воспитываем новую смену советских исследователей.

Любовь НАКОНЕЧНАЯ,
отделочница управления
«Тюменьстройпуть»,
групкомсорг бригады.

СДЕЛАНО С ОЦЕНКОЙ «НА СОВЕСТЬ»...

Человека греет чувство того, что он нужен людям. Любому оно необходимо — врачу, учителю, геологу, металлургу. И, конечно, нам, строителям. Люди поселятся в домах, которые мы ставим, и наша небрежность, наше равнодушие — это их будущий огорчение, а наша добросовестность — их радость. Сегодня это мой дом — я над ним тружусь, завтра это дом кого-то из моих знакомых друзей и товарищей по Северу — он в нем будет жить.

В нашем комсомольско-молодежном коллективе, которым руководит Герой Социалистического Труда, лауреат премии Ленинского комсомола Иван Семенович Мариненков, собрались и мастера замечательные и люди чуткие, всегда готовые помочь. С благодарностью думаю о Екатерине Ивановне Пластининой, моей наставнице, человеке удивительной доброты и скромности. Это она мне сказала: «У нашей работы только одна оценка должна быть: «на совесть сделано»».

Вся страна сегодня смотрит на Тюмень, говорит о Тюмени. Край неслыханных богатств, край гигантских строек! Нефть и газ Тюмени, всей Западной Сибири — это новые заводы и фабрики, это свет и тепло, это благоустроенные города и поселки, это лучшая жизнь людей. И мы, комсомольцы Тюмени, гордимся, что в названии каждой из важнейших строек пятилетки рядом со словами «всесоюзная ударная» стоит слово «комсомольская».

О том, какую значительную роль играет комсомол в освоении сибирского Севера, каждый, наверно, знает. Мне, как члену Тюменского обкома ВЛКСМ, приходилось много встречаться с замечательными ребятами и

ИЩО ОТЧУДИЛИЗНЫ СВОЮ СТРОКУ...

девчатами, работающими на бескрайней сибирской земле. И я хочу от всей души посоветовать моим сверстникам, обдумывающим выбор жизненного пути: приезжайте к нам! Здесь вы найдете щедрых сердцем людей, увидите, как преобразилась таежная глушь, почувствуете себя строителями, а ведь это одна из самых великих профессий на свете.

Счастье — участвовать в таком огромном деле, как освоение Сибири. И это счастье открыто каждому. Приезжайте, ждем!

Султан ДЖУМАГАЛИЕВ,
гвардии лейтенант, командир
отличного танкового взвода,
секретарь бюро ВЛКСМ роты,
Краснознаменный
Туркестанский военный
округ.
**БЕЗЗАВЕТНО ЛЮБИТЬ
РОДИНУ**

По моему убеждению, человек, гражданин, созидатель начинается с солдата, да-да, как бы ни сложились жизненные пути юношей, вступающих в пору взрослости, сначала они должны научиться защищать Родину, стать умелыми, стойкими бойцами. И два, три года, которые каждый из них носит военную форму, — это время его политического, профессионального, нравственного мужания.

Разными приходят в подразделение молодые солдаты. Одни первое время боятся даже подходить к танку, другие сразу становятся с техникой на «ты». Как бы там ни было, перед командирами, коммунистами, комсомольским активом подразделения стоит очень непростая задача — сделать из вчерашних школьников, выпускников ГПТУ, молодых рабочих классов снайперов-наводчиков, искусных водителей многобронированных машин, командиров экипажей, способных управлять людьми и техникой в условиях современного боя. Но и это не все, мало быть просто мастером своего дела, надо научиться побеждать страх, беззаветно любить Родину, быть готовым отдать за нее жизнь.

Наше гвардейское подразделение имеет свои боевые традиции, первым в его списке числится Герой Советского Союза танкист Л. М. Татаринцев, павший смертью храбрых в боях с врагами нашей Родины. Это налагает повышенную ответственность на каждого воина роты. Мы не просто выкликаем на вечерней поверке фамилию Татаринцева — каждое учение

кто-то из лучших танкистов роты ведет бой за героя. Последний раз это право было доверено отличнику боевой и политической подготовки гвардии младшему сержанту А. Купцову. Он, как и его товарищи К. Исаханов и С. Шпаковский, не только мастера танкового боя, но и тактичные, терпеливые наставники молодых воинов, умелые, думающие комсомольские организаторы.

В прошлом году комсомольцы нашей роты стали инициаторами соревнования под девизом: «Поражать цель первым выстрелом, первой очередью, на предельной дальности!» В соревновании включились все воины округа. Огромную работу провело комсомольское бюро роты для того, чтобы каждый из воинов нашел свое место в соревновании.

Накануне XVIII съезда ВЛКСМ рота на очередных учениях вновь подтвердила звание отличной и заняла первое место в окружном смотре танковых подразделений. Это наш вклад в укрепление обороноспособности Родины. Воспитание высоких боевых и гражданских качеств каждого воина — главное содержание работы армейского комсомола.

Борис АКИМОВ,
заслуженный артист РСФСР,
лауреат Государственной
премии СССР,
секретарь комитета
комсомола ГАБТ СССР и КДС.

ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ

— В балете нет своей «нотной записи», поэтому здесь каждое движение поистине передается из рук в руки, от старших к младшим, от поколения к поколению...

Каждый день мы приходим в театр на занятия и встречаемся с нашими педагогами, выдающимися деятелями балетной сцены Мариной Тимофеевной Семеновой, Галиной Сергеевной Улановой, Асафом Михайловичем Мессерером. Неотъемлемая профессиональная помощь, которую они нам оказывают, неотъемлемо человеческое участие, с каким они относятся к каждому из нас. Поэтому связь поколений, преемственность традиций — это одно из самых естественных и необходимых условий нашего существования, нашей жизни в искусстве.

Балет обладает специфическими — условными — средствами выражения. Однако в его основе — реальная жизнь со всеми ее подлинными проблемами и страстями. Особенно

заметно это в спектаклях на современную тему. Здесь мне хочется сказать о балете «Ангара», поставленном главным балетмейстером Большого театра, народным артистом СССР, лауреатом Ленинской и Государственной премий СССР Юрием Николаевичем Григоровичем. «Ангара» — это спектакль «о героическом труде молодых строителей, о сложных человеческих судьбах наших современников...». В этом балете я танцую партию Сергея. Мне дорог этот характер своей цельностью, духовной силой, способностью осознанно жертвовать собою ради других.

Истинно современное — лишь то искусство, которое отличают подлинная народность, партийная страстность, глубина постижения характеров. Совсем немного времени прошло с тех пор, как принято было памятное для всех нас Постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью», но как много за это время сделано. Взгляните на афишу любого спектакля нашего театра — и в каждой вы увидите имена молодых артистов, которым доверены ответственные партии. Совсем недавно состоялась премьера нового балета «Эти чарующие звуки» — его поставил народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий и премии Ленинского комсомола Владимир Васильев. В спектакле вместе с выдающимися мастерами занято очень много молодых артистов, для которых балет стал и отличной школой и истинным праздником.

Чувство современности... Его пробуждают и обостряют в артисте встречи с реальной жизнью, с реальными героями. Вот почему наши комсомольцы, молодые артисты, стремясь достойно встретить XVIII съезд ВЛКСМ, с таким желанием выступали и перед строителями БАМа и перед рабочими московских предприятий, перед теми, кто творит современность.

Игорь ГУБИН,
учащийся ГПТУ-27
г. Подольска.

РАССКАЖУ ШЕСТОМУ КЛАССУ...

Школа — ГПТУ — завод... В этой цепочке училище представляется мне связующим звеном. Как много зависит именно от нас, чтобы в цепи были крепки все звенья! Есть у нашей группы электриков подшефный шестой класс в 9-й школе. Для них мы — уже настоящие рабочие, пред-

ставители не только ГПТУ, но и машиностроительного завода имени Орджоникидзе, делаем вместе с заводчанами оборудование для атомных электростанций.

Мы нередко встречаемся со своими шестиклассниками. В школе, в училище. На наших общих вечерах отдыха — конкурсы, игры, соревнования. Но есть и серьезные разговоры — о работе, о жизни. Сразу и не перечислишь всего, о чем говорим с ребятами...

О том, что наша группа уже дважды была лучшей по итогам учебных полугодий, и добилась этого благодаря нашему замечательному мастеру Юрию Сергеевичу Бурецу (кстати сказать, электрики прошлой выпуска были первыми постоянно: у Юрия Сергеевича просто нельзя плохо заниматься).

О том, какой большой интерес к нашему училищу в Подольске и не только в Подольске... Однажды мы получили письмо от школьников из другого города — хотят всем классом поступить к нам. Интерес этот мне понятен. Ведь у нас делают все, чтобы будущим рабочим хорошо жилось в ГПТУ. Есть кружки на любой вкус: фото- и радиодела, рисования и чеканки, самбо, стрелковый тир. Сам я увлекаюсь картингом.

А какие интересные походы бывают летом! Например, мы совершили мотопробег по тем местам Подмосковья, где во время войны проходила 53-я стрелковая дивизия, и к 60-летию Советской Армии своими силами оборудовали в училище музей, собрали материалы об этой дивизии.

Рассказываем о том, как наши ребята помогают строителям, которые возводят новый корпус ГПТУ. Скоро в него переедут многие классы — значит, станет еще больше условий для технического творчества, труда и отдыха учеников.

После съезда я обязательно встречу с нашими подшефными. Расскажу о том, что было на съезде, как мы теперь готовимся к встрече 60-летия ВЛКСМ. У каждого ученика ГПТУ есть личные обязательства в честь юбилея. Принял такие обязательства и я. В них записано: закончить на «отлично» учебную четверть; все работы, которые делаю на заводе: монтаж электрической части станков, ремонт оборудования, — выполнять в срок и с высоким качеством.

Школа — ГПТУ — завод... Нас нередко называют «цехом № 1» экономики. Цех № 1 — подготовительный... Обязательная роль, высокая ответственность. От того, насколько подготовленными покинем мы стены училища, зависит, какой будет экономика завтрашнего дня. Стране нужны рабочие высшей квалификации, люди образованные и инициативные, люди с глубокой убежденностью, принципиальными во всем, граждански и политически зрелые. ГПТУ сегодня — это, если хотите, космодром наших будущих успехов. Нам предстоит работать и в грядущем тысячелетии — и уже на рубеже десятой и одиннадцатой пятилеток. Новаторство в самом высоком смысле — такой видится мне атмосфера профтехучилища сегодня.

НТТМ-78: ЗАГЛ

Завод на орбите

В КАНУН ОТКРЫТИЯ XVIII съезда ВЛКСМ перед посетителями ВДНХ СССР широко распахнулись двери павильона, который хорошо знаком всему миру по Международной выставке в Монреале. Именно в этом павильоне начала свою работу Центральная выставка НТТМ-78, посвященная славному юбилею Ленинского комсомола.

Я хорошо помню первую выставку технического творчества молодежи, проходившую в 1967 году. Тогда на выставке было представлено 2500 работ молодых рационализаторов и изобретателей — лучшее из того, что сделали два миллиона участников смотра. Последняя выставка свидетельствует о том, что в борьбу за дальнейший прогресс науки и техники включились новые миллионы молодых людей. Сейчас армия участников Всесоюзного смотра научно-технического творчества молодежи насчитывает свыше 17 миллионов человек. Ежегодно на предприятиях и в организациях проводится свыше ста тысяч выставок НТТМ, где можно не только посмотреть на чью-то овеществленную идею, но и поучиться, самому задуматься над решением какой-то технической задачи. Выставки в первую очередь тем и хороши, что они учат, удивляют внимательных посетителей неожиданным решением, нестандартным мышлением. Каждая подобная выставка — свидетельство того, что научно-техническое творчество — одно из самых массовых движений советской молодежи, в котором участвуют рабочие и специалисты, колхозники и ученые, студенты и школьники, учащиеся техникумов и профтехучилищ...

Из множества экспонатов, представленных на выставке, мы выбрали всего три. И вовсе не потому, что они чем-то выделяются на общем фоне. Нет, скорее работы эти типичны для молодых новаторов. В них просматривается и научная дерзость, и трезвый расчет, и реальная фантастика.

— Придет время и, думаю, уже скоро, когда корабли и космические станции станут доставлять на орбиту по частям. А сборку и необходимый ремонт кораблей и станций космонавты будут производить в цехах таких орбитальных заводов, как наш, — сказал мне «заслуженный космостроитель» Алексей Поветкин, один из создателей «Долговременного сборочно-ремонтного орбитального завода «Советская Россия».

Всего три года существует кружок космического моделирования в подмосковном городе Пушкине. Но за это время работы юных моделеров побывали на многих всесоюзных и зарубежных выставках, завоевывали высшие награды на ВДНХ СССР и на всесоюзных конкурсах «Космос».

— Занимаются у нас ученики и четвертых классов и десяток, но нынешние семиклассники — основа кружка, — говорит руководитель юных конструкторов Константин Николаевич Мурашов.

Тридцать лет отдал Константин Николаевич авиации. Под гром реактивных двигателей мечтал иногда о рыбалке и грибных походах, а едва демобилизовался, сразу почувствовал, как не хватает ему неба и гулко ритма аэродрома.

Маленькое здание станции юных техников, расположенное на окраине Пушкина, Мурашов увидел случайно, о таких станциях он раньше и не слышал, и все-таки решил зайти.

— Мне повезло, — признается Константин Николаевич, — сразу же нашел дело по душе.

Я думаю, что повезло и самой станции и в первую очередь пушкинским школьникам. Руководить кружком не каждый специалист сможет; мало любить дело — надо любить еще детей, быть терпеливым мастером и добрым наставником.

Модель космической станции или корабля рождается сначала в блокнотах, в школьных альбомах для рисования. Каждый из кружковцев предлагает свой вариант. Каждый защищает свой проект, потом уже вместе отбирают лучший, изменяют его, дополняют. По признанию десятиклассника Константина Добровольского, «придумать всегда труднее, чем сделать». Костя в кружке считается «теоретиком», но он не хуже других управляет со сверлильными и шлифовальными станками, разбирается в радио- и электросхемах, владеет паяльником и слесарным инструмен-

том. И, может быть, главное, чему учатся здесь ребята, — это трудолюбие и терпение, тщательность и точность в работе.

— И еще они учатся заглядывать за горизонт, — говорит Константин Николаевич Мурашов, человек, отдавший тридцать лет и три года небу и людям, — и я считаю своей основной задачей сделать вовсе не очередную модель космической станции, которая привезет для нас еще одну медаль. И модели и медали — только средство, цель — раскрыть способности ребят, подготовить творчески мыслящих, ищущих людей, способных проявить себя и за станком, и за кульманом, и за «штурвалом» космического корабля.

«Автопилот» на рельсах

Несколько лет назад в кабинах метропоездов, построенных на Мытищинском машиностроительном заводе, место помощника машиниста занял... робот. Он, правда, совсем не похож на тех роботов, которых мы привыкли видеть в научно-фантастических фильмах и на выставках детского технического творчества. Несколько небольших ящиков, напичканных сложнейшей аппаратурой, взяли на себя основную работу по регулированию скорости, торможению. Система автоматического регулирования скорости (АРС) контролирует и работу самого машиниста, напоминает, если он забыл произвести какую-то операцию, следит за его состоянием. В общем, выполняет почти ту же работу, что и автопилот в современном самолете, только не над, а под землей. На рельсах метрополитена.

С появлением АРС вагоны метро внешне как будто ничем не изменились. Но только внешне. Автоматика и телемеханика, изменив условия работы машиниста, потребовали нового подхода к себе и со стороны тех, кто эти вагоны создает.

Есть на заводе небольшая обкаточная ветка. Всего километровой длины. На ней просто невозможно развивать современную скорость метропоездов в 80 километров. А испытывать сложную аппаратуру надо обязательно в работе, на самых различных скоростях, при самых разнообразных режимах. Может быть, надо строить новое обкаточное кольцо? И об этом одно время задумывались на заводе. Но оказалось, что можно задавать головному вагону любую скорость, даже если он неподвижно стоит на месте.

НА «СТАПЕЛЯХ» ПУШКИНСКОЙ СТАНЦИИ ЮНЫХ ТЕХНИКОВ РОЖДАЕТСЯ НОВАЯ МОДЕЛЬ ЗВЕЗДОЛЕТА.

ЯНУТЬ ЗА ГОРИЗОНТ

— Слышал об АРСе?—спросил однажды электрика Льва Карулина инженер Саша Рябов.—Может, попробуем?

Уже их первая, еще черновая идея о группе приборов проверки системы АРС получила одобрение руководства завода. В сборочном цехе создали творческую бригаду, в которую вошли электрики, техники, инженеры. Возглавил бригаду молодой инженер Власов. И уже вскоре молодые новаторы разработали и сами изготовили оригинальный испытательный стенд.

Мне думалось, что стенд для испытания головного вагона метропоезда должен быть никак не меньше самого вагона, поэтому и удивился, увидев несколько небольших приборов, которые мог легко перенести с места на место один человек. Да и управляться с ними можно одному—они удобны, сразу выдают необходимую информацию, быстро обнаруживают места неисправностей или ошибочные сигналы. Их использование дает только Мытищинскому машиностроительному заводу около двухсот тысяч рублей ежегодной экономии.

Солнце в упряжке

Над кружками клубились охалки пара и губы обжигал крутой кипяток. Заварки не хватило, чай получился жидким, но, наверное, для них в тот момент не существовало ничего вкуснее этого солнечного напитка.

Один известный ученый сказал мне, что не терпит метафор в статьях о научных достижениях.

«Солнечный напиток»—вовсе не метафора, чай действительно был приготовлен с помощью солнца.

— «Солнечная кухня» устроена просто: парабола концентрирует солнечные лучи, а в их фокусе находится конфорка,—объясняет один из авторов солнечных установок, демонстрирующих на выставке НТТМ-78, молодой инженер Государственного научно-исследовательского энергетического института имени Г. М. Кржижановского Александр Трынкин.—За несколько минут на ней можно не только чай, но и борщ сварить.

В планах отдела, где работают Саша Трынкин, Олег Волков, Анатолий Казеннов, Лидия Лисицина и Людмила Черноволонко (все они участники нынешней выставки, первой в жизни этого авторского коллектива), нет ничего, связанного с солнечной энергией, и все же не случайно их величают «солнечниками».

Использование солнечной энергии—проблема давняя. И, конечно, заманчивая: источник этот практически неисчерпаем, в отличие от нефти, газа, угля, которые являются и бесценным сырьем для химии.

— Мы делали и солнечные печи и кухни, но все же считаем теплоснабжение наиболее перспективным,—сказал Олег Волков.—Уже сейчас наши солнечные котлы, или, как их еще называют, «горячие ящики», могут в отдельных районах конкурировать с небольшими котельными.

Свою первую гелиотопку «солнечники» соорудили в 1976 году на крыше трехэтажного жилого корпуса пионерского лагеря «Звездочка» под Рузой. Но подобные гелиотопки, как считают «солнечники», надо строить в первую очередь в Крыму, где множество пионерских лагерей, здравниц и гостиниц, где всегда много солнца и нет своего топлива и где необходимо как можно бережнее относиться к окружающей среде. И такое строительство уже началось.

Во дворе симферопольской гостиницы «Спортивная» издавна стояла котельная, работающая на природном газе. Рядом с котельной на высоких фермах сейчас установлены панели солнечных коллекторов—«горячих ящиков». Гелиоустановка облокирована с котельной, они в любой момент могут заменить друг друга. В солнечные дни, а их в Крыму бывает за год около 220, тепло аккумулируется в циркулирующей по коллектору воде, передается в теплообменнике другой воде, предназначенной для бытовых нужд и снабжения гостиницы теплом. Собранный за день запас горячей воды хватает как минимум на сутки. Когда же запас горячей воды в резервуарах становится минимальным, а интенсивность солнечной радиации остается по-прежнему недостаточной, автоматика подключает на помощь солнца газовые горелки котельной.

Солнечная установка позволяет ежегодно экономить около тридцати процентов газа, сжигаемого до сих пор в котельной гостиницы «Спортивная».

Выставка—это всегда праздник, праздник таланта, знаний, творческой дерзости. И, как всегда, на праздник приезжают гости—советские новаторы и их коллеги из социалистических стран.

Выставка—визитная карточка движения НТТМ, но ни в коем случае не подведение его итогов. Потому что нельзя подвести итог тому, что живет, развивается, крепнет.

Прокомментировать наш репортаж с Центральной выставки НТТМ-78 мы попросили Председателя секции научно-технического творчества молодежи Совета по координации научных исследований проблем коммунистического воспитания молодежи при ЦК ВЛКСМ и Академии педагогических наук СССР, заместителя Председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике, доктора технических наук Михаила Прохорова КОВАЛЕВА.

Михаил КОВАЛЕВ,
заместитель Председателя Госкомитета
Совета Министров СССР
по науке и технике

ФУНДАМЕНТ ТВОРЧЕСТВА

Свыше десяти лет Ленинский комсомол настойчиво работает над выполнением ответственного поручения партии. Совместно с НТО, ВОИР, министерствами и ведомствами он регулярно проводит Всесоюзные смотры научно-технического творчества молодежи. Число их участников выросло за этот период с 2 до 17 миллионов человек. Да и сам смотр «вырос» из технического в научно-технический, перешел на качественно новую ступень. А Центральные выставки стали теперь международными, вместе с советскими новаторами в них принимают участие их коллеги из всех социалистических стран. Ежегодно молодые новаторы разрабатывают сотни тысяч рационализаторских предложений и изобретений. Эффект от их внедрения в производство составляет многие миллионы рублей.

Среди участников смотра-конкурса НТТМ и опытные, уже известные всей стране новаторы, и те, кто делает только первые шаги в рационализации и изобретательстве. Так, например, только последнее предложение электрослесаря шахты имени Красина из объединения «Ростовуголь» Владимира Гарковца, создавшего новое устройство по очистке бункера

МОЛОДЫЕ РАБОЧИЕ И ИНЖЕНЕРЫ МЫТИЩИНСКОГО МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА—СОЗДАТЕЛИ НОВЫХ ПРИБОРОВ.

«СОЛНЕЧНИКИ» ИЗ ИНСТИТУТА ИМЕНИ КРЖИЖАНОВСКОГО.

угольного комбайна, дало экономический эффект свыше восьми тысяч рублей, а всего у Владимира 136 рационализаторских предложений. Он стал лауреатом премии ВООИР 1977 года. А учащийся Одесского технического училища № 7 Евгений Ляшенко в прошлом году награжден медалью «За трудовое отличие». Евгений создал несколько тренажеров, с помощью которых осваивают сейчас профессию электрика многие учащиеся профтехучилищ.

Первое в жизни авторское свидетельство получил недавно учащийся Барановичского ГПТУ металлистов Виталий Петровский. Юный изобретатель создал оригинальный проект разводки мостов, внедрение которого позволит в четыре раза сократить количество квалифицированного обслуживающего персонала и значительно удешевит расходы на сооружение и эксплуатацию мостов.

Появление среди изобретателей и рационализаторов все большего числа юной смены рабочего класса — учащихся ПТУ свидетельствует о совершенствовании процесса обучения и воспитания в системе профессионально-технического образования.

Для дальнейшего развития трудовой и творческой активности молодежи в первую очередь нужны знания. И в этом отношении имеет большое значение опыт комсомольской организации Уралмашзавода, начавшей массовое движение молодых рабочих и специалистов под девизом: «Современные научно-технические знания — каждому», а также движение молодежи Донбасса «От техминимума — к техмаксимуму». Очень удачно решили вопрос о привлечении молодежи к овладению высотами современной науки и техники комсомольцы Московского автозавода имени Лихачева. Они создали отряды НТТМ, девизом которых стало: «Знать, создавать и распространять новое!».

С помощью этих отрядов комсомола организует общеобразовательную и техническую учебу молодежи, проводит смотры и конкурсы профессионального мастерства и научно-технического творчества, организует шефство над отстающими и новичками, постоянно ведет научно-техническую пропаганду. Наверное, вовсе не случайно именно на ЗИЛе зародилась новая форма содружества рабочих и специалистов «Рабочей инициативе — инженерную поддержку».

В рамках движения НТТМ проходит и всесоюзная экспедиция «Внедрение». И, естественно, комитеты комсомола уделяют большое внимание внедрению рационализаторских предложений. Без реализации результатов творческого поиска действительно трудно говорить о каком-то вкладе в научно-технический прогресс. Но реализовать предложение порой сложнее, чем придумать. И объясняется это не только субъективными причинами. Вот почему меня радует все возрастающее число общественных цехов и бригад, занимающихся внедрением нового в производство. Тут надо отметить, что подавляющее большинство работ, представленных на Центральной выставке НТТМ-78, — это не просто экспонаты, это уже реализованные изобретения и рационализаторские предложения.

Ускорение научно-технического прогресса во многом зависит от работы большой армии молодых ученых и специалистов. В прошлом году бюро ЦК ВЛКСМ, Государственный Комитет Совета Министров СССР по науке и технике, президиум Всесоюзного Совета НТО и президиум Центрального Совета ВООИР приняли совместное постановление о Всесоюзном смотре НТТМ. Во всех отраслях созданы оргкомитеты, в состав которых вошли руководители министерств, ведомств и производственных объединений, разработаны комплексные программы НТТМ.

Руководители министерств и ведомств, институтов и предприятий обязаны активно содействовать молодежным творческим объединениям и бригадам, штабам и отрядам НТТМ, оказывать им всевозможную поддержку и выделять средства на создание и расширение материально-технической базы движения научно-технического творчества молодежи.

Все это сделано в соответствии с новой Конституцией СССР, гарантирующей советским людям свободу творчества, в том числе и технического.

С трибуны XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление. В свою очередь, только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены задачи революции социальной — построение коммунистического общества».

Участие молодежи в научно-техническом творчестве одновременно с решением технических задач помогает решать и задачи нравственные, формирует нового человека, превращает труд в творчество, в потребность. Об этом еще раз напоминает прекрасная выставка НТТМ-78.

Валерий ЕВСЕЕВ.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.
Специальные корреспонденты «Смены»

ЗАПОМНИТЕ ЭТО ИМЯ НЕРЮНГРИ

РАССКАЗ ОБ УДАРНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ СТРОЙКЕ

«Приступить к формированию Южно-Якутского территориально-производственного комплекса. Построить железнодорожную линию Тын-да — Беркакит. Развернуть строительство Нерюнгринского угольного разреза, обогатительной фабрики и Нерюнгринской ГРЭС».

(Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы»)

На фоне заснеженных сопкок ярко-оранжевый самосвал со сверкающей в солнечных лучах черной горой угля в кузове выглядел очень впечатляюще — просто глаз не оторвешь. Начальник штаба ЦК ВЛКСМ на строительстве БАМа Валентин Сушевич улыбнулся: «Красиво? Любуйтесь-любуйтесь, а то скоро эта картина останется только в воспоминаниях». И не было в голосе Валентина даже нотки сожаления.

Действительно, как ни хотелось бы машины с углем на автодорогах называть символом освоения некогда безлюдного края, но, как это порой бывает, симво-

лизируют они сегодня не только наступающее будущее — промышленную разработку богатейших угольных месторождений, но и уходящее прошлое: скоро, очень скоро работу самосвалов возьмут на себя железнодорожные составы. Потому что возить уголь Южной Якутии на автомобилях равносильно попытке вычерпать море чайной ложкой.

...Молва о богатствах якутских недр ходила давно. Вот что писал географический сборник «Азиатская Россия» еще в 1905 году: «Возле Якутска, по Алдану в громадном количестве выступает железная руда. В самом городе на базаре за бесценок продаются громадные глыбы ее, взятые прямо с поверхности земли. Якуты обрабатывают ее так же, как древние греки. Они обламывают кусок руды в камельке углями, подерживая жар маленькими ручными мехами; когда углерод выгорит, кузнецы обламывают шлак и полученную ноздреватую массу обрабатывают молотами. Из местного железа якуты выковывают охотничьи ножи, славящиеся во всей области. Несмотря на то, что местные залежи железной руды совсем нетрудно исследовать, в этом отношении не сделано почти ничего».

Долгое время разведка подземных запасов Якутии казалась делом, лишенным практического смысла. Самые оптимистические прогнозы геологов тонули в обилии тут же возникающих вопросов. Хорошо, допустим, есть и уголь, есть и руда. Но как их вывезти в промышленные районы страны? Можно было построить здесь заводы и рудники, но как «забросить» сюда строительные материалы и оборудование? И еще вопрос: кто будет добывать руду и уголь, варить сталь? Ведь на многие сотни километров вокруг в этих местах нет не то что городов, но и по-настоящему крупных поселков. Даже сегодня изыскатели рассказывают, что на водоразделах бесчисленных здешних рек они встречали непуганых зверей и птиц. Здесь немало мест, где не ступала нога человека в самом прямом смысле этого, казалось бы, отжившего выражения.

Ответы на все эти вопросы могла дать только железная дорога. И она их дала. Рядом с пришедшими сюда в день рождения комсомола рельсами стоит своеобразный памятник — монумент в виде огромной глыбы угля. На нем начертано: «Строителям БАМа, открывшим путь к несметным богатствам Якутии. Октябрь 1977 года. Ст. Беркакит».

Ясным субботним утром 29 октября прошлого года на эту новорожденную станцию приехали, пожалуй, все нерюнгринцы (как непривычно еще звучит это слово, но лет через пять оно прочно войдет в наш лексикон!). Приехали на праздник, посвященный открытию рабочего движения по трассе Малого БАМа. И здесь же, на митинге, прозвучал девиз нового этапа социалистического соревнования строителей Южно-Якутского территориально-производственного комплекса: «От последнего звена железной дороги — к первому эшелону угля из Нерюнгринского разреза!»

Под этим девизом трудятся сейчас комсомольцы-бамовцы, которые взяли обязательство сдать линию Тын-да — Беркакит в постоянную эксплуатацию в нынешнем году. Под этим девизом работают и комсомольцы комбината «Якутуглестрой», решившие уже к 60-летию Ленинского комсомола засыпать в железнодорожные вагоны первый уголь Нерюнгри.

Формирование Южно-Якутского ТПК начинается с разработки угольных богатств региона. Лишь сотую часть этих запасов содержит угольный пласт на берегу реки Нерюнгри, но и этого хватит не на один десяток лет, начиная с 1982 года, когда Нерюнгринский разрез выйдет на проектную мощность — начнет отгружать тринадцать миллионов тонн коксующегося угля в год.

И что очень важно — для добычи угля здесь не надо строить шахты. Мощные 20-кубовые экскаваторы, в ковше которых можно бы спокойно разместить вполне приличную комнату, с поверхно-

сти земли возьмут «черное золото», чтобы погрузить в гигантские 180-тонные самосвалы. По специально построенной трассе эти автовагоны доставят уголь прямо к железнодорожному причалу, откуда начнется его путешествие по рельсовому пути.

Следует отметить, что из всех районов, прилегающих к трассе Байкало-Амурской магистрали, якутский участок оказался самым подготовленным к приему первого поезда, к практической отдаче — это результат хорошо продуманной стратегии освоения края.

Сейчас в карьере разреза «Нерюнгринский», похожем на вогнутую овальную чашу размером шесть на четыре километра, идут вскрывные работы. Чтобы добраться до угольных толщ, предстоит взорвать и снять с вершины месторождения миллионы кубометров пустой породы.

Но уголь Нерюнгри «работает» уже сегодня. По автодорогам машины везут его на Чульманскую ГРЭС, на предприятия Алдана и, конечно, на юг, в сторону Тынды, — для нужд строителей БАМа. Только это еще не тот «большой уголь», о котором мечтает каждый житель Нерюнгри — самого молодого и, пожалуй, самого перспективного города Южной Якутии.

Слово секретарю комитета ВЛКСМ комбината «Якутуглестрой» Ерболу Жанисову:

— Строители БАМа сдержали свое слово — досрочно привели первый поезд в Беркакит. Теперь главнейшей становится другая задача: закончить строительство угольного разреза. Труднее нашего комбината, среди которых почти тысяча комсомольцев, решили внести в планы свою, комсомольскую поправку — отгрузить первый эшелон угля на год раньше намеченного срока. В наших обязательствах отражены и энтузиазм строителей и точные расчеты, так что мы уверены: в дни празднования 60-летия комсомола по бамовским рельсам прогрохочет первый состав с южно-якутским углем. Разумеется, для этого требуется полное напряжение сил, использование всех резервов. Готовясь достойно встретить XVIII съезд ВЛКСМ, комсомольцы комбината объявили первый квартал нынешнего года ударным. На всех участках с особой силой разгорелось социалистическое соревнование в честь высшего форума комсомола. Комсомольско-молодежная комплексная бригада Анатолия Кныша из СУ-13, которая работает на строительстве фундамента обогатительной фабрики, дала слово уложить в первом квартале 4,5 тысячи кубометров бетона вместо 3 тысяч по плану. А комсомольско-молодежная бригада шоферов Анатолия Фогеля, работающая в автобазе № 3, выступила с инициативой: «План трех лет пятилетки — к XVIII съезду ВЛКСМ!» Увеличивая темпы работ, не забываем мы и о бережливости: десять тысяч рублей обязались внести комсомольцы в предсъездовский фонд экономики. Ритм социалистического соревнования на комбинате задают комсомольско-молодежные коллективы. К началу этого года их у нас насчитывалось почти семьдесят, но ко дню открытия съезда стало на тридцать больше — фронт работ у нас постоянно расширяется, со всех концов страны едут сейчас комсомольцы в Южную Якутию. И с каждым днем все интереснее, все насыщеннее становится жизнь нового города Нерюнгри. Есть в наших предсъездовских обязательствах и такие строки: отработать на субботниках и воскресниках 3 тысячи человеко-дней на строительстве стадиона, завершить сооружение клуба на 300 мест.

...У меня на ладони маленький кусочек угля, впервые ощутившего тепло человеческих рук. Многие тысячелетия пролежал он в земле, надежно скрытый от людей таежными заслонами, непроходимыми марями, скованный вечной мерзлотой. Но люди нашли подземные кладовые и распечатали их. И, открытая солнцу, ярко засверкала черная жемчужина Якутии.

Два сердца

Два сердца у меня...

Одно
к твоей любви приковано.
В тебя всей памятью втеку
пульс к пульсу
и тепло к теплу.

Второе сердце у меня
бежит из нынешнего дня,
спешит из дня, из маеты
в стерильность зыбкой пустоты.

Солью ли, как с волной волну,
их в боль одну,
в грозу одну?
Два сердца, два,
пока я жив,
упорно бьются на разрыв.

Одним—любил, как под обвал,
другим—угрюмо забывал.
Одним любил я правды дрожь,
другим—неволью слышал ложь.
— Люби!—одно твердило мне.—
Люби! Учись любовь беречь...
— Ты без любви любим вполне,
зачем?—другого слышал речь.
— Ты правдой сам себе помочь,—
твердило первое,—смоги.
— Солги, когда тебе невмочь!—
другое мучило.—Солги!
Я знал, от них мне ни на пядь
не отойти, не убежать.
— Мне больно.

Боль в меня втекла,
втекла—и выстудила пульс...
— А я горю. Хочу дотла
сгореть. Огонь красив и пуст.

Два сердца у меня в груди—
две боли, две мои беды.
Два сердца у меня всю жизнь,
и никогда им не сойтись.
Стучат не в лад и наугад—
и я озвучен,
как набат.
Два сердца—два больших крыла,
меж ними жизнь моя легла.

Живу врасплох, все время на бегу,
захвачен силой песенной, отлетной.
Ах, если б знать мне,
где я вдруг солгу,
где правдою утешусь беззаботной.

Но разве утешает мельтешня—
нетрудно потеряться на базаре...
Глядит моя уступчивость в меня
по-детски бестолковыми глазами.

Покамест жизнь во мне гудит трубой—
и верую и радуюсь покамест—
на нежность,
что транжирил я с тобой,
то памятью, то сердцем натыкаюсь.

Пред прошлым мы добры и тем просты.
Мы ждем: оно обрушится лавиной.
Прости меня, что я такой, прости,
в пятнадцать лет назад иду с повинной.

И, этот день обжив за пядью пядь,
хочу я, сбросив прожитого иго,
беспечное мгновение связать
и вечность, источенную до мига...

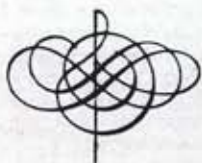
Качает жизнь меня вперед-назад,
всем сердцем к горькой памяти прижат,
притиснут—острие на острие.
Всего себя передаю в нее.
Так в корни вжат тяжелый чернозем,
так в тучу вжат непримиримый гром.
Я вжат в себя,
я вжат в крутой простор,
о время сердце я свое истер.
Остановлю ли нежностью теперь
безудержных мгновений карусель?
Рвануть назад, попячусь,
словно крот,—
оставлю вместе с болью сердца клок.
Рвануть вперед—так легче на миру!—
но сердца от него не отдеру.
Спешу, спешу, спешу ему вдогон:
то явь, то сон,
то тишина, то гром,
то ясность,
то с самим собой разлад.
Я меж грядущим
и былым распят.
Туда-сюда качает жизнь меня,
то под ногой песок,
то полынья.
Качнется миг—
и тут же наяву
я на сто лет вперед уже—живу.
Еще качнется миг—теперь назад—
я центробежной силой в песню вжат...

Вошла смятенность в грудь,
глядит в меня в упор
и светит—в добрый путь!—
как будто светофор.
Следы, следы, следы,
как будто путь слезы.

Терпи, хоть невтерпех,
любви, хоть брошен вдаль!
Поставлю ль под правед
грядущую печаль?

Не ты меня спасла—
таких зачем спасать?..
Легла моя слеза
со мною рядом спать.
И я ее спросил:
— Не спишь?
— Спать не дано!
— Но сердце застудил
я о тебя давно,
как будто о снега...
И слышу я слова:
— Я—малая слеза,
но мной душа жива,
пройду сквозь боль и жуть,
сквозь маету пройду,
а упаду на грудь—
каленный след прожгу!..
Вступил в ее следы
и, словно пять мне лет,
сквозь капельку слезы
гляжу
на белый свет.

олько я выкинул на аэродроме гигиенический пакет, как меня окружили незнакомые парни.

— Это, ребята, техник-геолог к нам на разведку,—объяснил всем летевавший со мной из Бодайбинской главной конторы буровик.—У-у-у, светлая башка, не смотри, что молодняк. Докажет тут нашим про золото. Специальный курс заканчивал!

Меня еще мутило, поэтому я не возражал. Парни подхватили нас и куда-то поволокли. Мы очутились в столовой.

Гул, крик, дым. На столах больше поблескивало бутылок, чем белело тарелок, под ногами спуют разноцветные собаки с ушками торчком и хвостами-вензелями.

Меня усадили за стол. Мой веселый попутчик провозгласил тост. Он говорил, что якобы его друг Толя разгонит бюрократов, наладит дело с нарядами в пользу «работяг» и откроет новые месторождения, дабы расширился фронт работ в Дальней Тайге.

— Пора!

— Наконец-то привез ты, Коля, кого надо!

— Самое то!

— До дна!..

Мне возразить не дали. Какой-то якут тут же подарил мне охотничью, черную, как уголь, собаку Пирата. Лайка с удовольствием легла под стол возле моих ног.

Старик с пронзительными лешачьими глазками подсел ко мне, разогнав парней по углам.

— Цыганов я,—сказал он заманным голосом.—Вся тайга знает Елизара Прокопья Цыганова, и ты, юноша, лови момент...

И он рассказал мне, что нашел «кусочек шкварца с золотым прожилком». И не в долине где-нибудь, а на гольце. Верная жила где-то там, на Горбылях. Да вот беда: Кирьяков нелегко на подъем, недоверчив и плохо понимает в рудном золоте.

— Проверить бы тот гольчик с тобой, юноша,—взмолился старик.—Чтоб лошадку дали, мешки спальные да аванец... Вдруг подфартит! Тогда на свете не зря жил бродяга Цыганов! И тебе, юноша, почет-уважение с первого шага в Дальней Тайге!

Я горячо поддержал старика. Пообещал вместе с ним сходить и проверить заявку. Только вот освоюсь...

...Через неделю старик принес мне в контору свой «шкварец». Волосовидная жилка золота просекала молочно-белый кусок. Я показал обломок начальнику партии Кирьякову. Тот хмыкнул, встопортив вислые усы.

— Цыганову верить—все равно что небо мерить!

— Не на небе же он нашел образец,—возразил я.

— Так он тебе и покажет, где нашел,—сказал начальник и шмыгнул приплюснутым носом.—Какую-нибудь свою цель преследует старый копач.

— Можно ведь попробовать расколоть хитростью,—ответил я, перебрасывая камень из руки в руку.—Для чего нас учили в техникуме?

— Ну, если учили—сходи,—сказал Кирьяков, смешав поводья глазами в косых надрезах.—Не найдете золота—слуплю с тебя стоимость всей затеи. Прими к сведению, лошади здесь дороже золота. А вам лошадь нужна... Ну, ничего—за год рассчитаешься. И впредь будешь умнее.

...Моему отряду придали лошадь по кличке Лиса. Она была наполовину пегая, наполовину гнедая. Лиса великолепно развязывала зубами всякие узлы. Делала

Геннадий МАШКИН

РАССКАЗ

МЫ-ЗОЛОТ

это она с одной целью—удрать назад, на прииск, к кормушкам с овсом. С какой лошадиной тоской глядела Лиса на поселок, когда мы переправились на ту сторону Жуи!

Стоя в лодке, начальник партии говорил мне напутственные слова:

— Смотри в оба... Цыганов может из тебя веревку свить и достать ею фарт себе. Тогда вычетом не отделаешься...

— Ладно, счастливо оставаться.

Я разозлился не на шутку. Этот самоучка все время опекал и поучал меня. Точно я пришел в тайгу из детского сада. Слава богу, я в тайге уже отработал пять месяцев. На практиках. Были под моим началом бывшие правонарушители. Вот то ребята—да! Оторви да брось! А этот старикашка... На серых штанах его синяя заплатка. Только называет себя важно: «копач», «таежный бродяга». Смешно, и только!

Я оттолкнул лодку с начальником от берега. Вода подхватила и понесла ее. В какие-нибудь минуты лодку могло унести за километр от поселка. Но Кирьяков уперся шестом в галечное дно. Он повел лодку по шивере против течения. Ловкий, черт! Меня бы унесло вместе с шестом. Я глядеть-то на шиверу не могу—голова кружится. Но в золоте разбираюсь, наверно, получше здешних грамотеев.

Цыганов оторвал меня от размышлений, затянув дребезжащим голосом:

— Я не варвар какой, чтоб меня опасаться. Было время—земля в глазах вертелась, а теперь для людей я мягче травы...

Я сочувственно молчал. Вскинув «тозовку» на плечо, свистнул Пирата и зашагал по тропе. Цыганов поправил вьюк, взял Лису за уздечку и пошел вслед за мной.

Навстречу нам из-за хребта Шаман выходили чистые облака, от которых ощутимо веяло холодом. Осень в разгаре... Поздно мы вышли. Если снег нас накроет внезапно, придется мне расплавиваться за эту незапланированную экспедицию. Интересно, найдутся тогда сочувствующие мне или все отхлынут от молодого зарвавшегося специалиста? Вернусь фартовым золотоискателем, или останется мне уповать на учительскую зарплату мамы да охотничьи способности Пирата?

— Давно вы здесь, Елизар Прокопьяч?—спросил я Цыганова. Мне надоели тревожные мысли.—Сколько уже промышляете в Дальней Тайге?

ОИСКАТЕЛИ

— В двадцать пятом дядя, упокойничек, привез меня сюда, — ответил старик, и глаза его сверкнули зеленой слюдой, — посвятил в старательское дело. Уж я-то поимел терзания по старательскому сектору, юноша! И сколько золотишка ни выносил в жилое место — все растранижил. А теперь близок локоть... Надо бы домик купить на юге, да косточки на солнце погреть, а не на что...

— Ну, дальнетайгинцам грешно жаловаться... Неплохо получаете и на старых россыпях, особенно опытные разведчики.

— А-а, слезы это — не заработки по старым временам. — Он осторожно уложил на место плитку песчаника, которую я свернул сапогом. Под нею была колония муравьев. — Фарт сорвать надо, а сил нет, и времена старые отошли.

— Вот и пора зацепиться за коренное золото, хотя бы маленькое рудопроявление, позарез необходимо оно району, Елизар Прокопич!

— Району?..

Но я не смог ответить на усмешливый вопрос спутника: как назло, залаял Пират. На золотой листовнице я увидел легкого зверька. Выстрелил из медкашки и неожиданно попал. Белка хваталась за зыбкие ветки, пока не упала на землю. За нею тянулась струйка желтой хвои.

Цыганов смурно посмотрел на меня и спросил:

— Белка невыхоженная, зачем стрелил?

Мне стало как-то не по себе. Зачем, в самом деле? Но не мог же я допустить, чтоб мой подчиненный читал мне мораль? Хватит того, что начальник укалывал меня, будто я ни черта не смыслю в тайге.

— На шапку сойдет, — ответил я. — Матери пора беличью справить, а то ей не по карману. Если разведчики жалуются на заработки, что остается бедным учителям?

— Тайга, она добрая, — жестко сказал старик, — но не нужно, юноша, злоупотреблять. Спроси — и я скажу, где брать можно, когда, зачем. А так вот — тайга беднее стала птицей, зверьем и золотом. — Он посмотрел на Пирата колюче, словно приговаривал его к смерти. — Собака дурная — ей на бурундуков лаять. Хорошую кто же подарит?

Я подозвал Пирата к себе, дал обнюхать белку и ласково потрепал его стойкие черные уши.

— Для начала неплохо... А дальше будем осваиваться... каждый в своем жанре...

— Черного кобеля не отмоешь добела,—буркнул Цыганов.
— А он позолотится вместе с нами в этих гольцах,—ловко намекнул я, обсыпая пса золотыми иголками.

Тайга до самой вершины Шамана рыжая, лиственничная, и только долина Хомолхо, где пролегал наш путь, змеилась чернотой елок. Мы поднимались на Шаман за веселым Пиратом чуть ли не на четвереньках. Дышали, как загнанные олени. Я ждал, когда старик остановится. Но он не сдавался. Наконец Цыганов привалился к одинокой корявой лиственнице. На ней трепыхались разноцветные тряпочки, шкурки, позвякивали консервные банки, раскачивались бутылки и две кожаные рваные сумки. Старик вытащил из кармана кусочек зеленого ситца и завязал повыше. Потом он вытер с лица пот и закурил, свернув сигарку с добрый сучок.

— Зачем?—спросил я, выдыхая парок на разукрашенное дерево.—Какой смысл?

— Скоро перевал,—ответил он.—Так у нас полагается, юноша. Чтоб фарт подвалил и согласие меж нами было.

— Мудрая штука.—Я нашел в кармане куртки недействующую зажигалку и прищемил ее к веточке шаман-дерева.—Чтоб согласие крепло меж нами!

Цыганов поглядел на блестящую игрушку, и правая половина его сухого лица страдальчески искривилась. Я почувствовал, что такая щедрость ему не по нутру.

Мы передохнули и после этого быстро вышли на перевал. Оттуда я увидел гольцы с высоты птичьего полета. С южной стороны они были выкрашены в золотые и розовые тона, а с северной—в черно-зеленые. Даже внешне они были необычайно разнообразны, хомолхинские гольцы. А сколько дорогого металла еще скрыто в них?!

— Зажигалку ты зря повесил,—проворчал старик и зорко взглянул в изгибы новой долины.—Мало ли что может случиться... А ты не куришь, стало быть, спичек нет?

— Да зажигалка-то сломанная,—ответил я и подмигнул.—Зато на фарт повезет, может быть, настоящий, а?

Пронзительный взгляд старателя потеплел. Цыганов сорвал со своей головы седую шапку, обмахнулся ею и призадумался.

— Настоящий фарт от настоящего бывает...

— Идем-то по-настоящему, цель достойная и риск немалый!

— Тогда барда, как говорят якуты, вперед то есть, юноша!

Спуск был не легче подъема. Марь вымотала из меня последние силы. Вязкая и хлипкая, она покрывала весь северный склон Шамана.

Когда мы спустились к Молвушке, я упал на траву возле воды и сказал, что здесь будет привал. Цыганов суетливо согласился. Он развьючил и стреножил лошадь. Затем собрался поохотиться. Старик пошел вдоль речки. За ним побежал Пират.

Я отдыхал, уткнувшись лицом в желтую осоку. Слышал тихое клокотанье ручья. За полчаса охоты раздался только один выстрел.

Вернулся Цыганов без Пирата.

— Ничего не убил?

— Два пустых да порожний.

— А где Пират?

— Назад удрал... Понял: объедать нас не стоит.—Он подсмеивался, но в глаза взглянуть не торопился.

— Странно получилось: то не сбегал, а то вдруг...

— Нрав у наших собак неопределенный, а эта хуже всех, Пиратка-то...

— У людей здесь, похоже, не лучше характерцы...

— В тайге зазря никто не бросит тебя, юноша.

— Зато с первых шагов здесь пытаются поднять меня под себя, как малолетку, что ли?

— В тайге тот старший, кто опытней...

— Не выйдет, Елизар Прокопич, все-таки у меня диплом техника-геолога, кое-какие права имею и директивы на поиски рудного золота, и зря ты собаку мою прогнал, если не хуже...

— Собака эта во вред нам.—Не убирая ружья с колен, старик начал заряжать стреляную гильзу карточью.—Как пить, медведя приведет и бросится под ноги к тебе спасаться, юноша.

— Испугался!—Я хмыкнул со злостью.—Копач, таежник, разведчик!

Цыганов спокойно ответил мне:

— А чего мне бояться с таким ружьем? «Зауэр» хорошего бою. Одного охотничка на горбачей я срезал за полсотни метров в те еще времена...

Я уставился на беззубый рот старика, словно на живой дульный срез.

— Был такой зимовщик на Нечере. Через устье Нечеры шли раньше, когда не было самолетов, копачи-горбачи на прииск Светлый, оттуда до Бодайбо. И как узнает Кирсаных, что человек с золотом идет,—не быть тому живу... Много мертвецов Жуя приносила к Перевозу. А и Кирсаных принесла однажды. Прямо в лодке... Плыл он на Перевоз торгачом харюском, а я, на грех, вышел к Жуе с Балаганаха, где старался тогда. Сижу, отдыхаю, вижу—плывет. Я кричу: «Посади в лодку». Он отвечает: «Сыпь два золотишка... Не хочешь—плыви на чем стоишь». Я ему и всыпал картечи из обоих стволов...

Меня зазнобило. Старик увидел, что я нахохлился, и расценил это по-простому: пошел собирать сухие хворостины, развешанные полой водой на кустах тальника. Насобирав охапку, Цыганов развел костер. Я не отставал, сбегал к ручью с чайником и поставил на костер чайник. Огонь обтекал его со всех сторон и взвивался в холодное небо.

— Без собаки на шапку бесток не набить,—сказал я, глядя в прыгучий огонь.—А так хотелось сделать маме подарок в день моего рождения... Без отца вырастила меня, думать научила, в тайге ориентироваться.

— Зачем нам бить?—откликнулся Цыганов.—Мы золотоискатели. Фарт будет—из соболей шапки пошьем.

— Если выпадет удача—для матери уже праздник,—сказал я.—Она из семьи золотоискателей—понимает толк в рудном золоте. С детства мне внушала: должен переплюнуть отца. Тот искал-искал, да и бросил. Сломался и оставил поиски, а заодно и нас с мамой... Вот была бы штука, открой мы с тобой хоть жилешку, Елизар Прокопич.

Смешок у старика—как у Кошера Бессмертного. Он пошуровал в костре, давая ход внутреннему жару, и заметил:

— По мне теперь лучше не журавля в небе, а синицу, да в рукавицу, юноша!

— Нет, Елизар Прокопич, настало время журавля, и никуда от этого не денешься!

— Я-то денусь.—Глаза старика вызолотились огнем.—В южные края, в свой домок у теплого моря...

— Да что за блажь у тебя, Прокопич, когда не знаешь еще, как тот климат подействует на тебя!—завозмущался я.—А тут здоровая природа, хвойный воздух, хрустальная вода... И люди привычные...

— Хорошо тебе говорить,—закричал Цыганов.—С молодыми костями и я так рассуждал, а теперь по теплу тоскую...

— Здесь ты знаменитый старик,—польстил я напарнику,—а там превратишься в обыкновенного пенсионерку.

— В обыкновенного?—заикнулся Цыганов и нахохлился.

— В заурядность и посредственность,—подтвердил я.—Как мой отец... Он поселился в Туапсе и стал кассиром...

Мы замолчали, готовясь к чаепитию. Но костер выдавал растерянные взгляды Цыганова из-под бровей, напоминающих болотные кочки в осеннем убранстве.

На второй день мы вышли в долину Молво. Тропа соединяла закрытые прииски. Это были таежные городки с инеем на крышах и с черными провалами окон. Как острова тропических морей, они имели пестрые названия: Эфемерный, Радостный, Хрустальный, Тихоно-Задонский, Александро-Невский, Красноармейский.

— Эх, жизнь была когда-то!—воскликнул Цыганов, когда мы проходили Эфемерный.—У фартовых земля в глазах вертелась: куда ни ткни, везде наткнешься на золотишко.

— Чувствуется... осенним эхом отозвался я, склонив голову в сторону русла, где бесконечной грядой тянулись отвалы перемытой породы. На лысых макушках отвалов сохранились лиственничные кресты. То были могилы приискателей. Между крестами выросли кривые березки.—Только многие ли попользовались тем золотишком?

— Ну, если головы на плечах не иметь...—буркнул Цыганов.

— Сдается мне, тут ее мало кто имел, раз до тебя не было жильных находок, Прокопич...

На лице моего спутника заиграла улыбка. Надо потоньше с ним. Честолюбивый старик. Забыть пока про Пирата! Ради дела. Золото должно быть здесь—неглубокая россыпь-то. Откуда-то металл неиздалека приносился в россыпи. Конечно, по всем курсам геологии коренные источники трудно найти. Ищут их годами целые экспедиции. Земля сибирская велика... Но можно наткнуться случайно на жилу. Вот старик набрал на кварцевый обломок с золотом. Где-то близко должна быть и сама жила. Если найдем, целый переворот в жизни Дальней Тайги! Всего района! В геологических умах! Слух докатится и до Туапсе...

— Золото здесь есть!—вырвалось у меня как заклятие.—Еще оживут эти поселки, Прокопич!

— Есть золотишко, как не быть,—согласился он, и кадык на морщинистой шее выпятился.—Кое-где остались целички под старыми выкладками. Отводили, к примеру, копачи русло, выбирали золотой пласт, а под кладкой и не выбрали. Забыли... Однажды я под таким вот серым крестом двадцать золотишков насреб... Косточки промыл до последнего позвонка... Не попользовался горемыка-копач золотом. Унес в могилу... А поселушки эти не оживлять, сжечь и сажу и верхний слой почвы промыть—вот где озолотишься! Понапрятал народишко, а по большей части не попользовался...

— Я не про то золото,—сморщившись, ответил я.—Говорю о кварцевых жилах. Нам бы хоть одну найти. Зацепка чтоб была для поисковых работ.

— Думаешь, хозяева дураки были, что не открыли ни одной жилы?

— Умными не назовешь!

— Вот умник нашелся.—Старик хлестнул себя прутиком по резиновым широким голеницам сапог.—Да такого, как ты, они на пушечный выстрел к делам бы не подпустили! Хозяин—он без гарантий со мной не пошел бы.

— Вот поэтому и потеряли здесь все твои хозяева!

— А вы много нашли, изничтожив их?—Во рту старика все-таки ощерилось несколько бурых зубов.—Два пустых да порожний?!

— Откроем,—ответил я и рванул ветку, загоревшуюся дорожку.—Не сейчас, так в следующий раз!

— Посмотрю, как заговоришь, когда Кирьяков начнет драть с тебя пятьдесят процентов, юноша!

Я остановился, словно ожгло пульей. Повернулся на каблуках и загородил тропу.

— У тебя взаймы не попрошу!—сквозь зубы отчеканил я.—А голодать не привыкать!

В бурно-зеленых глазах Цыганова запестрели слюдинки. Старик не дал мне долго смотреться в себя, как в зеркало, и проскрипел с примирительным смешком:

— Знал я одного повара, который среди продуктов от голоду помер...

— Ну, я еще оскомины не набил...—зашагал я дальше.

— Эх, юноша мой драгоценный, тут англичаны работали в концессию. А они, парень, головы...

— Плевал я на англичан,—ответил я.—У меня русская башка на плечах.

— Раньше и я плевал кой на какие вещи,—сказал старик мне в спину.—А теперь близок локоть... И снится мне домок беленький, солнце горячее, виноград, и бабенка светленькая ставит самовар... И черт с ней, со славой таежной да знаменитостью!

У меня отлегло на душе. Я пропустил Цыганова и пошел рядом с ним. Тропа была здесь широкая. Я ликовал про себя: мне показалось, что я переломил старика. С удовольствием прислушивался, как холостыми выстрелами хлопали его свободные резиновые голенища. Лиса два раза наступила ему на пятки. Цыганов отхлестал ее по морде прутом. Я решил поговорить с ним поласковой: надо крепить дух отряда перед главной операцией.

— Ты думаешь, Прокопич, я такой уж бодрячок... Ха! Мне совсем не хочется, чтобы Кирьяков стриг мне зарплату. Хочу накопить на путевку в Индию. Сам знаешь про мечту: маме ко дню рождения— меховую шапку. А в Бодайбо у меня стоит огромный книжный шкаф. Увы, пока пустой.

— Если с умом, то мечтания сбудутся...—Голос Цыганова затаялся наподобие ветра в потайных скалах. Из-под старой шапки выбился клок платиновых волос, блеснувших от пота.—Тайга, она щедрая... Выдать может фарт и бодрячку и старичку.

— И общественному сундучку?—добавил я.

Старик отвел глаза. Видно, я сказал не то, чего хотелось бы Цыганову.

Мы перешли на темную сторону гольца в новую падь. Старик произнес:

— Вот ручей Веселый.

Не успел я подумать о привале, как он развьючил и спутал Лису и пошел куда-то с ружьем и лотком.

Через пару часов Цыганов возвратился возбужденный. Он вывернул на кусок бересты маленький кожаный мешочек и высыпал щепотку золота. Лепешечки и чешуйки металла были сырые, зеленовато-соломенные. Он долго сыпал их с бересты в мешочек и обратно, словно дразнил меня. А я и не скрывал своего удивления: за два часа граммов десять намыл старик! Нет, видно, не зря у Цыганова слава большого мастера на золото.

А старик поел разогретого колбасного фарша и, кажется, не заметил, что ел. Напарник мой глядел в одну точку костра, но глаза были то темные, то вдруг золотились. Наконец он повернулся ко мне и сказал:

— На золото выходим. Знаешь, что будет на Горбылях, юноша? Вспоминаю одну ямку, брошенную по глупости моей. Хорошее было золото, да искал богаче...

— Пласт глубоко?

— Метра два, не больше...

— Это за неделю можно мешочек твой набить?

— По тем местам за неделю легковушку можно заработать.

Он сладко зевнул и полез в спальный мешок прямо в телогрейке, штанах и шапке, будто не хотел терять поутру лишнего времени на одевание.

На третий день мы вышли к Горбыляху.

Тропа уползала в щетину желтых кочек. Ветерок носил в воздухе оранжевые иголки с листенниц. Они сверкали в осеннем солнце, как золотые сrostки, и отчаянно кололись, когда попадали за шиворот. Но выбирать их не было времени — мы шли с самыми необходимыми остановками.

Цыганов подпирал меня сзади. Он вел Лису, которая по обыкновению хватала траву справа и слева. Но сегодня ей редко удавалось пожевать на ходу: возчик рвал недоуздок, как сумасшедший.

— Но-о, недоделанная!

Старик торопился и нервничал. Он пристально оглядывал русло мелкой речушки и каждую старательскую яму с зеленой водой. У одинокого зимовья с прогнившей крышей он вдруг остановился, схватил лоток и рысцой побежал к речке. «Шлеп, шлеп, шлеп», — хлестко стучали его голенища, а эхо отзывалось ружейными выстрелами.

«Неужели близко жила?!» — скакнуло сердце в самое горло. Я наспех обмотал поводок вокруг березки, сбросил вьюки и выдернул из связки лопату. Со штыковой этой лопаткой наперевес я бросился за Цыгановым, треск от которого несли по всей пади.

Ветки листенниц хлестали меня по лицу и стряхивали иголки за шиворот. Но я старался не упускать из виду синюю заплату на штанах напарника. Мы бежали от зимовья метров триста. Наконец Цыганов опустился на колени перед затопленным древним шурфом, словно собирался молиться на него.

Когда я подошел к старику, он ползал по траве и горстями набирал в лоток мелкий галечник. Я помог ему лопаткой.

— Не думай тогда, бросил, а по теперешним временам клад!

Цыганов промывал породу тут же в шурфе. Он покачивал лоток, словно люльку с ребенком. Старик выплескивал муть через борт, а крупную гальку выбирал красными пальцами.

Породы на обожженном дне лотка становилось все меньше. И вдруг я увидел в углу на черном фоне несколько желтых лепешек, комочков и много чешуек, зернышек. Золото! И какое богатое! Покопался, намыл сколько надо и делаю что хочешь... Пусть Кирьяков наваливается, а ты — в институт! Будет на что учиться и матери помочь будет чем... И никакого обмана — жилу можно параллельно поискать. Но едва ли оправдаются надежды. Действительно, почему ее раньше не нашли? А тут некий Анатолий Сергеевич Мускин, техник-геолог Муса, сосунок, вдруг наталкивается на открытие, которое за двести лет не могли сделать другие?!

Цыганов оставил лоток плавать в воде и, счастливый, смахнул со лба пот. Он свернул цигарку и мне дал махорочки и газетку. Я сделал кривую «козью ножку» и затянулся. В голове будто рой комаров зазвенел. И тут-то стали больно впиваться эти комары изнутри — не собеешь. Отбросил цигарку, а они настойчивей. И пришлось напрячь память, чтобы разогнать угар. «Получилось по-цыгановски, — растерянно собирался я теперь с мыслями. — Сам стал на позиции старика, юноша! Выходит, не ты его, а он тебя?!

А Цыганов как будто и не сомневался, какой эффект произвело на меня золото.

— Сидело давно в башке это место. — Стариковы глаза залучились зеленым счастливым светом. — Да лошади не было и напарника. Попробуй ямку выбей один. А теперь вдвоем мы гору свернем. С пятидневку постараемся — домик мне обеспечен, а тебе — что хочешь...

По бесшабашным интонациям в его голосе я понял, что пятидневкой тут не обойдешься. Стоит только начать шурф, потом не бросишь, а там увязнешь, может, насовсем...

— Слушай, Елизар Прокопич, а где ты нашел свой «шкварец»? — спросил я его, усиленно коверкая слово «кварц», чтобы охолонуть старика.

— Да брось ты, — ответил Цыганов. — Ходим по золоту, какой нам еще кварец!

— А все-таки? — угрюмо спросил я.

Старик без раздумий показал мне самый высокий галец. На вершине его лежал серпик раннего снега. Ветер дул оттуда. Даже колынуло меня снежинкой в лоб. Я долго смотрел на снежный серп, продумывая свои дальнейшие действия. Отрадного было мало: за несколько дней до большого снега такой гольчище трудно обыскать. Сама обстановка толкала в этот вот шурф с реальным золотом...

— Ты не сомневайся, — пытался успокоить меня Цыганов, — ордерок на старание я получил. Золото сдам честь по чести. Куш поровну, слово — олово. А если захочешь, кое-что припрятать можно — комар носа не подточит...

— Я думаю лишь об одном, — отмахнулся я. — Успеем ли проверить заявку до снега?

— Да на кой ляд нужна та проверка нам? — Он хохотнул. — Чего камни в гольцах ворочать? Здесь карымцы все облазили за столько-то лет. Концессия работала. Англичаны, они тебе не наш брат... Шкварцевые жиленки все обстучали и плюнули на будущность этого края. Здесь только прошлость одна!

Лучше бы он молчал. Но напарник доказывал и доказывал, что золотоносных кварцевых жил никто во всей Дальней Тайге не находил. Его обломок — случайный. Набрел он на него на этом гольце, да точно не помнит, где. И за эти дни надо по-умному здесь помыть для себя золотишко, а потом выдать место Кирьякову, покрыв тем самым расходы на экспедицию.

Пока он говорил, брызгая слюной, я думал о матери. Знала бы она, как я чуть не сошелся со стариком в одном намерении! И можно было сделать так, что действительно комар носа не подточит, не то что милиция. Я еще могу взять это золото... ценой потери того, что всю жизнь накапливалось матерью в моей душе, как в копилке. И не только матерью... Вот отец ничего туда не бросил, ни золотишка, ни золотой хвоянки. Он обрадовался бы, конечно, моему искушению. Встретил бы меня с золотом в своем Туапсе как родного. Во всем родного! Тогда бы мы породнились втроем: этот дед, отец и сын. А маму пришлось бы потерять. Но этого я не сделаю, хоть усыпь меня золотом всего мира. Никогда не сделаю!..

— Сначала проверим заявку, — оборвал я старика голосом старшего. — Потом можно будет посмотреть россыпь на предмет рекомендации под разведку.

Я пошел к зимовью. Цыганов, шурша сзади, доказывал, какой я глупый юноша. Под конец он плюнул и заявил:

— Можешь весь галец перерыть. Я вольная птаха, дуракам не подмога — буду стараться здесь.

Я приостановился, скрестив руки на груди.

— Нам надо искать коренное золото. Иначе ты полетишь по статье!

Он опередил меня, упал на колени и воздел вверх руки.

— Не найдем ничего на этом гольце, слово Цыгана, — прохрипел он. — Только время зря потеряем... Потом будешь на хлеб получать, воду и соду, чтоб изжоги не было.

— Чего ты пристал ко мне, душа твоя копейка! — заорал я на него, сжал кулаки и осекся.

Зрачки его глаз увеличились. Я опять видел в них свое совсем несуровое лицо под несуразным накомарником. Губы старика дергались в мучительном тике. Я выпалил ему в лицо оскорбление, хуже которого трудно придумать у бодайбинских копачей. За такое расплачиваются дорого... И Цыганов прытко бросился к зимовью — молодому не угнаться. До ушей долетело только:

— Кончу, как Пирата... В тайге ищи-свищи...

А у меня ноги стали, точно деревянные. Момент, чтобы догнать его, я упустил... Вот Цыганов скрылся за зимовьишком. Я представлял, как он выхватывает свой «заур» из-под веревки вьюка и взводит курки. Я как будто услышал легкие кланьяе пружин. Подумалось, что не поздно убежать. Дать крюк по тайге и выйти к Перевозу. Сначала прыгнуть за ту листенницу, потом зигзагами до тех кустов, а там... Я в мыслях бежал, как кабарга, а сам шел к зимовью. Нелзя было назад — это бы за мою душу и копейки тогда не дали. Все ближе и ближе ржавая скобка, вбитая в торец бревна. Перед самым углом я сделал глубокий вдох и шагнул вперед.

Цыганов сидел на пеньке и сворачивал цигарку трясущимися пальцами. Сначала я не заметил отсутствия Лисы. Потом увидел березу с желтым следом веревки...

— А ты... ты каким узлом веревку вязал, юноша?

— Простым...

И он начал костерить меня на чем свет стоит, какой я никчемный, неумелый, какой растяпа...

Я лег на жесткую траву и стал рассматривать двух муравьев. Они тащили золотую хвоянку. Каждый норовил волоочь ее своей дорогой. И все-таки хвоянка подвигалась к муравейнику: один из муравьев оказался сильнее. И в нашем отряде произошло то же. Старик все-таки был старик. На месть его не хватило, побег Лисы выбыл из колеи, и теперь он отбредивался, как старый пес. Вот мысли угадывал он чужие запросто. И сейчас он смолк, выпуская целую дымовую завесу.

— Ночуй у костра, — вдруг предложил Цыганов. — В зимовье балкой убьет гнилой.

Он понуристо встал, забросил на плечо свой «заур» и зашагал по лошадиным следам, залитым водой.

— Без советов обойдусь, — пробормотал я, с ненавистью глядя в синюю заплату. — Скатертью дорожка.

Три раза я поднимался на галец с серпиком снега. Обошел его вдоль и поперек, разгоняя стаи белых уже куропаток. Расколотил все глыбы кварца, которые встретил на своих маршрутных зигзагах, но не обнаружил ни блеснинки металла.

В третий вечер я спускался к зимовью голодный и злоющий. Знал, что на четвертый день не смогу подняться в галец. Охотиться на шнырявших куропаток уже не было сил. А от голубицы, брусники и стланиковых орехов у меня расстроился живот. От того души дрожали и в глазах зыбились гольцы: мозаика из ярких и темных пятен. Если бы выпить сладкого крепкого чаю, можно бы и на четвертый раз подняться. Но кончились спички. А чертов напарник не удосужился мне, некурящему, оставить запасную коробку. Я бы этого старика разорвал сейчас на тысячи кусочков! Нет, не хватило бы сил. Если бы попить крепкого чайку...

И вдруг я почувал запах чая. Хорошего индийского чая. Такой мы заваривали со стариком. Галлюцинация?.. Но и костром пахло. Я слотнул слюну и побежал к зимовью. Все ближе ржавая скобка. Теперь я чуял явственно запах костра и чая. Перед самым углом я сделал глубокий вдох и вышел успокоенный.

У костерка на короточках сидел старик с синей заплатой на штанах. Я так обрадовался ему, что не заметил Лисы. Потом увидел огромный узел на веревке, обмотанной дважды вокруг березы.

Я упал возле костра.

— До самого шаман-дерева гнался, — сказал Цыганов, наливая мне чай в кружку. — Хитрющая ведьма.

Я кинул в чай большой кусок сахара, размешал палочкой и стал пить маленькими глотками.

— Зачем вел назад ее? — Я пожал плечами. — Лишние конедни подвешат мне, и только.

— Не подвешат, — ответил старик, ковыряя прутиком в костре. — Должен фарт подвалить...

— Поздно ты кинулся, — сказал я сухо. — Обшарил твой галец — два пустых да порожний.

— Это не тот галец, — ответил старик. — Я показал тебе самый высокий, чтоб сбить охотку. А тот гольчик правее...

Я даже не поднял головы — какое-то отупение навалилось на меня вместе с чаем. Лишь вспомнил, что снежные косяки с каждым днем все уверенней затягивают склоны гольцов. И вот они, мохнатые снежинки, словно по вызову, прилетели к самому костру.

— Погода-то больше не даст нам резвиться, — заметил я.

— Придется оставить поиск на будущий год, — согласился Цыганов.

— Даст ли теперь «добро» Кирьяков?

— А чего же не дать? — загорячился Цыганов. — За такую-то россыпь! Да дома у меня второй отломок шкварца с золотым «тараканом»!.. Да сам Кирьяков Муха не такой уж хищник, заверяю тебя! Наш он, дальнетайгинский, понятие к настойчивости разумеет, и на фарт нюх у него имеется... Нет, не хищник он, чтоб не выпустить нас на будущее лето!..

Старик, подшуровывая костер, продолжал яростно убеждать меня в достоинствах нашего начальника. А я сквозь полудрему думал, что достоинства есть, несомненно, и у самого Цыганова. Не застрелил бы он меня, как Пирата, даже не сбеги Лиса: хозяйственный мужик. А хозяйственный, он понимает толк в смене. Работать с ним сложно, но можно. И мы еще с Елизаром Прокопьевичем Цыгановым выйдем на поиски коренного золота. Мы с ним золотоискатели.

9 МАЯ—ДЕНЬ ПОБЕДЫ.

Подвиг отцов—в сердцах сыновей.

Таранный удар ни в одном учебнике по тактике не значится как прием воздушного боя, но среди сбитых советскими летчиками фашистских самолетов несколько сот уничтожено именно этим боевым приемом. Больше всего фашистских асов поражаало то, что после сокрушительного, казалось бы, смертоносного для обеих сторон удара «эти безумцы русские чаще всего ухитрялись остаться живыми и сохранять свою машину!». Любопытно, что ни в одной публикации об авиации вермахта после первых же столкновений с советскими ВВС в Великой Отечественной войне не цитировались хвастливые слова фюрера: «Славяне никогда ничего не поймут в воздушной войне, это—оружие могущественных людей, германская форма боя».

Ни один из гитлеровских храбрецов, лихо бомбивших города Европы и расстреливавших женщин и детей, не решился ответить тараном на таран! Более того, после бесплодных дебатов «быть или не быть» тарану в ВВС вермахта был издан секретный циркуляр—«уклоняться от таранного удара соблюдением дистанции не менее 100 метров от советского самолета». Русские тараны приучили фашистских молодчиков к осторожному маневрированию и стрельбе издалека даже тогда, когда они скопом налетали на одинокий советский ястребок.

Наши союзники во второй мировой войне накануне открытия второго фронта попытались взять на вооружение «удалой прием русских», подкрепив его техническими расчетами. Фирма «Бахэм» выпустила дешевый самолет-таран одноразового действия: летчик должен был вывести его на цель и сию же минуту выброситься из машины с парашютом. Позже, в преддверии близкой победы, фирма «Нортроп» сконструировала истребитель для таранного удара, который предполагалось наносить передней кромкой крепкого, усиленного листами магниевых сплавов крыла по хвостовому оперению неприятельского самолета. Однако эти истребители разрушились в первых же полетах.

Итак, из нескольких сот таранных атак, зафиксированных в анналах мировой авиации, все принадлежит советским летчикам, совершившим их на истребителях всех типов, на пикирующих бомбардировщиках, на штурмовиках, на американских машинах «Томагавк».

...В эскадрилье шла очередная отработка стрельбы по шарам. В воздухе—самолет Валерия Чкалова. Атака, еще атака. Но шар все так же невозмутимо покачивается на длинном тросе. Не в чкаловском характере оставлять даже такого безвредного врага непобежденным. С земли видно, как истребитель знаменитого советского аса разворачивается и, не стреляя, пронесется почему-то вплотную к шару. На глазах у всех «противник» жалко худеет и обвисает.

— Почему лопнул шар?—спрашивает Чкалова на земле командир.

— Один пулемет отказал. У второго кончились патроны. Я пошел на таран, как Нестеров.

В этом ответе сформулированы обе причины, побуждающие летчика идти на таран: когда отказывает оружие, когда кончаются патроны. Потому что таран не самоцель, он порождается этими двумя исключительными обстоятельствами. Чкалов не предполагал, что вскоре таранный удар пусть не часто, но все же окажется в бою единственным и последним оружием, останавливающим врага.

...1914 год. На вооружение армий впервые поступили аэропланы—безоружные, с фанерными фюзеляжами, легкие до такой степени, что крен от порыва ветра грозит неминуемой катастрофой. И хотя авиаторам выдают маузеры и браунинги, но, безрезультатно расстреляв все патроны по движущейся цели, воздушные противники зачастую расходятся в разные стороны, погрозив друг другу кулаками. В генштабах всерьез поговаривают о возможности «сдувания» вражеского аэроплана струей воздуха от своего самолета, о вооружении машин мортирами, стреляющими струей сжатого воздуха с примесью отравляющего газа. Но пока обсуждаются эти химерические проекты, авиаторы вооружаются самостоятельно, полагаясь на собственную смекалку. Кто-то придумывает подкладывать под сиденье чугунную сковороду—защиту от пуль с земли, кто-то берет в полет трос с тяжелой гирей, чтоб опутывать им винт вражеского самолета, а командир 11-го авиаотряда Юго-Западного фронта Петр Нестеров, знаменитый своей блистательной «мертвой петлей», придумывает

множество хитроумных приспособлений: бомбу на длинном тросе для уничтожения вражеских дирижаблей, пилообразный нож для вспарывания аэростатов, укрепленный на носу «Морана». Он первый предлагает вооружить аэропланы пушками и пулеметами.

...В тот вошедший в историю мировой авиации день 26 августа 1914 года над аэродромом 11 авиаотряда под городком Жолкевом появился самолет противника неизвестной марки. В сопровождении «Альбатросов», похожий на них, но куда крупнее, тяжеловеснее, он вдруг вывалился из облаков, безбоязненно снизился и сбросил бомбу—первую авиабомбу—на Юго-Западном фронте.

— Аппарат!—закричал Нестеров, стремглав бросающийся к своему «Морану».—Ну, на этот раз не уйдет, я для него одно средство придумал.

Очевидец первого в истории таранного удара так описывает драматические события над Жолкевом:

«Австриец заметил появление страшного врага, видно было, как его аэроплан начал снижаться на полном газу. Но уйти от быстроходного «Морана» было нельзя. Нестеров зашел сзади, догнал врага и, как сокол бьет неуклюжую цаплю, так и он ударил противника. Сверкнули на солнце серебристые крылья «Морана», и он врезался в австрийский аэроплан.

После удара «Моран» на мгновение как бы остановился в воздухе, а потом начал падать носом вниз, медленно кружась вокруг продольной оси.

— Планирует!—крикнул кто-то.

Но для меня было ясно, что аэроплан не управляется, и это падение смертельно... Но вот и громоздкий «Альбатрос» медленно повалился на левый бок, повернулся носом вниз и стал стремительно падать.

Медленный поезд вез гроб с телом знаменитого летчика из Жолкева в Киев. Обгоняя его, неслись вздорные слухи, обидные для того, кто уже не мог опровергнуть их сам.

И пока авторитетная комиссия исследовала на месте «останки самолетов, многие утверждали, что таран Нестерова был просто случайным столкновением. Ведущие русские авиаторы сочли своим долгом опровергнуть подобные заявления. Летчик Е. Крутин писал в «Новом времени» 8 сентября 1914 года: «Все мы, военные летчики, уверены, что Нестеров не просто воткнулся, зажмурил глаза, своим аппаратом в неприятельский самолет, как казалось из первых сообщений, нет, он выполнил свою идею, которую высказал нам на товарищеском обеде в Гатчине: «Я не фокусник. Моя первая «мертвая петля»—доказа-

ТАРА

Людмила ЖУКОВА

тельство моей теории: в воздухе везде есть опора. Необходимо лишь самообладание. Теперь меня занимает мысль об уничтожении неприятельских аппаратов таранным способом, например, ударом на лету своим шасси сверху...»

Его поддержал известный авиаконструктор И. Си-корский: «То, что другие люди способны делать при сильнейшем возбуждении, Нестеров делал спокойно, размеренно, с полным сознанием совершаемого».

В этих словах, подтверждавших материалами комиссии, разгадка тарана Нестерова: кто, как не он сам, мог проверить свои предположения и расчеты на деле? Да, он знал, что исход может быть всякий, но всю свою жизнь он прожил под девизом: «Побеждает тот, кто меньше себя жалеет». И он всегда побеждал, победил и на этот раз: через год после ядовитой шумихи вокруг его имени и против сложившегося мнения, что таран всегда приведет к гибели атакующего, русский летчик А. Казаков удачно повторил атаку и вернулся на свой аэродром невредимым.

И все-таки смерть родоначальника воздушного тарана наложила роковой отпечаток на изобретенный им прием: ни в одной стране мира не нашлось желающих повторить рискованный маневр, кроме его родины — России, где каждый из использовавших этот прием внес свою лепту в создание отройной и четкой теории таранного боя. И уже в бою под Каховкой красноармейский летчик Гуляев на этажерке «Ньюпорт» разогнал 5 белогвардейских самолетов, угрожая им тараном.

Сверстники Чкалова, в мирные годы много думавшие над возможностью таранного удара, повторили и утвердили этот прием сильных и смелых духом: Антон Губенко в 1938 году над Ханькоу и Виталий Скобаре-хин на Халхин-Голе. Сбив сокрушительным таранным ударом японский И-97, Скобарехин в пылу боя ринулся в атаку на второй самолет, но противник позорно бежал, увидев, как обломки самолета напарника понеслись к земле. В теле машины, приземлившейся на родном аэродроме, Скобарехин принес вещественное доказательство своего тарана — колесо японского истребителя. Опыт двух первых таранов добавил к нестеровской находке — бить сверху — еще два открытия: лучше всего рубить винтом по хвостовому оперению вражеского самолета, находясь сверху правее или левее, чтобы обломки неприятельской машины не заделали твоей. Эта операция отнимает от 0,15 до 1 секунды. Атакующий самолет получит до 75 ударов! Второй важный момент — непременно уравни-

вание скорости с самолетом противника, чтобы избежать повреждений своей машины.

...22 июня 1941 года в 4 часа 05 минут лавина самолетов со свастикой пересекла наши границы. В 4 часа 15 минут зафиксирован первый таран Великой Отечественной войны: над городом Замбрувом летчик-истребитель Дмитрий Кокорев, израсходовав боезапас, сбил в таранной атаке фашистский ДО-215, удачно посадив свой самолет.

Число таранов этого трудного дня на разных участках растянувшегося от Балтики до Черноморья фронта росло. Минутами позже Кокорева старший лейтенант И. Иванов над нестеровским Жолкевом таранил «хейнкель-III». Эфир в то памятное утро много раз передал бесстрашные слова: «Иду на таран!» Имена героев известны: Л. Бутелин, С. Гудимов, Е. Панфилов, П. Рязцев, А. Мокляк, С. Гошко, А. Данилов.

Эскадрилья Андрея Данилова патрулировала в то утро над Гродно. Десятка фашистских стевятников открыла по ней огонь. Данилов решил атаковать. Два самолета противника были сбиты. Но и «Чайка» Данилова, получив повреждения, вошла в штопор. С трудом летчик вывел ее в горизонтальный полет и, подойдя вплотную к самолету врага, винтом срубил ему крыло. Объятая пламенем «Чайка» падала вместе с врагом. Вскоре в «Правде» был опубликован Указ о награждении А. С. Данилова орденом Ленина посмертно, но Данилов не погиб. Его, тяжело раненного, нашли колхозники деревни Черлена и доставили в медсанбат. Вскоре он снова поднялся в небо.

Это было лишь началом. Советские летчики вписали таранный удар в свой боевой арсенал, и множество раз именно таран сокрушал противника. Был случай, когда решение прыгать с парашютом казалось единственно возможным для Бориса Ковзана. Его «Як-1» врубился в фюзеляж «юнкерса», и обе машины, сцепившись, как вагоны трамвая, несколько минут летели вместе к гибели. Так все-таки прыгать или... уж больно жаль верно служивший и однажды уже таранивший фрица «Як»! Земля приближалась, но Ковзан упрямо пытался вырвать ястребок из смертельных объятий врага и — вырвал! Посадка прошла удачно. После небольшого ремонта машина опять готова была сразиться с врагом.

Весть о необычном приеме русских мигром распространилась среди фашистских асов. Ужас перед ним заставил даже опытных мастеров избегать тарана. Уже 27 июня 1941 года, пытаясь уйти от тарана,

гитлеровец вогнал свой самолет в воды Псковского озера.

Тактика таранного боя постоянно обогащалась. Выработалась даже своеобразная классификация: таран прямой, то есть всей массой самолета; таран неполный, с подсеканием, или чирканьем (по примеру Нестерова); таран безударный, то есть удар винтом по жизненно важным частям самолета, — классический таран, при котором, как правило, сохраняется жизнь летчика и самолета. После него машины-победители возвращались на базу с искореженными винтами, «лечились» и вновь взмывали в воздух.

Из сотен самолетов противника, сбитых в московском небе, двадцать повержены таранным ударом. И не всегда классическим способом, обстоятельства иногда диктовали другие приемы: приходилось учитывать тип вражеского самолета, его вооружение, взаимное положение машин, их курс, высоту. За считанные секунды не так-то просто все это взвесить. И в летопись таранного боя входили двойные и тройные удары по одному самолету — добивания.

Таран, уже сам по себе невероятный прием, оказался возможным и ночью: 6 августа Виктор Талалихин сбил «Хе-III» в ночном московском небе. Следом за ним, через два дня, таранил врага в свете прожектора В. Киселев.

Долго бытовало мнение, что он возможен и на штурмовике — Ф. Литвинов сбил «мессер», ударив его винтом по хвосту. На пикирующем бомбардировщике П. Игашев сбил два самолета противника огнем пулемета, а загоревшись сам, успел-таки винтом пропороть бок третьему. На бомбардировщике таранила фашистский истребитель женщина-летчица Екатерина Зеленко.

В таране беспредельная храбрость сочеталась с отточенным воинским мастерством, дерзкий натиск — с точным расчетом и выдержкой. И именно поэтому многие наши летчики неоднократно уничтожали врагов этим приемом: дважды — П. Харитонов, А. Катрич, Я. Иванов, А. Лукьянов, П. Гузов, П. Тарасов, С. Ачкасов, Б. Пирожков, П. Шавурин, А. Добродецкий, В. Калугин, С. Луганский, И. Мартыщенко, П. Бринько, Н. Лисконоженко, М. Борисов, И. Мещеряков. Трижды ходил на таран А. Хлобыстов и четырежды — Б. Ковзан. Таран был следствием массового героизма советских людей на войне, превыше собственной жизни ставивших долг перед Родиной.

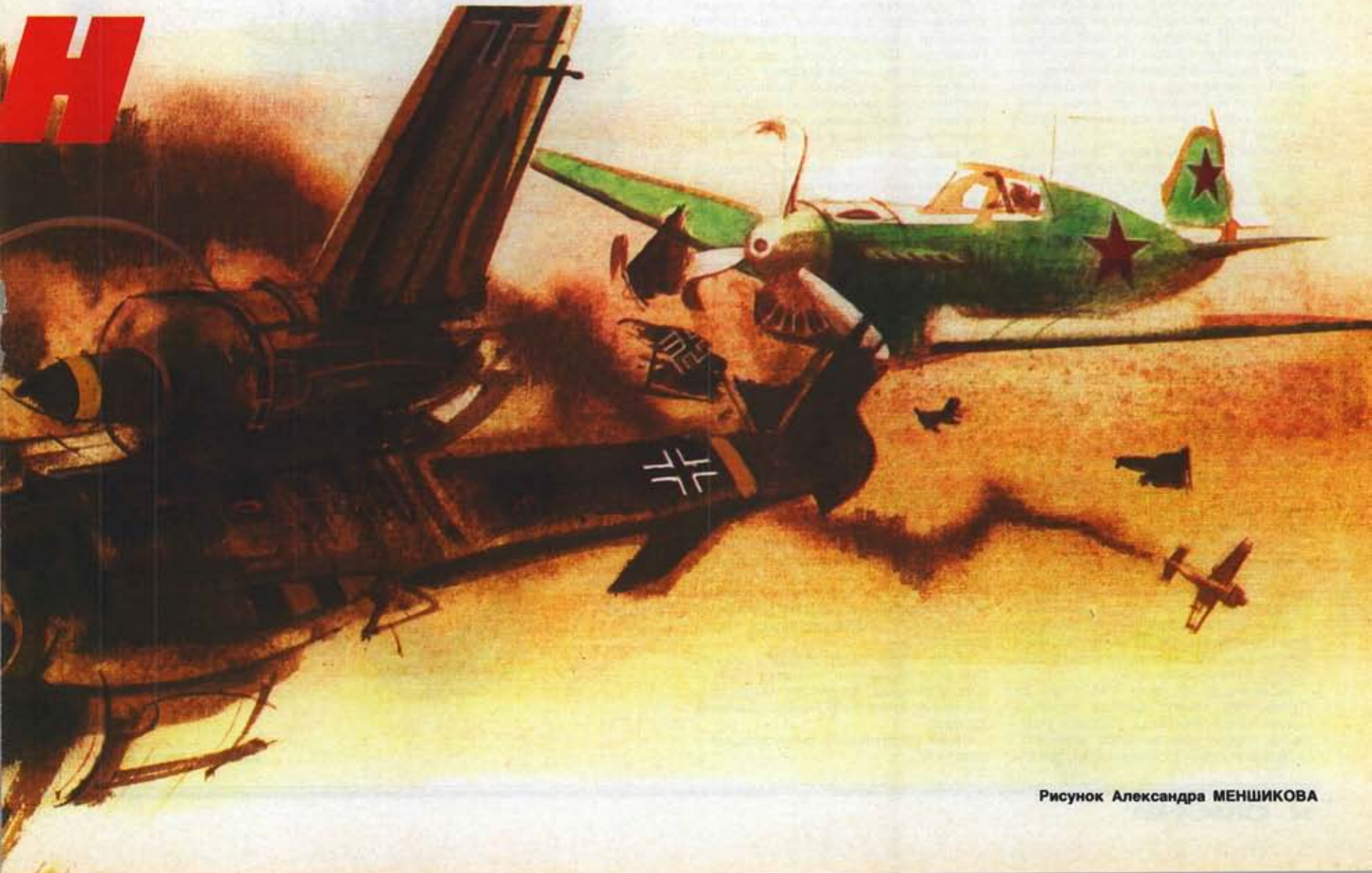

Рисунок Александра МЕНШИКОВА

ТРИФОНОВ М

Николай ВОЙЦЕХОВСКИЙ

В церкви новорожденного окрестили Трифоном, а дед, по обычаю окунув топор в ведро с водкой и бережно обернув в домотканую дерюжку, торжественно, как реликвию, положил под голову внуку — произвел его в продолжатели ремесла. С незапамятных времен этот обряд свято соблюдался в роду потомственных плотников и стал ритуалом посвящения в мастера. Отныне суждено было руке Трифона «сростись» с топором, как срослась с ним плотницкая династия Боковых. Отменные мастера, говорили про них, отродясь топора из рук не выпускают.

Трифону смолodu ремесло пришлось по душе. И расцвело его призвание в строительстве мостов. И, помимо внешней привлекательности и оригинальности, появилось в них постепенно что-то от боковского характера — были они ладно сбиты, надежны в службе людям.

Особое место в жизни Трифона занял мост, построенный им возле родной деревни. «Хорош, — восхищенно говорили односельчане, — как венец на реке смотрится!»

Да и как ему не быть венцом, если в него душа вложена. Оттого и прозвал его народ Трифоновым. Втайне радовался этому Боков, чувствовал благодарность человеческую. И она была лучшей наградой. Когда-то одно крыло Трифоновой моста стояло на польской земле, а второе опиралось на белорусскую. Потом река осталась на своем месте, граница же отодвинулась на запад. Но по привычке, когда хотели сказать о Польше, говорили: «На той стороне».

Река была лишь водным рубежом. Добрые же отношения соседей — белорусов и поляков — не имели границ. На той стороне сестра, муж ее — поляк; на этой — брат, жена у него поляка. Старика остались там, где жили, — за «польским часом». Молодые перебрались к Советам — так именовалась белорусская сторона. Попробуй разберись, где белорусы, где поляки и кто их дети. О внуках и говорить не стоит.

На польской стороне уже хозяйничали фашисты. От их зверств и горе устало. Но все, что происходило там, болью откликалось здесь.

А вечером 22 июня 1941 года по Трифонову мосту прошли отступающие красноармейцы. Сердцем ощущали немой укор местных жителей. Трифон стоял у своего моста, прово-

жал солдат тягостным взглядом, часто моргая выцветшими ресницами. Душили его скупые стариковские слезы. Острой болью отзывались в сердце гулкие шаги очугневших солдатских ног по деревянному настилу моста.

В замыкающей тройке, с трудом передвигаясь, поддерживая друг друга, в обнимку шли русский, белорус и литовец. У них на всех четыре ноги и три руки пригодных осталось. Поодиночке им уже не пройти.

Через несколько дней по мосту, зло ворча, потоком двинулись гитлеровские тяжелые грузовики.

На торце бывшего сельсовета, ныне управы, фашисты вывесили специальное постановление: кто укроет красноармейца или иначе поможет ему, тот будет повешен; если будет совершено нападение на солдата великой Германии, виновные будут повешены; если виновных не удастся обнаружить, то из населения будут взяты заложники. Их повесят, если в течение 24 часов не будут указаны виновные или заподозренные; если подобное повторится, то будет взято и повешено двойное число заложников. И подпись: командующий группой армий «Центр» фон Бок.

«Насчет повешения здесь все ясно, — размышлял Трифон, читая постановление, — а вот коли запугивает, значит, фашист сам чего-то побаивается».

И представился Трифону этакий отутюженный фашистик: сидит себе в кабинете и заранее предрешает исход сражения. На все у него своя мерка. Что говорить, силен фашист в арифметике: все подсчитал, проверил на специальной линейке и остро заточенным фаберовским или гамеровским карандашиком записал колючими буквами итог.

Да только часто линейка оказывается слишком короткой, а графа очень узкой. «Корни извлекать наловчился, а в корень глядеть не можешь. — Трифон выругался, облегчил душу. — Не такой человек Иван, чтобы делать крутые виражи на малой высоте вокруг твоего, фашист, голенища. По твоим академиям война на восток ушла. А по-нашему, она в здешних лесах да болотах до победы застрянет».

Разговаривая так про себя, Трифон незаметно подошел к своему мосту. Сам не знал, что привело его сюда.

К вечеру поток машин спал. Гул стоял в отдалении. Мост этот сейчас был для Трифона... Да что там говорить! Будь он из золота — не пожалел бы, разрушил. А этот сотворен как будто из собственной плоти.

Трифон смотрел в темную воду и спорил, будто видел в ней не свое отражение, а собеседника:

«По нему ведь в Россию смерть возьмёт! Вчера вон больше сотни машин пробежало. А если снаряды подсчитать да жизни подсчитать недожитые?.. Великий ты грешник, Трифон».

«Что мост построил, людям добро сделал?!»

«Тебе народ за то спасибо сказал. Сам ведь радовался, что мост Трифоновым назвали. Да только теперь другое время пришло. В корень, в корень смотри!»

Стоял он угрюмый, погруженный в отчаяние.

Рисунок Аллы БЕДИНОЙ

ОСТ

И опять привиделся Трифону отутюженный фриз, что ведет он подсчет: сколько штук, сколько тонн боеприпасов, сколько смертей русских перевезут по мосту завтра.

Постановление подписал фон Бок. «Фон, фон! А я Трифон БОКОВ! И власть у нас не фон, а Три-фонов. И кто из нас кому смертный приговор подписывать будет, это еще посмотрим...»

Не мог он забыть, как в голове родился когда-то план однопролетного моста, с легкими деревянными фермами, без единого гвоздя, без единой дополнительной опоры. Сам был изыскателем, сам был конструктором, сам — строителем. А «чертежи» держал в голове. Не было тогда счета недоспанным ночам...

Стоял, вспоминал прошлое, и разливалось по старческому телу тепло. Но от мыслей, что завтра вновь по мосту помчится смерть на восток, снова бросало в дрожь.

Может, сжечь? «Нет, без толку, — тут же потушат. Задержка, конечно, произойдет. Но на всю деревню вина пасть может — тут фон боком выйдет. Надо так подстроить, будто тяжесть фашистская станет мосту не под силу, когда машины пойдут. Рухнет сам, и концы в воду».

Как это «сконструировать», Трифона учить не надо. Где-то подпилить, там расклинить, здесь разболтеть связи — план созрел мгновенно. Да только как это сделать? До моста еще не дотронулся, а самого будто тупой пилой пополам режут.

Темнело. Собрал мастер немудреный свой инструмент, заткнул топор за пояс — тот, что когда-то дед под голову клал. Перекрестился, глядя на образа. Проснулась жена:

— Ты куда это в такую пору? Ночь на дворе. Спи!

— Тебе спать надо, а я пошел! Решился Трифон. Главное в человеке — это победа над самим собой.

Работал он спокойно и обстоятельно, как, впрочем, делал все в жизни. Пришлось скрючиться под мостом в три погибели.

Выдохся. Тихо.

На дорожку, высвеченную луной на воде, снежинками падают опилки. Течение подхватывает их и уносит. Все. Нет больше сил. Скрюченное тело пронизывает нестерпимая боль. Появился редкий, клочковатый туман, приятно потянуло прохладой. Значит, скоро утро.

Трифон вздрогнул: до слуха донесся рокот приближающихся машин. Затропился. Онемевшие руки и ноги двигались с трудом. Подумал: броситься вниз, плыть по течению? Поздно!

Первый грузовик ткнулся колесами в настил — мост качнуло, он дрогнул, закричал. И вдруг тяжело прогнулся, затрещал и рухнул вместе с машиной. Вторая не успела затормозить. Юзом скользнула за первой, грохнулась в реку.

Утром люди заметили на дне реки старый, но остро-отточенный топор, который хорошо знали во всей округе. Его и положили под голову Трифону.

Почти от рождения до самой смерти был он настоящим мастером, потомственный плотник Трифон Боков...

9 МАЯ — ДЕНЬ ПОБЕДЫ. Подвиг отцов — в сердцах сыновей.

Михаил БОРИСОВ

Даже друг мой и тот стал слеп,
Как иные, корить меня:
То взмываешь, мол, птицей в небо,
То вздыхаешь средь бела дня.
Надо б жить, говорит, ровнее.
И не видит за вязью слов
Ни кострищ от Москвы до Шпрее,
Ни сбежавших из детства снов.
И не знает мой друг-коритель,
Что все это одно звено.
Вот и космос я свой увидел
Лишь теперь сквозь экран кино.
Мне не сделать туда ни шага...
А когда-то (был грех такой!)
До него со стены рейхстага
Дотянуться хотел рукой.
Но потом вдруг застыл, внимая
Всем нутром полковой трубе,
Словно разом вся жаль земная
Приковала меня к себе.
Я сдержал фронтową марку,
Хоть грузнела бывшая стать,
Хоть и мучился тем, что «спарку»
Мог не выше других поднять.

Нет, теперь и вздыхать я вправе,
Потому как доньше сам
Не привык ни к спокойной славе,
Ни к томительно-ровным снам.

В годы войны я был начальником политотдела 8-го гвардейского танкового корпуса, в котором служил Михаил Борисов. Однополчане знали его как веселого, отличного парня, боевого комсорга истребительно-противотанкового артдивизиона 28-й гвардейской мотострелковой бригады.

11 июля 1943 года под Прохоровкой старший сержант Борисов появился на батарее в самый разгар неравного боя с десятками гитлеровских «тигров». Выходили из строя бойцы, в груды искореженного металла превращались орудия. Осталось только одно. Миша бросился к нему и, заменив убитого наводчика, прильнул к окуляру панорамы. Орудие заговорило снова. Один за другим загорелось несколько танков. Другие, не выдержав, стали отходить. Удар бронированного кулака фашистов не достиг цели... А на станинах разбитой в последний момент пушки лицом к небу лежал окровавленный и почерневший от пороховой гари комсорг дивизиона, честно выполнивший свой солдатский долг.

Михаил Борисов выжил. Семь «тигров» уложил он на Прохоровском поле. Войну закончил офицером, и его орудие свои последние выстрелы сделало по рейхстагу.

Сейчас Герой Советского Союза полковник Михаил Борисов по-прежнему в строю. И когда однополчане на страницах печати читают его стихи, они с гордостью говорят: «Это наш комсорг!»

Генерал-майор Н. А. КОЛОСОВ

Был убит подо Ржевом
Не я,
Не меня
В шар земной схоронили,
Но сгорела в том самом горниле,
Словна свечка, и юность моя.
Я об этом скорбеть не берусь —
За нее уж и песней живою
Столько раз отыграла листвою
По весне благодарная Русь.

Тут вопрос поважнее другой:
Как бы вдруг
Не расслабило время —
И не дрогнуло верное стремя
Под застывшей в упоре ногой.
Это нужно сегодня и мне,
И тому,
Кто лежит на той грани,
И тому, кто в безоблачной рани
Лишь гадает о завтрашнем дне...

Старшему другу

Светлой памяти
командира взвода ПТР
лейтенанта Шумакова
Виктора Васильевича.

Мой верный друг,
Товарищ старший,
Опять звенеть и петь
Весне —
Но без тебя...

И я, не павший,
С тобою вижусь
Лишь во сне...
Где, как и ты,
Я тоже юный.
Где жизнь
Совсем не так строга...
Где дынь желтеющие луны
Манят в заречные луга.
...Опять весна.
У речки мирной
Нет на песке
Следов твоих...
И мне придется,
Друг мой милый,
Жить и работать
За двоих...

Николай ШУМАКОВ

Песчаный берег

Год сорок первый... Ветер напевный. Кровь — у воды. У переправы Слева и справа Чьи-то следы.	Волны смывают И забывают Крови следы. Над голубою Моею судьбою Зреет беда. А над водою Алой слезою Встала звезда.
Раненой птицей Солнце садится В дальний затон. В струях протоки, В шуме осоки Слышится стон.	Не суесловлю — Все это помню Ночью и днем. Берег песчаный, Берег печальный — В сердце моем...
Лодкой неловкой Тонет пилотка В просинь слюды...	

Прости меня, мама!

Светлой памяти моей матери
Варвары Акимовны
и всех матерей мира.

Я снова, как в детстве, — в родном краю.
И вот у печальной ограды стою.
Я морем спешил, я пустыней летел.
Прости меня, мама! Прости, не успел...

Хотелось мне очень тебя увидеть:
Чтоб больше в разлуке с тобой не страдать.
Взглянуть в твои добрые, мама, глаза,
О самом заветном тебе рассказать.

На холмик зеленый ромашки кладу.
А сердце, а сердце со мной не в ладу.
Оно протестует, бьется в груди:
«А ты говорил мне, что все впереди!»

Мечтал я, идя сквозь бураны и дым,
Что рядышком, мама, с тобой посидим...
Я целую вечность тебя не видал.
Прости меня, мама, прости — опоздал...

...Я твоею был светлой гордостью,
А ты стала моею горестью —
Ты земли родной стала горестью...

Леонид ВЬЮННИК

Ходил я
в дальние походы.
Крутил рули.
Держал штурвал.
Я отслужил четыре года,
А кажется — отвоевал.

В боях учебных на тугой волне
Торпеды с целью
сталкивались лбами, —
Разрывы полыхали,
как тюльпаны,
И умирали в моря глубине.
А волны, беспорядочной толпою,
Как бочки катят,
катятся к земле.

Одна из них,
наполнившись прибоем,
Вдруг разбивалась,
вспыхнув на скале,
Которая, от солнца вся
сверкала,
Над морем возвышается, горя...
Не зря вот эти северные скалы
Мне о любви суровой говорят.

Первый секретарь ЦК БКП,
Председатель
Государственного совета НРБ
Тодор ЖИВКОВ

...Бесчисленны нити, которые связывают современную Болгарию и Советский Союз. И нет числа струнам, которые звучат в болгарской душе сегодня, когда произносится это святое для нас имя.

Но и сегодня тот, кто хочет проникнуть в сокровенные глубины сознания и духовного мира современного болгарина, должен обратить свой взор в глубь веков, чтобы понять силу, которую мы впитывали с молоком матери — поколение за поколением, из века в век.

И тогда он поймет, почему и сегодня, тридцать три года спустя после победы 9 сентября 1944 года, в многоголосом хоре чувств и мыслей, которые пробуждают у нас слова «Советский Союз», все так же ясно и сердечно звучит голос народного поэта Ивана Вазова, собравшего в слове «Россия» надежду раба и ликование освобожденного, встретившего зарю свободы словами, которые будут передаваться от поколения к поколению, из века в век:

— Здравствуйте, братушки!

Из предисловия к книге
«Здравствуйте, братушки!».

БРАТУ

Выступал в «Смене» Борис Полевой. Писал о встрече своей, случившейся трудной и счастливой осенью сорок пятого, с Георгием Димитровым, великим коммунистом, великим сыном болгарской земли.

Писатель рассказывал Георгию Михайловичу о планах, о будущей книге, посвященной братской дружбе двух народов, книге, так, к сожалению, и не написанной. Сказал, что думает назвать ее «Братушки».

Димитров, вспоминая Бориса Полевого, хитро прищурившись, сказал:

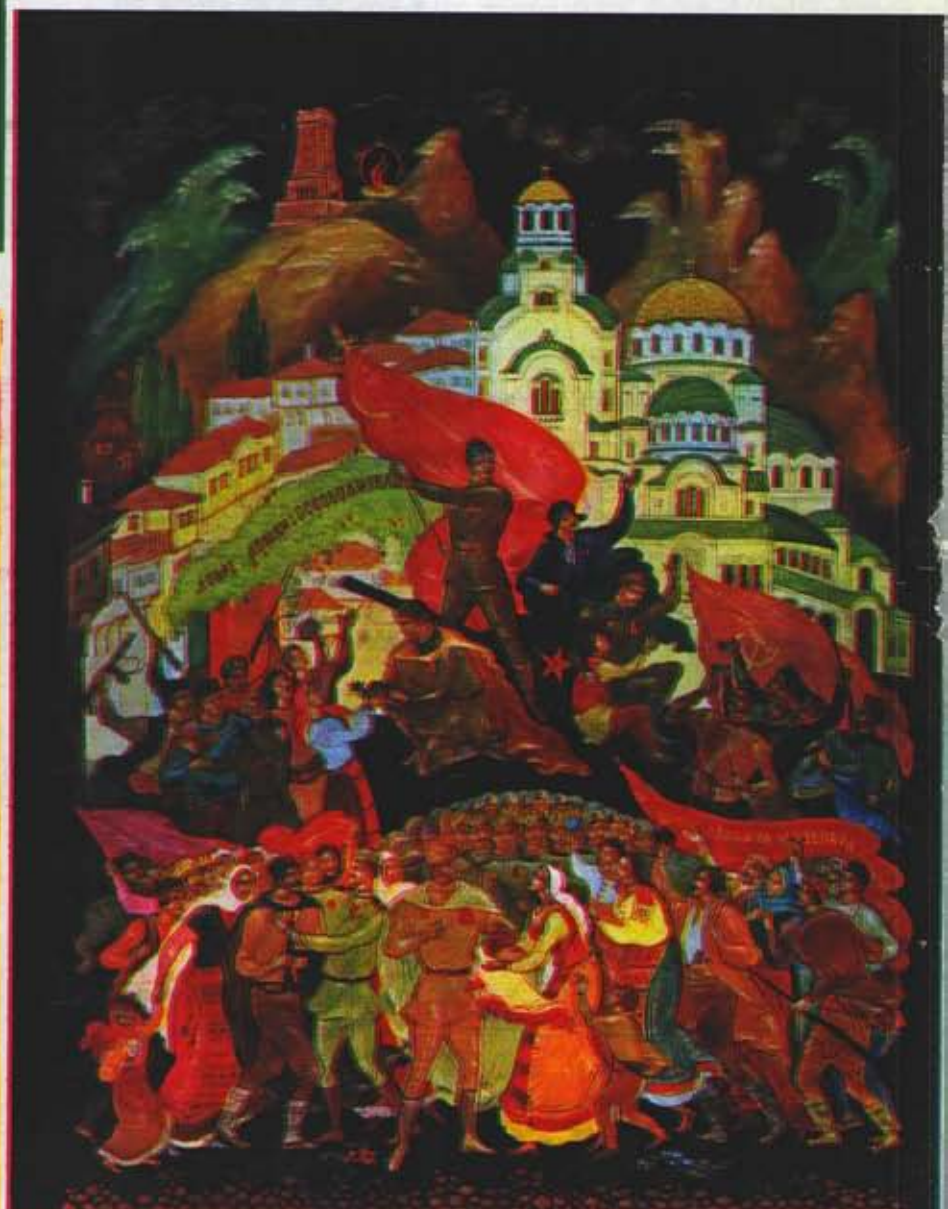
— Братушки. Думаете, это болгарское слово? Нет такого слова ни в болгарском, ни, насколько я знаю, в русском языке. Это слово родилось как бы в братском соприкосновении наших народов.

От моря, от праздничной, светлой Варны, от сказочного Несебра, через всю страну, к Софии ехали мы на машинах. Мимо старых, обветренных

временем, и мимо новеньких, только что с иголочки городов. Мимо громадных сел, раскинувшихся на просторе, и мимо крошечных селений, прильнувших к склонам гор. Через пахнущие розами долины и высокие горные перевалы.

Дорога вела из Пловдива в Габрово. Поздний вечер зажигал звезды, и вдруг мы увидели вдали, за горами и перевалами, пылающий факел. Бессмертный, вечный факел. Легендарная Шипка. Вершина Столетова. Утром с этой вершины мы увидим в зыбком мареве другую. Бузлуджу. Орлиное гнездо, из которого взлетела партия.

Мы видели великое множество памятников, напоминающих о замечательной, уходящей своими корнями в века дружбе наших народов. И в Плевене, городе-памятнике, и в Софии, и в Пловдиве, где принесли мы цветы Алеше, как ласково называют здесь вознесенный высоко над городом монумент в честь советского солдата.

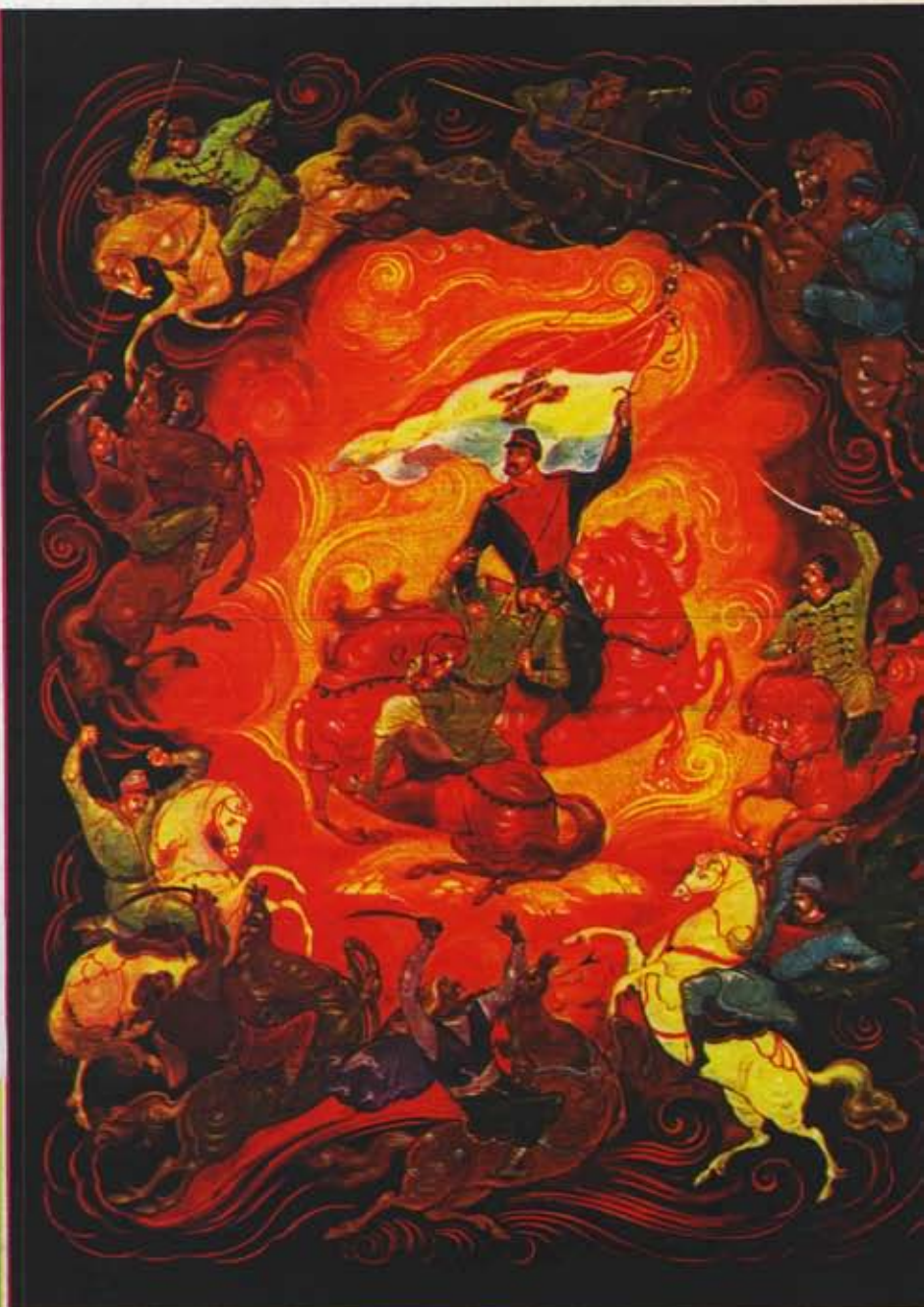
ШЖИ

В дни недавних юбилейных торжеств, на праздновании столетия освобождения страны от османского ига Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ товарищ Тодор Живков говорил: «На болгарской земле воздвигнуто много памятников русским воинам, отдавшим жизнь за нашу свободу. Новые памятники были открыты и накануне 100-летнего юбилея освобождения. Но самый величественный, неподалежный времени памятник воздвигнут в болгарской душе. Бессмертна, неувядаема народная любовь к России, так как воспоминания о встрече с ее сынами—это воспоминания о встрече с зарей свободы после пятивековой ночи рабства. И эта священная признательность и любовь болгарского народа будут передаваться из поколения в поколение».

На этих страницах «Смены», на обложке нашего номера—иллюстрации из книги «Здравствуйте, братушки!». Название этому прекрасно изданному аль-

бому дало знаменитое стихотворение выдающегося болгарского народного поэта Ивана Вазова, написанное ровно сто лет назад, в 1878 году. Лаковые миниатюры художников Калерии и Бориса Кукулиевых, исполненные в традиционной технике палехской живописи, повествуют о борьбе наших народов за освобождение Болгарии. Иллюстрации, собранные в альбоме, удачно дополнены отрывками из народных болгарских песен.

Эта книга, предисловие к которой написал товарищ Тодор Живков, подготовлена совместными усилиями полиграфистов Болгарии и Советского Союза, московским издательством «Изобразительное искусство» и софийским «Септември», и, право же, есть все основания полагать, что это издание внесет свою лепту в укрепление традиционной и вечной дружбы двух стран, двух народов, объединенных общностью великой цели и общностью судьбы.

Из стихотворения
Ивана ВАЗОВА

«Здравствуйте, братушки!»

«Мама, мама! Вон, взгляни...»
«Что там?» «Ружья, сабли вижу...
Русские!» «Да, то они.
Встретить их пойдем поближе.
Это их послал сам бог,
Чтобы нам помочь, сынок».
Мальчик, позабыв игрушки,
Побежал встречать солдат.
Словно солнцу рад:
«Здравствуйте, братушки!»

Из популярной
болгарской песни
на стихи
Петко СЛАВЕЙКОВА

Россияне— наши братья

Россияне—наши братья,
наша плоть и наша кровь.
Среди всех народов первый,
наша первая любовь!
Он наш верный покровитель,
мы сильны в союзе с ним,
храбрый наш освободитель—
как отца, его мы чтим!

Из болгарской
народной песни

Слухи веками шли

Слухи веками шли,
пять долгих-предолгих веков.
Ширилась в людях молва,
что Русь придет на подмогу
и весь наш народ восстанет.

Из болгарской
народной песни

Где оно видано, слыхано

Когда москвичи пришли
и турок решили выгнать,
болгары—кто стар, кто молод—
взялись за ружья мигом
и к москвичам подались,
чтоб вместе с ними сражаться.
А женщины их—все до единой—
женушки их и дочата,
и старцы, и малые дети
астали на помощь войску.
Одни врачевали раны,
другие носили воду
и заряжали ружья...

Чувствовала она себя неважно, уже какой день болела голова, температура держалась все время повышенная, от простуды ломило руки и ноги, но Людмила Сергеевна не поддавалась болезни, старалась не обращать на нее внимания. Вот и на школьный вечер она пришла как ни в чем не бывало, села немного в стороне от всех — правда, чуть печальней и задумчивей обычного, но в общем привычная на вид для своего 10 «б», который как раз сейчас выступал на сцене.

Она смотрела на них и, как ни странно, не испытывала сегодня чувства гордости и радости за своих ребят, хотя выступали они с особенным блеском и выдумкой — в зале то и дело хлопали в ладоши и громко смеялись над остроумными частушками. Доставалось всем — и учителям и ученикам, но когда они прошли и насчет классной руководительницы: обещала, мол, им поездку в Москву, а обещаниям скоро уже три года будет, — так вот, когда они проехали на ее счет, краска залила лицо Людмилы Сергеевны, ей даже показалось, будто все повернулось в ее сторону. А ребята продолжали петь дальше, зрители весело поддерживали их смехом и взрывами аплодисментов. После 10 «б» выступали девятые и восьмые классы, каждый класс старался переплести соперников, но все же выдумка и артистизм 10 «б» были непревзойденными, и они заслуженно заняли первое место на этом школьном вечере отдыха.

А потом начались танцы — самая желанная часть вечеров старшеклассников. В зале то ярко вспыхивал свет (это когда в дверях показывался кто-нибудь из особо строгих учителей), а то вдруг приглушался или почти совсем угасал (это когда в зале оставалась одна Людмила Сергеевна Панфилова, которая, к всеобщей радости, никогда не обращала внимания на игру ребят со светом). Гремела музыка, на сцене выдавливал из себя «иностранцы» звуки модный мальчик в джинсовой куртке с закатанными рукавами и темными очками на простодушной физиономии, а в центре зала, как водится, переминались с ноги на ногу яркие девочки-школьницы с модными прическами и гораздо менее яркие, но жаждущие выглядеть «суперменами» с холодным взглядом ковбоев совсем еще пацанята-школьники.

Людмила Сергеевна потихоньку, почти про себя улыбалась, помня по собственному опыту, как хочется в такие годы казаться взрослей, чем ты есть. Почему? Да из жажды самоутверждения. Из жажды проявления независимости и самостоятельности. И еще — из жажды противоречить, идти наперекор мнению старших...

Впрочем, Людмила Сергеевна вместе с болезненным состоянием испытывала сейчас не то чтобы грусть, она чувствовала, как поколебалась ее вера в ребят, ее убеждение, что она была своему классу так же близка, как близки ей эти совсем нелегкие и совсем непростые девчонки и мальчишки из 10 «б» — за одну неделю несколько ЧП...

Они всегда казались ей, может, и не старше других десятиклассников, но самостоятельной, дружной и, самое главное, скромней, проще. Люба Гущина, Фая Гаязова, Люда Шугаева, Лена Галюченко, Марина Роднова, Нина Павлова, Люба Долгушева, Лена Катаева, Марина Юзева, Алеша Пузаков, Миша Фролов, да что там — весь класс был известен ей как свои пять пальцев, а вот теперь оказалось — плохо она их знала, не до конца, а попросту говоря, самообольщалась, вера в то, что между ней и классом существует взаимопонимание.

Больше того, она считала теперь, что они предали ее...

Среда. 7 декабря. В этот день они пришли на уроки, как всегда, к восьми утра. И сразу же узнали: истории и обществоведения сегодня не будет. Мария Ивановна Миляева заболела. Марию Ивановну они любили и уважали, но как не порадоваться, когда вдруг так неожиданно образовалось «окно» в расписании! У каждого сразу свои планы, один грандиозней другого, но тут вдруг приходят из канцелярии и бесстрастно объявляют: вместо истории будет химия, потом — «окно», потом — военное дело, а еще позже — два урока литературы. Они, конечно, возмутились: химия — это ладно, все равно сегодня должна быть химия, но при чем тут дополнительный урок литературы?! Начнут их опять ни за что ни про что недорослями да митрофанушками награждать, веселенькое занятие!

— Да мы же сами в этом виноваты! Ничего не хотим ни знать, ни учить! — искренне округлила глаза Марина Суслова.

— Ну, Маринка же у нас чокнутая на литературе! Вот пусть и сидит сама, если ей это нравится!

— Правильно! Она ладит с учительницей — пус-

кай и занимаются вдвоем литературой. А наше дело сторона, — неслось со всех парт.

— Как вам не стыдно, ребята! — говорила Марина; она и в самом деле бредила литературой и поэтому всегда защищала учительницу, которую в классе недолюбливали.

— Ну, пусть мы мало знаем. А она нас учит думать, интересоваться, спрашивать? Только вошла: достаньте тетради, ручки, записывайте! И давай шпарить: она читает, мы, как истуканы, пишем. «В цикле заграничных стихов Маяковский резко осуждает язвы капитализма. Ярким примером этого служит стихотворение «Бруклинский мост»... И так весь урок под диктовку! А мы хоть раз читали это стихотворение? Читали другие стихи Маяковского? На уроке? Вслух? Только и записываем ее замечательные рассуждения по поводу литературы. А где же сама литература?!

— Зато, дорогие митрофанушки и недоросли, — как всегда, иронически вставил свое слово Володя Кезик, — пятерки и четверки на экзаменах нам обеспечены. Коротко и ясно отшпарим любой вопрос по заученной тетрадке — и помашем школе ручкой!

— А разве от нас самих ничего не зависит? — не сдавалась Марина Суслова, раскрасневшись от жаркого спора.

— Эх, «я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли — Москва!» — продекларировал Володя Кезик. — Так, кажется, у Маяковского?

— Вот именно, ребята! Нам вон экскурсию в столицу обещают три года, а мы тут сиди на литературе.

Человек среди людей

НЕДЕЛ

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя этот материал, мы надеемся, что читатели не останутся равнодушными к нравственной стороне конфликта между молодой учительницей и учениками. С каким моральным багажом выйдут из стен школы в большую жизнь 17-летние ребята, поймут ли они, что не всегда быть им баловнями судьбы, которым жизнь только благоприятствует, только преподносит разные блага и удобства, не требуя взамен ничего? Примириться с

— При чем тут Москва? — осуждающе проговорила Люда Шугаева. — Разве Людмила Сергеевна виновата, что ей все время отказывают в поездке?!

— А пускай тогда не обещает!

— Да ведь мы же взрослые люди... Должны понимать, что бывают разные обстоятельства...

— Эх, «к этому бы платицу да еще бы голову»! Не про наших ли это девочек Маяковский написал? — снова иронически подбросил в гущу спора свое словцо Володя Кезик.

— Между прочим, Кезик только и знает, что смеяться да насмехаться! — сказала возмущенно Нина Павлова. — А сам ты что думаешь об этом?

— Лично мне Москва даже во сне не снится, — Кезик галантно приложил руку к сердцу.

— Кезик, как всегда, в своем репертуаре? — В дверях неожиданно показалась преподавательница химии Валентина Денисовна Дерябина. — Ну-с, так о чем такой жаркий спор? Молчите? Ну, хорошо, доставьте тетради, сегодня проведем самостоятельную работу, уж если так получилось с расписанием. Итак, слушайте задание...

Урок у Валентины Денисовны прошел как обычно, а после него 10 «б» сбежал-таки из школы. В кинотеатре «Родина» как раз показывали воевильчик «Встретимся у фонтана», уже одним названием толкавший ребят на авантюру. И на эту авантюру они пошли с беспримерной отвагой...

Четверг. 8 декабря. В этот день занятий в школе у 10 «б» не было — все находилось на производственной практике. И в этот день никаких чрезвычайных происшествий не случилось.

Пятница. 9 декабря. В предзвездный час Володя Кезику приснился сон, будто его против воли повезли в Москву — показать там обыкновенного ученика обыкновенной Полевской средней школы

№ 14 Свердловской области, который наотрез отказывается от поездки в столицу. Володя отбивался сколько было сил, а когда его привезли в Москву, закрыл глаза и, как его ни уговаривали, открывать их не хотел. Но вообще-то позже ему стало интересно, и тогда он решил подсмотреть хоть одним глазком, где он. Открыл глаза, а перед ним будильник: 7 часов 25 минут! Проспал дежурство!

Школа, правда, рядом, раз-два, и Володя уже обут-одет, а там и в школьные двери прошмыгнул. Да поздно! Линейка закончилась, а ведь именно на линейке дежурный по школе класс (сегодня этим классом должен быть 10 «б») получает инструкции от директора. А в 10 «б» ответственный за дежурство — Кезик.

— Это как называется? — спросил его Николай Андреевич Масленников в директорском кабинете. — Это называется срыв дежурства! ЧП это называется.

— Ну, сразу уж ЧП... Я ведь не сорвал дежурство, а только опоздал. А в пословице говорится: лучше поздно, чем никогда.

— Что?! — Директор школы не на шутку рассердился. — Я смотрю, вы в 10 «б» совсем, понимаешь, распустились! Мы еще насчет среды с вами разберемся. Сбежать с уроков! Да это неслыханное происшествие!

— А за что мы должны страдать? У вас «окно» в расписании, а мы виноваты? Что мы, должны сидеть и ждать, когда у нас литература начнется, которой нет по расписанию?

— Рано вам еще школьные порядки критиковать. Сначала на себя взгляните, на свою дисциплину. В среду вы сбежали из школы, в пятницу сорвали

дежурство, а там, глядишь... Завтра, в субботу, чтобы снова вышли на дежурство! Я сам проверю!

— Но у нас же завтра занятия начинаются в девять утра!

— Я сказал — придете к семи тридцати. Ничего с вами не случится...

...Людмиле Сергеевне в отличие от Володи Кезика в это утро ничего не приснилось. Она встала разбитая и больная, но все-таки никак не хотела поддаваться болезни (близился конец полугодия) и отправилась в школу. А тут такие новости: в среду ЧП, в пятницу ЧП... Но самое страшное оказалось не это. Самое страшное — Людмила Сергеевна никак не могла найти классный журнал. Сначала не придала этому особого значения — мало ли, может, в каком-нибудь кабинете остался со среды или даже со вторника, а потом...

Потом уроки один за другим идут, а журнала нет и нет. Преподаватели по каждому предмету спрашивают: где журнал? И сама у ребят сколько раз спрашивала об этом, никто ничего не знает. Но и паниковать раньше времени тоже не хотелось. Мало ли как оно могло получиться, лежит себе где-нибудь спокойно, а они и знать не знают. Директор ей о двух ЧП говорит, а она все о пропаже журнала думает. Николай Андреевич удивляется: как-то очень уж спокойно, а верней — безразлично воспринимает его слова Людмила Сергеевна, и про себя еще раз отмечает, что учительница, видимо, не придает должного значения чрезвычайным происшествиям в своем классе, а жаль, очень жаль...

— Вы извините, Николай Андреевич, — говорит Людмила Сергеевна, — но я неважно себя чувствую. Простуда, наверное.

— Понимаю, — говорит Николай Андреевич, — но все-таки разберитесь у себя в классе. А не то мы вынуждены будем принять самые строгие меры.

— Мы во всем разберемся, Николай Андреевич, — обещает Людмила Сергеевна, а думает о другом: где же журнал? — потому что если еще и журнал пропал, тогда это уже будет сверх-ЧП.

Она пришла на свой урок — урок французского языка, и, как ни всматривалась в лица ребят, они были совсем безгрешные, чистые. Это их качество уже не раз удивляло Людмилу Сергеевну. Пусть не во всем, но ведь в чем-то же ребята виновны, а они смотрят на нее, будто ангелы — невинные и незапятнанные, вот загадка... Нет, она не стала говорить о журнале, не стала говорить ни о среде, ни о пятнице, а начала обычный свой урок французского языка и вскоре так увлеклась, что совершенно забыла обо всех неурядицах со своим классом.

— Я хотела, — сказала она в конце урока, — поговорить с вами, ребята. Но завтра у вас вечер, занимайтесь подготовкой к нему...

Им, честно говоря, тоже не хотелось сегодня ни о чем говорить. К тому же завтра действительно суббота, школьный вечер, и надо еще успеть подготовиться к выступлению...

Суббота. 10 декабря. Утром 10 «б» на дежурство по школе не вышел. Решили так: директор из принципа не хочет считаться с тем, что у них занятия начинаются сегодня в 9 утра, ну, а они из принципа не придут к 7.30 — чего ради потом болтаться по школе целых полтора часа?!

А через несколько часов на школьном вечере отдыха 10 «б» пел свои знаменитые куплеты и частушки, из которых ясно вытекало: 10 «б» совершенно обнаглел — критикует всех, кого ни лень, включая руководство школы и классного руково-

дителя. И все это при том, что именно 10 «б» погряз в чрезвычайных происшествиях!

Воскресенье. 11 декабря. Утром в квартире Людмилы Сергеевны раздался звонок.

— Это уж наверняка к тебе. Открывай, — отозвался ее муж, который вместе с сыном Димкой возился в это время со стиральной машиной.

Действительно, в дверях стояли ученицы Людмилы Сергеевны Таня Клюева и Нина Павлова. Уж кого-кого, а увидеть сегодня своих учеников Людмила Сергеевна никак не ожидала — вчера на вечере вон как пропесочили ее, кому ж охота будет сегодня идти в гости? Хотя раньше, конечно, часто заглядывали к ней ребята...

Поначалу и Нина с Таней и сама Людмила Сергеевна чувствовали какую-то натянутость, неловкость друг перед другом, а потом сели пить чай, стали смотреть фотографии, разговорились, вспомнили все походы — и на Азов-гору, и на Белый Камень, и на Чусовую, и на озеро Глубоченское, вспомнили трудовые лагеря и нынешнего и прошлого года, а главное, что вспомнили, — дружбу, которая связывала Людмилу Сергеевну и ребят во все годы их совместной школьной жизни, и, вспоминая, как бы даже немного взгрустнули сейчас.

— Девочки, так что же случилось?! — вдруг почти с болью спросила Людмила Сергеевна. Девочки смутились, отвели глаза. — Я же понимаю, с классом что-то происходит, столько чрезвычайных происшествий — и все за одну неделю. Что случилось? Молчите... — вздохнула Людмила Сергеевна. — Ну что ж, видно, я совсем вышла из доверия...

— Понимаете, Людмила Сергеевна, — с трудом выдавила из себя Нина Павлова, — врать не хочется, а правду говорить — язык не поворачивается.

— Ну, а все-таки?

— Видите ли... Ближе вас из учителей у нас

никого нет, вы всегда говорите правду и всегда ведете себя одинаково что с нами, что с учителями, что с родителями. Вы непохожи на других, и к вам у нас особое отношение. Но вот... Вы нам сколько обещали — поедом в Москву? Три года обещали. А потом говорили, что в областном «Спутнике» не дают путевки. И мы вам верили... А тут вдруг узнаем, что 10 «в» едет в Москву. Как же так — для них нашлась путевка, а для нас нет?

— Так ведь они едут не в Москву, а в Хатынь.

— Все равно. Они через Москву поедут, а мы окончим школу и так и не увидим Москву. А вы нам обещали.

— Девочки, да ведь это несерьезно. Они в Хатынь хотели — им и дали туда путевку, а в Москве они пробудут всего два дня. А мы в Москву просились, но путевку туда просто невозможно выбить. Вот в чем загвоздка...

— Знаете, Людмила Сергеевна, мы вам скажем откровенно. Если бы Валентина Денисовна пообещала своему классу Москву, она бы выбила Москву. Вот такая она у них: уж если сказала, весь «Спутник» перевернет, а своего добьется. Вот нам и обидно. Обещали, обещали, а так ничего и не сделали. Получается, будто вы для нас не очень-то и стараетесь.

— И из-за этого начались ЧП?

— Да нет... Это просто получилось так. Ну, может, и расслабились немного, думаем: а-а, все равно нам Москвы не видать, как своих ушей, чего мы будем стараться...

— Но ведь этими ЧП вы так подвели меня! А главное, нарушили наш главный принцип: строить отношения только на взаимном доверии...

...Ушли девочки от Людмилы Сергеевны при- тихие, немного даже как будто виноватые.

Понедельник. 12 декабря. После уроков на классное собрание пришел директор школы.

— Вы сбежали в среду с уроков — это чрезвычайное происшествие. И дважды сорвали дежурства по школе — это тоже чрезвычайное происшествие. Но то, что у вас исчез классный журнал — документ! — это уже ни в какие ворота не идет. Не нужно говорить, будто вы не знаете, куда исчез журнал. Его нет, и это — дело ваших рук. Я только одного не понимаю: как вы, при всем нашем уважении к Людмиле Сергеевне, могли допустить это? Ведь вы поставили ее под сильнейший удар. Даю вам ровно час — чтобы журнал был у меня в кабинете. В противном случае Людмила Сергеевна будет нести личную ответственность за пропажу официального документа перед руководством школы и гороно. У меня все.

Директор вышел, оставив 10 «б» в мертвой тишине.

Через час в кабинет директора нести было еще нечего. Кто-то, явно в шутку, выдвинул гипотезу, что журнал стащил влюбленный. А что? Есть же в других классах ребята, которые влюблены в девочку из 10 «б»? Кто-то из них, может, и стащил, чтобы узнать адреса, которые всегда пишутся в конце журнала.

Пока в классе шли разговоры, Лена Катаева обследовала кабинеты — там журнала не оказалось. Люда Шугаева с Ниной Павловой побывали в спортзале — ничего нет. Проверили все стены в коридорах — тоже пусто. И снова сидели, разбирались, говорили, но в общем как-то несерьезно, с прохладцей, равнодушно, даже с шутками и смехом. Во-первых, все были уверены, ну просто

голову наотруб, что никто из класса этого сделать не мог. Никто! Во-вторых, как-то с трудом представлялось, что Людмиле Сергеевне может попасть из-за какого-то журнала. Подумаешь, журнал. А в-третьих, не пора ли всем по домам?

— Ну, хорошо, все свободны. Я сама поговорю с директором.

Она осталась одна и только теперь с какой-то опустошающей душой тоской поняла, что проиграла по всем статьям. Да, проиграла. Дело ведь в конце концов не в чрезвычайных происшествиях и не в том, что она, возможно, будет иметь серьезные неприятности. Дело в ребятах, в их отношении ко всему случившемуся. Конечно, она тогда сделала ошибку, опрометчиво пообещав им поездку в Москву. Но ведь как она обещала? Просто сказала, что, если удастся достать путевку в «Спутнике», то они обязательно поедут в Москву. И ведь сколько раз — бессчетное количество! — умоляла, просила, чтобы выделили путевку, — ничего не помогало. «Путевки нет», — был ответ. И об этом она не раз рассказывала ребятам, и они каждый раз огорчались, но им и в голову не приходило обвинять Людмилу Сергеевну в том, что нет путевок. И, как странно, достаточно было небольшого внешнего толчка — другой класс едет в Хатынь, — чтобы разом порвались те нити, которыми, как ей казалось, она была крепко и глубоко связана с классом. Шесть лет она отдавала классу все лучшее, все самое доброе, что было в ней, чем сама владела, а они в конце концов отплатили ей равнодушием.

А может, ей все это только кажется? Может, все гораздо проще? Но как тяжело сейчас ощущать эту гнетущую тоску одиночества...

Пятница. 16 декабря.

— Людмила Сергеевна, вам письмо в канцелярию, — сказали Панфиловой в учительской.

Она взяла письмо, с удивлением вскрыла конверт:

«Дорогие товарищи! На ваш запрос отвечаем, что во время зимних каникул с 3 по 9 января мы можем принять 22 человека и разместить их в школьном интернате. Ждем от вас подтверждения желания выехать в Москву. С дружеским приветом — Ленинский райком комсомола, г. Москва.»

Людмила Сергеевна читала и глазам своим не верила! Как, откуда могло свалиться такое счастье? Она и помнить давно уже не помнила, что когда-то они с Александрой Семеновной Бочониной, классным руководителем 10 «а» класса, просто так, наугад написали письма-запросы в несколько райкомов комсомола Москвы. Честное слово, когда они отправили свои письма, то настолько сами не верили в свою затею, что тут же забыли о ней, и даже ребятам ни разу не говорили, что написали письма. И вот такой неожиданный поворот...

Она читала и перечитывала это письмо, и в душе у нее происходила какая-то странная борьба самых противоречивых чувств: и радость, и ликование, и неожиданная обида на ребят, и досада, и горечь...

Может быть, только теперь, когда так неожиданно изменились обстоятельства, Людмила Сергеевна наконец осознала, насколько же глубоко были виноваты перед ней ребята. Ведь они прекрасно знали и понимали, что она много раз пыталась достать путевку в Москву, и то, что получить эту путевку никак не удавалось, совсем не было ее виной, скорее наоборот — это было ее болью. И это тоже понимали ребята. И все-таки, все понимая, они вдруг использовали свое формальное право обиды на классную руководительницу и, забыв о дружбе, доверии, справедливости, начали творить одно ЧП за другим, не думая, что настоящая цена этих ЧП — душевный эгоизм, равнодушие и черствость к человеку, которого, казалось бы, они так искренне и совсем недавно любили. Как часто в жизни случается подобное! Люди дружат, любят друг друга, и вдруг какая-то случайность, мелочь, суший пустяк делают их отношения натянутыми, неискренними, даже враждебными. И совсем не потому, что есть серьезная и важная причина, а просто потому, что очень часто люди, даже не задумавшись о последствиях своих поступков, ставят свою личную, сиюминутную, сиюсекундную обиду превыше дружбы, справедливости, превыше чистых человеческих отношений, которые складываются годами, даже десятилетиями.

Людмила Сергеевна несла сейчас в класс письмо, как самую большую драгоценность, и в то же время ей страшно было за своих учеников, потому что она понимала, какую сложную реакцию вызовет это письмо в их душах...

Что же теперь будет с классом? И как они, ее ученики, будут смотреть ей в глаза после всего случившегося?

Что теперь будет?

Я ЧП

подобной «философией комфорта» нельзя, ибо она, как червоточина, незаметно, исподволь проникает в человека, опустошает его нравственно и духовно. Разговор об этом выходит далеко за рамки «школьной» проблематики, он взывает к раздумьям о человеческих взаимоотношениях, о справедливости, чистоте и искренности людей в отношениях друг с другом.

Итак, дорогие читатели, ждем ваших писем.

дителя. И все это при том, что именно 10 «б» погряз в чрезвычайных происшествиях!

Воскресенье. 11 декабря. Утром в квартире Людмилы Сергеевны раздался звонок.

— Это уж наверняка к тебе. Открывай, — отозвался ее муж, который вместе с сыном Димкой возился в это время со стиральной машиной.

Действительно, в дверях стояли ученицы Людмилы Сергеевны Таня Клюева и Нина Павлова. Уж кого-кого, а увидеть сегодня своих учеников Людмила Сергеевна никак не ожидала — вчера на вечере вон как пропесочили ее, кому ж охота будет сегодня идти в гости? Хотя раньше, конечно, часто заглядывали к ней ребята...

Поначалу и Нина с Таней и сама Людмила Сергеевна чувствовали какую-то натянутость, неловкость друг перед другом, а потом сели пить чай, стали смотреть фотографии, разговорились, вспомнили все походы — и на Азов-гору, и на Белый Камень, и на Чусовую, и на озеро Глубоченское, вспомнили трудовые лагеря и нынешнего и прошлого года, а главное, что вспомнили, — дружбу, которая связывала Людмилу Сергеевну и ребят во все годы их совместной школьной жизни, и, вспоминая, как бы даже немного взгрустнули сейчас.

— Девочки, так что же случилось?! — вдруг почти с болью спросила Людмила Сергеевна. Девочки смутились, отвели глаза. — Я же понимаю, с классом что-то происходит, столько чрезвычайных происшествий — и все за одну неделю. Что случилось? Молчите... — вздохнула Людмила Сергеевна. — Ну что ж, видно, я совсем вышла из доверия...

— Понимаете, Людмила Сергеевна, — с трудом выдавила из себя Нина Павлова, — врать не хочется, а правду говорить — язык не поворачивается.

— Ну, а все-таки?

— Видите ли... Ближе вас из учителей у нас

«...А ВОДЫ УЖ ВЕСНОЙ ШУМЯТ»

Георгий СЕМЕНОВ. Фото Игоря КОНСТАНТИНОВА.

Что-то и не припомню я человека, который бы сказал, что он не любит весну. Многие клянутся в любви своей к осени, лету и даже к зиме, но все-таки все мы, от мала до велика, ждем не дождемся, особенно в февральские непогоды, когда крутит сухая метель или сыплет мокрый снег,— все мы ждем весну.

В быстротечности городских будней мы порой и оглянуться не успеваем, как голые ветки сирени уже утяжелются, разбухнут упругими почками, ветерок поднимет пыль на сухом тротуаре, тополя распустят листья или опустятся красными сережками, а там, глядишь, и скрылся уж соседний дом за густой зеленью... Ждал, ждал весну, а она опять—в который уж раз—промелькнула незаметно, породавав только теплым ветерком да запахом тополиных почек.

Сколько же их было, просочившихся, как песок сквозь пальцы, неуловимых весен!

И все же в памяти у каждого из нас теплится, а то и разгорается нестерпимой радостью та настоящая, бурная, дикая и прекрасная весна, которую, конечно же, каждый из нас хоть один раз в жизни да пережил, прочувствовал, запомнил навсегда.

У каждого она своя, неповторимая, если ты встречаешься с ней лицом к лицу, потому что нет одинаковых весен.

Лес еще полон плотного снега, набитого хвойными иглами, а поляны и лесные дороги, залитые прозрачной водой, уже открылись под солнцем, расстилаются мокрым войлоком среди сияющих снегов. Резиновые сапоги, в которых, как в черном стекле, сияют солнечные блики, только что шуршали в крупенистом снегу, но вот уже стоишь ты опять на сухом бугорке поляны возле какой-нибудь порозовевшей березки, а по резине сползают тающие под солнцем крупинки снега. В овраге играет вода, а над водой еще висят побуревшие снизу, окрашенные мутным потоком снежные крыши, которым не пришел пока черед рухнуть с тихим вздохом в ручей. Тут же, на сухом пригорке, около старого березового пня раскрылись под солнцем резные зеленые листья перезимовавшей земляники, над которыми вьется в теплом воздухе проснувшийся и словно бы еще не уверенный в себе, осторожный шмель.

Паутина березовых макушек растворяется в голубом небе розовым туманом; старые ели, стерегущие глу-

бокий снег, четко темнеют своими пиками, усыпанными плотными глянцевиными шишками, которые коричнево светятся в лучах солнца. А тишина стоит в лесу такая, что не только бормотание ручья в овраге, но даже тихий звон тающего снега слышен в воздухе, слышно, как невидимо сочится крупенистая его толща, насыщая и без того насыщенную землю живой влагой, которая поблескивает у тебя под ногами, среди прошлогодних травинки, находя свои какие-то тайные пути к большой воде.

Но непрочно еще тепло на земле. И как только закатится солнце, утихают, замерзая, все звуки на земле, кроме, может быть, бубнящей песни большого ручья, а на рассвете все опять обметано мутным ледочком, тихо и мертво на заиндевевших лесных полянах, земля уже не пружинит, а холодным камнем стучит и хрустит под ногами, затянута льдом лужи взрываются страшным грохотом, и ничего тогда не слышит идущий по лесу человек, кроме самого себя, своего собственного шума и треска, к которому чутко прислушиваются тающиеся в лесу живые существа.

Когда же солнечные лучи согревают все эти ледяные кружева, вот тогда-то начинается настоящая музыка! Тончайшие колокольчики звонят тогда на лесных полянах. Кристаллические строения легкого льда, которые разрушаются под солнцем с этим нежным звоном, опять сочатся живой водой; окаменевшие за ночь снеговые крыши над ручьем, по которым ночью можно было перейти через овраг, как по мосту, опять становятся непрочными и ветхими. И вот уже слышно, как белое крыло зимы обвалилось и с тяжелым уханьем упало в ручей. Ручей подхватил сразу побуревший в его воде бесформенный ком, закрутил, разорвал на части и понес в стремительном своем беге к большой воде.

Все вокруг словно бы опять засобиралось в дальнюю и долгую дорогу. Солнце опять подгоняет зимние снега. И опять в воздухе пахнет оттаявшей, теплой землей, по запаху которой так наскучаешь за зиму, что чуть ли не целовать готов первые проталины, первый какой-нибудь бугорок в открытом поле, к которому пробиваешься через глубокий еще снег, свернув с дороги, постоишь на нем, потопчешься, ощущая под ногами еще некрепкую, ранимую мягкость земли, повздыхаешь с надеждой на скорое половодье и засмеешься от радости, что вот, мол, и опять весна пришла.

Нет, не знаю я человека, который не

ПЕРВАЯ ПРОТАЛ

ЗА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ДО БОЛЬШОГО ПОЛОВОДЬЯ ВЫШЕЛ ИЗ БЕРЛОГИ МЕДВЕДЬ.

В ЭТУ ПОРУ СКОРЕЕ ВЫЙДУЩАЯ РОДУ МЯСНИЦА ПРОГЛАТЫВАЕТ ТОЛЬКО НА ПОДКЕ

В ЗЕРКАЛЕ РАЗЛИВА.

ждал бы в наших снежных краях первых признаков весны: первую землю, первое серебро распушившейся вербы, а потом и большую воду, ледоход на реке...

Сколько их было — этих бурных ледоходов, но мне ни разу еще не приходилось видеть, как взламывает весна лед на реке. Не повезло! Видел уже плывущий лед, видел затопы его возле какого-нибудь мостика через реку, когда льдины, как звери, вставали на дыбки, сверкая голубыми своими изломами, со звериным ревом и сопением лезли на берег, угрожая снести вставший на их пути мост, и как орудовали местные жители длинными баграми, утихомиривая этих ледяных зверей, укрощали их крутой нрав, расталкивали, как дрессировщики, взбунтовавшихся хищников, направляя в узкое горло, в стремительный поток сжатой дамбой и мостом реки. На веселую эту борьбу можно было смотреть бесконечно! А вот как трогается лед, как взламывает его река, не видел. Говорят, что это таинство случается только в темные, безлунные ночи. По правде сказать, я и человека-то ни разу не встречал, который бы мог мне рассказать, как все это происходит. Видел в своей жизни один раз, как поздней осенью в мороз мутнеет на глазах, обледенева-

ны, и лодки нет — неровен час налететь на мель, сломаешь винт мотора, а то и вовсе пробыешь днище лодки, столкнувшись с каким-нибудь плывущим бревном. Это, конечно, не айсберг и весельная лодочка тоже, конечно, не «Титаник», но шансы потерпеть крушение в ледяной воде одни и те же... Нет, нельзя уходить с русла. Оглохнешь от треска мотора, пока на горизонте покажется серенькая деревушка на высоком бугре, подтопленная половодьем. Вода с каждым годом все больше и больше обгладывает рыжий глинистый берег. Частоклы огородов подошли уже к самой воде, на огородах роются в теплой земле куры, золотистый петух хлопает крыльями и кричит во все горло, словно приветствует прибытие лодки, которая с выключенным мотором толкнулась наконец и увязла килем в глинистом доньшке.

Под стеной старой, черной баньки светлеет еще язык грязного снега с северной стороны, а солнце уже так печет, что хоть полезай купаться. Бабочки порхают над огородами, по берегу бегают трясогузки, скворец вытворяет чудеса возле своего домика, подражая всем сущим на весенней земле звукам: то урчит лягушкой, то словно бы собаку свищет, то сам собакой лает, то шваркает селезнем,

СОВРЕМЕННЫЙ ДЕД МАЗАЙ.

ет, мертвеет вода, как стелются эти еще непрочные, ледяные полотнища на воду, а вот как они разрушаются, видеть не пришлось, хотя и надеюсь увидеть это чудо.

Но скатится вниз и растает весь лед. С каждым днем будет прибывать вода, и какая-нибудь тихая летом речка, заросшая лопушками и скрытая нависшими ивами, поднимется так, что не только выйдет из берегов, но и ивы накроет водой по самые макушки, разольется по окрестным лугам, подопрет мутной водой далеко отступившие от нее, словно бы давно уже знающие ее крутой нрав леса, и не поймешь тогда, скользая на лодке по этим водным просторам, где ты и какие глубины под днищем твоей лодочки. Русло реки с трудом прослеживается по торчащим из воды, шевелящимся прутьям затопленных ив, по сторонам в залитых лугах торчат березовые остожья с клочками сена, утки срываются с плоских и грязных надводий, с бывших луговых бугорков, которые превратились теперь в отмели. Правишь лодку по старому руслу, соблюдая все его изгибы, все прихотливые петли, хотя куда как проще и ближе к цели помчаться напрямки по мутному морю. Нельзя! Глубины тут не измере-

то мякает... Шум и гам стоят в воздухе. В березах неумолчно ворчат грачи, которые давно уже высидели яйца, прилетев на гнездовья по глубокому снегу, еще в конце марта, а теперь вот с добродушным ворчанием старожилов обсуждают дела перелетных птиц, которые прибывают с каждым днем и каждой ночью, гомоня на воде и на земле.

Ах, весна, весна! У каждого ты своя, и для каждого ты разная. Кто-то увидел тебя в первом граче, зачерневшем на заснеженном еще поле, кто-то в первой ветке черемухи, а кто и в первой ласточке, которая прилетает к нам так поздно, что весна к тому времени бывает уже «сделана». Первая ласточка, увы, весны действительно не делает, как гласит поговорка, ибо весна уже прошла и наступает к тому времени, когда прилетают ласточки, пролетье — тоже прекрасная и неповторимая пора. Но стоит ли торопить время, когда оно и так бежит без наших понуканий. Не лучше ли постоять на первой проталине и, забыв о быстротечности времени, взглянуться в первый зеленый листик земляничного куста, в первую травинку, пахнущую такой живой и свежей, какую мы уже не почуем в разгар зеленой весны.

ЗАМЕТКИ

Человек, который писал эти заметки, — я ручаюсь, вы прочтете их не бездумно, они неизбежно потребуют ответного внутреннего голоса — прожил взрывчатую жизнь, обильную деяниями смолоту и щедро плодоносящую в зрелые годы.

Почти каждый, кто был приобщен к Октябрьскому перелому истории, одним этим уже выделен и осчастливлен. В накале общественных страстей духовное развитие увы страдало стремительно. Все менялось вокруг. Посреди российских катаклизмов никто не усмотрел диковинки в превращениях учительского сына Иванова, одной фамилией осужденного на безликость, а ныне, напротив, словно бы выигравшего от ее всеобщности! Встретив революцию пятнадцатилетним гимназистом, спустя два года он преобразился в буденновского конника.

К сожалению, Валентин Дмитриевич Иванов не оставил биографических заметок. Все, чем мы располагаем сейчас, — это два листка машинописного текста: ответы на анкету, посланную ему редакцией энциклопедии в апреле 1974 года, за год до кончины писателя. Графа «В каких войнах участвовали?» заполнена до обидности скупо: «В гражданской, рядовой».

Пережив боевую юность, он вновь стоял на пороге жизненного выбора. На этот раз с искалеченной после тяжелого ранения рукой.

В той же анкете он напишет: «В 20-х, 30-х, 40-х годах партия и правительство обращались к трудящимся зачастую так: товарищи рабочие, инженеры, техники, практики... Дипломированные инженерно-технические работники не хватало, и в группу ИТР входило немалое число практиков, к которым я и принадлежал. А начинал я с рабочего...»

Итак, в семнадцать лет красногвардеец, в двадцать — рабочий, в тридцать — практик-инженер, в семьдесят — автор блистательных исторических романов, о которых сам он отзывался с присущим ему лаконизмом: «Последние три романа-хроники я считаю своими действительными основными работами по содержанию и по вложенному в них труду, да и по объему даже — всего свыше 100 авторских листов».

Не пропустите, пожалуйста, их названий на библиотечных полках: «Повести древних лет», «Русь Изначальная», «Русь Великая». Труд, казалось бы, непосильный для человека, который взялся за перо так поздно...

Валентин Иванов ощущал прошлое как концентрацию народного опыта. Нравственный эталон древних русичей был, по его мнению, чрезвычайно высок. Он не льстил потомкам, уверяя, будто те лучше уже по одному тому, что живут позднее.

Принято говорить об ответственности перед будущим. Но есть нравственный долг и перед прошедшим. Люди, которым мы наследовали, могут быть названы поименно, они реально существовали на этой земле.

Валентин Иванов чутко уловил, что современника влечет в историю не одно любопытство (так ли все было, как написано в учебниках?). Чем дальше уходишь от своей околицы, перешагиваешь обжитое время, тем полнее понимается: поражают не различия, притягивает сходство! Мужество и самоотверженность из века в век имеют одинаковую цену. Страдание по-прежнему нуждается в милосердии. Отечество — в защите, любовь — в понимании...

Перо Валентина Иванова дарит общение с могучими характерами древнерусских воителей и землепашцев. Они западают в душу читателя глубоко и небесполезно.

В одном из первых романов — «По следу» — приключенческом, как обозначил его сам автор, уже с начальных страниц можно было уловить своеобразный подход к сюжету. Описывалась таинственная погоня, увертывание героя от пуль, смертоносный выстрел в неизвестного, а между тем читатель подпадал под обаяние точной до мелочей картины знойной зауральской степи. И уже не одна погоня вызывает наш интерес, но и психология ползущего по сухой траве человека. Попутно читатель узнает множество деталей о почвах, озерах, змеях, саранче... Вот когда пригодились разнообразные знания автора!

Уже этой первой пробой пера Валентин Иванов решительно отклоняет каноническую облегченность приключенческого жанра. Что-то другое влечет его в прозу, и он терпеливо нащупывает это другое, это СВОЕ.

«Человек всегда нуждается в каком-то точном и ясном слове для обозначения вещи или события и для определения своего отношения к ним», — уронит он мимоходом, в том же романе «По следу». Таков сокровенный смысл и его собственных поисков.

Язык прозы Валентина Иванова не перегружен метафо-

рами, подобно восточному каравану, навьюченному цветастыми тюками. Нет, это скорее конь, оседланный мыслью и взнузданный логикой. «Главнейшей из всех наук ему казалась история людей» — так в «Руси Изначальной» представлен византийский историк Прокл. Фраза могла бы стать самохарактеристикой автора.

Но, отдавая во всем предпочтение мысли, ибо «писатель пропускает жизнь через разум», Валентин Иванов, как каждый крупный прозаик, владеет обширным арсеналом художественных средств. Образность его речи гибка и точна.

Впервые — не только в русской, но и в мировой литературе, — проникнув пером, будто заступом, в глубинные горизонты шестого века, он воссоздает его во плоти, не прибегая к стилизации. Словарь его книг вполне современен, образы без натури доступны нашему воображению. Тем не менее описываемый мир предстает перед нами таким, каким видели его люди, жившие неизмеримо давно. Такова магия таланта, и читатель полностью подпадает под нее. Вернее, активно стремится идти вровень с автором, приспособить свой шаг к его размашистому упорному движению.

Возвращаться мыслью к далекому прошлому вовсе не означает пятиться. Иногда, размышляя о прошлом, легче проникнуть в суть сегодняшних деяний. И нам полезно вновь и вновь обдумать то, что уже случилось на человеческом веку.

Предлагаемые публикации В. Д. Иванова взяты из архива писателя. Диапазон интересов автора был чрезвычайно широк; его мысль, мысль историка, поднималась до проблем общегосударственных, но постоянно возвращалась к истокам его раздумий — к нравственности человека. Именно нравственное кредо личности — жил ли человек в шестом веке, либо живет в двадцатом, — по мнению писателя, и составляет ее главную непреходящую ценность. А ее, в свою очередь, определяет сопричастность человека к жизни Родины и народа.

Жизненный путь и литературное творчество Валентина Дмитриевича Иванова являются золотым обеспечением его раздумий и замет. Они подтверждены его личностью. И именно поэтому поучительны и достойны доверия.

Лидия ОБУХОВА

Валентин ИВАНОВ

НРАВСТВЕННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Порой молодые люди спорят на тему: что важнее — быть или казаться? И на вытекающую из нее еще более острую: сделаешь ли ты гадость, украдешь ли, если никто никогда не узнает?

Воспитатели строят свои доказательства на конечной невыгодности бесчестного поступка для совершившего его, хотя все осталось в тайне. Рассуждения строятся по необходимости на упрощенных примерах личной выгоды. Но на самом деле здесь капитальный вопрос: возможное поведение личности без риска когда-либо и в какой-либо форме попасть под контроль общества...

Таким обсуждениям удобнее опираться на крайние положения. Однако в будничной повседневности каждый из нас всегда безнаказанно своими действиями или бездействиями творит лицо жизни, ее цвет. Взаимная терпимость, честность, доброжелательность определяют цвет нашей личной жизни, это старая, проверенная аксиома, и я упоминаю о ней лишь, чтоб сказать: и здесь все слагаемые суть функции чего-то бесконтрольного, ненаказуемого.

Так же определяется и наш труд. Но подчас каменщик, штукатур пользуется цементным раствором, в котором уже началось схватывание, а производитель работ попустительствует браку, чтоб не срывать план; отделочник загоняет

шуруп молотком; мебель собирают, заливая клеем слишком широкие пазы; машиностроители нарушают допуски... Примеры бесконечны: от высокой инстанции, которая может дать некомпетентные указания, до уборщицы, заматающей мусор под шкаф.

Конечно, общество может, сосредоточив на отдельном участке свои ресурсы, добиться частного успеха, не считаясь с затратами. Но лишь за счет целого. Качество нашей жизни, ее класс определяются нашими бесконтрольными, безнаказанными действиями, нашим поведением, нашим выбором: «Быть или казаться?»

Между честью и бесчестьем выбор свободный: пусть никто не знает, но сам человек знает. От себя не убежишь. И выше себя не прыгнешь, ибо на любую высоту несешь себя и свое прошлое.

А. С. Пушкин писал:

Вспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу, и проклинаю.
И горько жалею, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Не преступления, не проступки — тени, мелкие ошибки, неловкости, мелочи, никем и никогда не наказуемые, никому не известные, составляют печальные строки, ранят совесть, оскорбляют честь.

ШЕХЕРЗАДА

«По отцу — и сыну честь» не поговорка, а характеристика отношений, сложившихся в древнеславянской традиции. Честь — это место на общественной лестнице, в сельской общине, в вечевом городе, в племенной слободе, затем в княжеской дружине. Осторожное общественное мнение признавало за сыновьями, внуками, правнуками «ходивших в чести» отцов, дедов, прадедов преимущественное перед другими претендентами право на «честь»: наши предки верили в «породу». Но право «доброй породы» приходилось доказывать с юности собственным поведением под наблюдением сотен внимательных глаз. А попадая к зрелому возрасту «в честь», то есть занимая место на общественной лестнице, надлежало действовать «с честью». Если сын с начала общественной жизни не проявлял должных способностей, он «в честь не входил», уступая место другому. Но беда, если он, «завяв честь», порочил себя дурным делом. Тогда и он сам и его потомство «выпадали из чести». Им приходилось не просто начинать заново, но и преодолеть «бесчестье».

Понятие о чести не изменилось. С древности наши летописцы осуждали нарушение слова, неисполнение долга, злоупотребление властью, корыстолюбие, эгоизм, попирающие слабых, жестокость... Так же, как мы, они были непримиримы к измене. Призыв «Не посрами земли русской» древен, как Русь.

«У нас уж исстари ведется, что по отцу и сыну честь». Но коль отец — темное ничтожество, всю жизнь промышлявшее хищничеством, воровством, часто и всенародно битое за отсталость, тупость, невежество? Что за честь его сыновьям? На них глядят с опасением, они клеймимые. И традиционное отношение к «дурному семени» делает свое. Педагогика знает: внушайте ребенку, что он «черная овца», таким он и вырастет...

Однако ж всяческая дрянь в человеке плодится и без посторонней помощи — через простое сознание позорности своего происхождения. «Голый человек на голой земле», «До нас ничего не было», «Сшибай все, начиная все сначала» — это не просто антинаучные нелепости, это — безумие. Здесь почва для массового эгоизма, антиобщественности. Здесь дверь для уроков.

Трудно не только воевать, трудно делать самую простую работу на заводе, в поле, в канцелярии, коль нельзя положиться на товарища. А как на него положиться, когда у него нет чувства собственного достоинства, нет чести? Контроль, принуждение, премии бьют мимо него. Без чести нет жизни, бесчестный опасен и тягостен всем и себе самому.

Чувство собственного достоинства, личная честь не идеалистическая выдумка, не практическое изобретение. Это плод эволюции человека, как вида, и плод исторической эволюции общества. Поэтому эволюция общества опирается и осуществляется чувством собственного достоинства и честью своих членов.

Почти каждый случай позорного поведения — следствие потери собственного достоинства. «Наложить на себя бесчестье» — разорвать традиции, изменить себе и людям. В какой-то мере потеря чести вызывается воздействием на сознание: необоснованно последним разрывом национальной традиции посредством изуродования истории нации. До революции большое число преступлений совершалось из-за голода буквально, то есть в момент покушения у преступника было пусто в желудке. Сейчас стимулом служит не физиологический императив, а «власть вещей», без которых можно обойтись, и желания и псевдопотребности отнюдь не насущные. Причина — духовная пустота, отсутствие чести, достоинства, и многие преступления совершаются бессмысленно, «просто так».

1970 год

ЯЗЫК — ДОСТОЯНИЕ НАЦИИ

...В «Детских годах Багрова внука» С. Т. Аксаков вспоминает о первой встрече со сказками Шехерзады:

«С какой жадностью, с каким ненасытным любопытством читал я эти сказки, и в то же время я знал, что все это выдумка, настоящая сказка, что этого нет на свете и быть не может. Где же скрывается тайна такого очарования? Я думаю, она заключается в страсти к чудесному, которая, более или менее, врождена всем детям...»

Победа добра в книгах, любимая не мною одним, тоже относится к разряду чудесного. А фантастика выросла на страсти взрослых к чудесному.

Хочу напомнить об А. Грине, сказочнике для взрослых. Грин занимает собственное место не изобретательностью фабулы, не сюжетными выдумками, а своим языком, изумительно гриновской и только гриновской русской речью, на которой и рождаются фабулы и ходы Грина. Связь между языком писателя и содержанием его произведений — вещь известная; творчество же Грина для меня пример особенно характерный, ибо Грин если и отражает свою действительность, то грязь, неудачи, бывшие уделом жизни, он превратил в золотые мечты. Но сделал это посредством своей речи, ибо изложение того же самого не по-гриновски дало бы сентиментальную фальшь. Для искусства нет невозможного...

В нашей русской литературной речи мы до сих пор опираемся на речь народную, из которой совсем недавно, в прошлом столетии, были взяты грамматика и синтаксис. Хорошее ощущение русской речи позволяло синтаксические свободы. Я сам продолжаю встречать людей, совсем не ученых письменности, но говорящих безупречно, и знаки препинания они расставляют голосом. ...Русский язык был и остается общенародным. А язык большого народа — это «множество». Поэтому наши писатели XIX века и нынешние, выбирая творческим инстинктом из этого «множества» стиль, строй, настрой, «музыку», отвечающую возможностям воплощения их собственного внутреннего настроения, писали каждый на своем языке, и все одинаково отлично — по-русски.

Каждый живой язык изменяется, движется. Сегодня в русском языке весьма ощущается вторжение массовой школы. Происходит невольная, неизбежная школьная унификация языка и, как следствие унификации, ощущается обеднение, упрощение, нивелировка речи с потерей силы слова и по обратной связи затруднение в выражении мысли. Тема эта большая, школьная — факт естественный, исторически описанный, а перелом — неизбежность. Этим, по моему мнению, и объясняется тот парадоксальный факт, что именно родная речь оказалась для очень многих учащихся самым трудным предметом, а не физика, математика, химия, как недавно. Но от всего этого писателям трудней, а не легче.

Конечно же, каждый писатель ищет (и должен искать) свой язык. Обозревать эту тему здесь неуместно, ограничусь указанием на обстоятельство, кажущееся мне признаком удачи, когда дело идет как бы само, когда самому пишущему легко дается выразить мысль, и читатель согласно воспринимает прочтенное. Я, конечно, не захохочу на изречение истин. Я пытаюсь сказать об ощущениях.

Но то, что нельзя беседовать, все время обдумывая слова и вспоминая грамматику и синтаксис, дабы правильно построить фразы, и что так — с восстановлением в памяти правил — не напишешь и простейшего письма, всем понятно. Вся и всяческая школьность — тяжкий груз, его нужно убрать с глаз долой, нужно запрячь поглубже, как корабельный балласт.

1972 год

ОПОРА — НА ШИРОКИЕ ПЛЕЧИ КУЛЬТУРЫ

...Стихоплетство есть занятие старинное. Не будучи в силах взять сущее изнутри, со свойственным сущему ритмами и музыкой, виршеплет увлеченно, искренне убеждает себя и других так называемыми находками новых рифм, новых созвучий. Испытанием подлинности стиха служил и может служить перевод на другой язык. Как-то мне довелось видеть тетрадь с великолепными переводами с английского и несколькими стихотворениями самого переводчика — пустейшими: у переводчика не было за душой ничего, но обращаться со словами он умел. Об одном современном нашем громком поэте дружественные французы скромно спрашивали: «Вероятно, он особенно звучит по-русски, но если судить по переводам на французский, то мы как-то не находим...»

...Искусство — мозаика, его фреска сложена из разных кусков, и единство фрески зависит от подлинности каждого вкрапления, от «самости» каждого вкрапления, какой самостью и держится вся фреска. Со свойственной ему и его кругу безразличностью к шаблону и пышнословью А. Чехов где-то сказал: каждая собака должна лаять своим голосом. И если каждый электрон обладает собственным трехмерным пространством, уходя и приходя с которым он изменяет свойства атома, то каждый поэт обладает своим пространством, которое он обязан в отличие от электрона все время расширять, чтобы оставаться поэтом.

Замечу, что Пушкин стал велик, будучи мудр, — в коренном значении этого нашего слова. Такие наслаждаются беспрестанным учением даже от пошлости, от жеста, интонации случайнейшего встречного. Версификация им чужда, они увлекаются отделкой не-строф, а сущности мысли. И ходят они не по академическим лужайкам, а по широким полям культуры, которые всенародны.

О мастерах версификации заботиться нечего, они цветут до старости, умея не задумываться о подлинности лавров в самосплетенных венках. Таланты же тонкокожи, склонны к сомнению. Кто-то сказал, что писатель должен задаваться делом выше своих сил. Это только на вид парадоксальное изречение нуждается лишь в одном пояснении — речь идет о храбрости таланта. Но художнику нужно и мудрое приобщение к культуре, без доверия к культуре ему в искусстве не прожить. И даже просто не выжить, в какой бы ряд его ни поставили классификаторы.

В этой связи, мне кажется, можно прикоснуться если не к единственной, то к немаловажной причине трагедии Есенина. Но Есенин нам слишком близок, поэтому я обращусь к такой же трагедии Хемингуэя, силовые линии которой благодаря удалению столь же четки, как тропы и гребни дюн на листах аэрофотосъемки пустыни.

Хемингуэй вошел в искусство по праву крупного таланта с тем же замахом, что Стендаль — создать шедевр. Может быть, великопленнейший слог Хемингуэя был результатом более суровой самокритики, такое можно предположить, но не стоит доказывать. Во всяком случае, изумительный слог Хемингуэя побеждает психологические несообразия, заставляя читателя их принимать. У Стендаля не было таких несообразий. Но в одном Хемингуэй бесконечно превосшел Стендаля — в истинно охотничьем чутье на дичь — читателя. (Эта минута на облове, когда, выбирая место, знаешь — зверь пойдет именно здесь!) Отсюда прижизненная неизвестность француза и быстрая яркая слава американца.

Как многие и многие на всем белом свете, я читаю и буду перечитывать Хемингуэя. Но что до этого ему самому!

Он писал честно, с полной отдачей себя. На полке же получилась серия, не пирамида. Более того, шло под уклон. Хемингуэй переписывал сам себя. Копии, как всегда, были слабее оригинала. Мало кто замечал, но сам Хемингуэй это видел. Выходящий из ряда талант не может заниматься, скажем, сименоновщиной, такое ему скучно. Ему нужен шедевр. Как построить шедевр, Хемингуэй знал, но строить было не из чего.

Талант небезопасен для обладателя. Талант — разрушительное бремя, когда нет опоры на широкие плечи культуры. Хемингуэй балансировал под давящим грузом, и, мчась по свету, он вместо шедевра сотворил личный миф. На его книги падает отсвет сенсационной биографии, но ведь должно быть обратное! Сейчас в моде гробокопательское и часто фальсификаторское сочинение писательских биографий, но единственная биография писателя — это его книги. Повторю, я люблю читать Хемингуэя, мне нравятся его книги, даже последние, и я не верю, что его личное мифотворчество было надуманным. Такое полезно для сбыта, но талант не удовлетворяется коммерцией.

До своего последнего дня Хемингуэй обладал завидной и для молодого человека мускулатурой, физической неутомимостью. Герой его романа «За рекой в тени деревьев», написанного в сумерках авторского тупика, умирает от инфаркта. Это отговорка, на самом деле герою все омерзело и жить совсем не для чего... Хемингуэй понимал, что черпать нужно было из моря, а не из речек, что его метания по свету были скольжением по поверхности, а не ходом в глубину без дна. Бесполое писательское духа не удовлетворит самолетами, стрельбой по человеку и зверю, ловлей рыбы в Гольфстриме. Крепкое сердце Хемингуэя не отказалось гнать кровь, но как быть, коль сама кровь не обновляется?

Каждый из нас неповторим. Вместе со мной моя вселенная закрывается так же, как для династа, чья смерть величают кончиной, уходом, и прочее.

По мне куда трагичней писательской жизни Хемингуэя слишком часто происходящий, но так редко замечаемый и понимаемый размен таланта, самобытного таланта, но не сумевшего опереться на культуру, размен на проторенные рублевые дорожки, которые ведут в никуда: в псевдомир слов, а не мысли, где жизнь обменивается на фальшивки — на выдумывание рифм и ритмов, обменивается при «удаче» на сиюминутную трескучую славу, а не на поэзию.

Я не могу указать двери в культуру, не слишком верю в

Продолжение на 31-й стр.

Гортензия ВЛАДИМИРОВА.

Фото Юрия УСТИНОВА.

КАКИМ КЛЮЧОМ ОТКРЫВАЕТСЯ РОЛЬ

РАССКАЗ ОБ АКТРИСЕ,
ЧЛЕНЕ СОВЕТА
ТВОРЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
ЦК ВЛКСМ

МОЛОДЫЕ
МАСТЕРА
ИСКУССТВ

Олег ТАБАКОВ. Катя Маркова — человек верный.
Екатерина МАРКОВА. Преступно прожить по
инерции хотя бы неделю.

Среди кочующих сюжетов кино и драматургии есть один нестареющий: молодая актриса, неожиданно заменившая героиню, восторженно принимается публикой. Успех, дебют, новые роли... Счастливая случайность открывает перед новой звездой усыпанные цветами дороги.

Нет слов, подобное в жизни случается. Только не с такой водевильной легкостью. Его Величество Случай на поверку оказывается следствием серьезного и ответственного отношения актрисы к своему призванию.

...Шли гастроли. Напряженное театральное лето. Коллектив «Современника» показывал бакинцам свои лучшие спектакли, в том числе и «Большевики» М. Шатрова. Внезапное заболевание вывело из строя исполнительницу роли Марии Ильиничны Ульяновой. Отменять спектакль было поздно, заменять пьесу в юбилейном отчете театра перед зрителями недопустимо. Вызвали Катю Маркову.

Бывают минуты, когда нельзя сказать «не смогу»

ИДЕТ СПЕКТАКЛЬ
«НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В
БЕЛЫХ ЛЕБЕДЕЙ»...

В РЕДКУЮ МИНУТУ
ОТДЫХА...

НА СЦЕНЕ—
«ВАЛЕНТИН
И ВАЛЕНТИНА».

«не сумею». Если выбор пал на тебя, значит, в тебя верят.

Ее уже гримировали, причесывали, а она повторяла и повторяла слова знакомой, но чужой роли. В глазах стояли слезы с участием Марии Ильиничны, в десятый раз переживала актриса события спектакля. Окружающие что-то говорили, желали «ни пуха», но она не слышала, не отвечала. Перед выходом на сцену, собранная, но какая-то окаменевшая, Катя взглянула в зеркало. На нее смотрела строгая и очень усталая женщина, много пережившая, но способная держаться твердо и спокойно. Это было неожиданно. Кровь отхлынула от щек, и Катя решительно шагнула под лучи софитов. Ей говорили потом, что ввод оказался успешным, что ни партнеры, ни зрители не ощутили замены исполнительницы. Наверное, это так и было. Но ее радовали не столько эти хорошие слова, сколько то, чего она не знала в себе прежде, — способность к глубокому перевоплощению.

Дебют открыл путь к работе над ролями, которых она прежде не играла. Теперь можно было надеяться на встречу с героиней старшего возраста, изведавшей глубокие чувства, может быть, страдания.

Творческая судьба актрисы всегда волнует зрителя. Но вдумчивому соратнику по работе она виднее, чем нам, сидящим в зрительном зале. Таким человеком для Кати Марковой стал народный артист РСФСР Олег Табаков. Его комментарии и сопровождают наш рассказ о молодой актрисе.

Олег ТАБАКОВ.

Впервые я увидел Катю Маркову в одном из спектаклей ТЮЗа. Увидел просто танцующую девочку. Но она проделывала ритмичные на каком-то современного танца так самоабвенно, что сразу стала видна и ее музыкальность и пластичность, а главное — любовь к театру.

— ...А знаете, — рассказывает актриса, — во сне я до сих пор играю свою первую роль — Машу из пьесы Г. Мамлина «Эй ты, здравствуй!». Девчонка была с характером, с таким внутренним зарядом, что в пору электричество вырабатывать. Я играла ее или жила вместе с нею — не отделить. До сих пор, приснится Маша, я просыпаюсь и не пойму: я это была или она?..

Понадобились годы профессиональной учебы, чтобы почувствовать, что работа актрисы — это не только окрыленность и юношеское вдохновение, а каждый выход на сцену — очередная ступенька к мастерству. Любая роль неизбежно связана с сомнениями, самокритичным «не так», «не то», с постоянным напряжением сил физических и духовных.

Однажды Екатерина Маркова прочла у Герцена: «Художник определяется порогом его боли». Фраза пронзила точным совпадением с собственными раздумьями. Слова Герцена как бы вобрали в себя и ее представления о жизни в искусстве, где ничего нельзя достичь без напряженного стремления к новым высотам. Пусть будет больно, трудно, тяжело — надо перебороть себя, пересилить. Усталость — побочку. Лень — о, эту коварную даму поскорей выставить за дверь и выполнить, выполнить, выполнить данное самой себе обещание — встать пораньше, успеть побольше. Прочитать, запомнить, усвоить, попробовать и тот вариант, и другой, и третий...

Выпадали дни, когда казалось: нельзя дольше выдерживать перенапряжение. Репетиции и спектакли, маленький сын, киносъемки, учеба в аспирантуре... Сколько раз хотелось продлить сутки хоть на

**КАК ЭТО ЗАМЕЧАТЕЛЬНО —
В МУЗЕЙ ВЫРВАТЬСЯ...**

В СЕМЕЙНОМ КРУГУ.

РЕПЕТИЦИЯ... КАКАЯ ПО СЧЕТУ?

несколько часов. Но время нельзя растянуть. Его можно только уплотнить жестким рабочим регламентом, самоограничением.

— Помимо всех притягательных сторон, театр — это ежедневный изнурительный труд, — нередко говорит своим товарищам по искусству Олег Табаков.

Заповедь эту затаенно принимают все, кто переступил порог театра со служебного входа. Готов к работе до полной отдачи — «Современник» станет твоей судьбой. Оступишься — что же, не каждому дано выдержать восхождение по крутой тропе.

Олег ТАБАКОВ.

В «Современнике» Катя Маркова уже шестой год. Мне нравится, что она не утратила при этом способности радоваться каждому рабочему дню, каждой репетиции и спектаклю. В ней не появилось равнодушия, а израет она много, часто занята в детских спектаклях. Она обладает обостренным чувством ответственности, а это значит, что наш театр стал ее домом.

— А значит ли это, что и Катя стала актрисой «Современника»?

— Безусловно. Катя Маркова — человек верный. Она из тех неравнодушных людей искусства, которые постоянно ощущают в себе еще не использованные силы и стремятся раскрыть их, отдать зрителю. Ведь как бывает? Не клеится что-то у человека, он начинает упрекать коллектив, режиссера, объясняя свои неудачи объективными обстоятельствами. У Кати этого нет. Она не устает совершенствоваться. Трезвая позиция по отношению к себе, к своим данным, к своим способностям, неравнодушные — еще раз повторяю это — помогают ее профессиональному становлению. Свои актерские позиции она укрепляет серьезным отношением к жизни, стремлением привнести в роль, в творчество неброские, незрелищные, но искренние и весомые крупицы жизненного опыта.

Я вообще считаю, что часто дело не столько в профессиональных способностях актера, сколько в мере желания отдать себя театру. Госпожа Удача не всегда дарует нас эффектными ролями, чаще обходит стороной, но я убежден, что счастливых предложений ждут либо люди ленивые, либо не очень любящие свое ремесло. Катя стремится в любой роли высказаться до конца. Часто ею сыгранное по содержанию, внутреннему наполнению разительно отличается от текста, превосходит его. Думаю, что для человека, живущего сценой, вообще не может быть «потом». Готовность нужна всегда.

Премьера постановки «Валентин и Валентина» по пьесе М. Рождина состоялась несколько лет назад. Но зрительский интерес к спектаклю о хрупкой юношеской любви, о родительских тревогах, о праве молодых на самостоятельную жизнь и о тактичной, чуткой поддержке старших не угасает. Это для исполнителей давно решены все проблемы героев пьесы. А для зрителей ново и дорого каждое слово Вали, каждая ее смешинка и слезинка. Как же не распылаться — сезон за сезоном — порывистого чувства влюбленной, как не охладить ее бурного темперамента, не утратить юного очарования героини? Ведь спектакль, старая, углубляет извечный парадокс: время существует для зрителей, а вот персонажей пьесы оно не касается. И в первом и в пятом сезоне они остаются такими же, как в день премьеры. Но личный жизненный опыт актера не может не добавить к созданному однажды образу новое, чаще всего критическое отношение.

Олег ТАБАКОВ.

У Кати Марковой есть очень дорогое качество — наблюдательность. Благодаря ей точные интонации, точно прожитые на сцене минуты дают много больше, чем иной протяженный во времени текстовый материал.

— Я раньше беззаветно любила эту роль, — рассказывает актриса, — но с годами пришло ощущение, что сама я вместе со зрительями ушла вперед, а моя Валентина топчется на месте. Прежде я ей больше сочувствовала. Теперь мне чаще хочется, чтобы Валентина повзрослела, стала умнее. Я не имею права покидать свою героиню и потому обязана помочь ей как бы перешагнуть время. Иногда думаю: может быть, тема роли исчерпала себя? Девушки Валиного возраста сегодня стали сильнее нравственно. И мы с Костей Райкиным договорились: пусть в прежнем режиссерском рисунке, при прежних, первоначальных драматургических задачах наши герои станут несколько другими — умнее, ироничней. Любовь придает им великодушные. Они отлично понимают суть кипящих вокруг них страстей и стараются поднять свое чувство над житейскими неурядицами.

Тот, кто видел «Валентина и Валентину» несколько лет назад и вновь посмотрел этот спектакль сегодня, убедится, что старая роль Е. Марковой не только осталась на высоком градусе премьеры, но и обрела мгновения, реплики, целые эпизоды, где выявляются новые отношения актрисы к своей героине.

Выглядит она все такой же юной. Но повзрослели нетерпеливость и пылкость первого чувства. Все так же привлекательна манера быстро бегать, внезапно вставать на носки, встряхивать непокорной челкой, но сильнее стало желание спасти, уберечь эту девочку от нависшей над ней беды, ощутимей контраст живого, трепетного сердца Валентины и мира железных конструкций спектакля, образно воплощенных незбылемых устоявшихся нравственных сцен.

Актриса как бы изнутри высвечивает стыд и страх, фальшь торопливых свиданий. Чужая комната сродни краже. Это отсюда выходит Валя униженной в своих чувствах. Но зато гордой,

красивой, решительной видим мы ее в сцене с Гусевым.

— Я люблю другого человека! — говорит она обещающему счастье моряку. И в это мгновение в ней проявляется сильная и твердая натура, перед которой и впредь неловко отступят и соблазн, и легкомыслие, и пошлость.

А вот Валя покидает мамин дом. Помнится, на первых спектаклях в этой сцене мы сочувствовали заплаканной, истерзанной истерикой девочке. Теперь Валя другая. Остались слезы, осталась отважная решимость покончить с ложью. Но эпизод обогатился прозрением: перед нами уже не обиженный ребенок, а страдающая, любящая женщина, которая не может поступить иначе.

Способность чувствовать время, пульс, отзвук времени в мыслях и сердцах людей — пожалуй, самая характерная человеческая черта Екатерины Марковой. Любый актер, одаренный фантазией, воссоздаст до мельчайших подробностей чужую судьбу, представит человека любой эпохи, возрастной или социальной группы, темперамента. Но если его сценическая или экранная жизнь не одухотворена чувством времени, не согрета личным отношением к характеру персонажа, роль останется лишь иллюстрацией, не достигнет уровня художественного образа.

Люба в спектакле «Фантазии Фарятьева» — сверстница Валентины, но совсем иной человек. Здесь встреча любому не выплещиваются эмоции, трепет и тревоги юного сердца. Новая героиня актрисы — девушка, умеющая скрыть свое затаенное чувство даже от самых близких людей — от сестры, от матери. Разгадка колючего и непокорного характера Любы открывается лишь в самом финале спектакля, и тем дорожке становятся зрителю максимализм и цельность первой любви, характер девушки, способность уберечь свою любовь от назойливого вмешательства кого бы то ни было.

Вольно или невольно так случилось, но основной темой творчества Екатерины Марковой на сцене «Современника» стало утверждение чистоты и нравственной ценности зарождающейся любви. Актриса сумела раскрыть многогранность этого прекрасного чувства, пронести через разные роли бережное отношение к нему, показать, что счастливая или неудачная женская судьба начинается на этом пороге. Она отстаивает в своих героинях право на любовь гордую, не запятанную подозрением и фальшью, относится к ней как к огромному богатству человеческой души, всегда в эту пору ранимой и впечатлительной.

И зрители, знакомясь с очередной героиней Кати Марковой, задумываются о себе, о своем прошлом или будущем. Играя в спектакле, актриса либо принимает нравственные позиции героини, либо отвергает их. Своим поведением на сцене она, таким образом, проецирует высокие моральные принципы. Негативные характеры прозвучат предупреждением, предостережением. Светлые идеалы запалют в душу.

Олег ТАБАКОВ.

Не так часто встречаются артисты, которые наряду с дарованием обладают и чувством локтя в повседневной работе, завидным умением чувствовать себя членом своего коллектива. В Кате Марковой эти качества проявляются независимо от того, главную ли роль она играет, многословную ли, или не очень, — скажем, Валентину, или Саню в «Эшелоне» М. Рождина, или молоденькую учительницу Нонну Юрьевну в спектакле «Не стреляйте в белых лебедей», поставленном по повести Б. Васильева.

Нонна Юрьевна — это одна из тех маленьких ролей, которой актриса сумела рассказать о целой судьбе.

Вот минутный эпизод из спектакля. Впервые в гостях у сельской учительницы Нонны Юрьевны новый лесничий Чувазов. Энергичный, добрый человек очень нравится Нонне Юрьевне, и, может быть, поэтому разговор их, такой долгожданный, никак не клеится. С губ учительницы срываются вполне казенные слова из школьной морали, а глаза да и вся натянутая фигурка говорят совсем о другом. И происходит неожиданное: очень правильные, очень поучительные слова Нонны Юрьевны вдруг становятся бесконечно ненужными и сами собой обрываются. Нонна Юрьевна проглатывает внезапное многоточие, спохватывается, снова начинает говорить что-то умное, и снова осечка. Смутившись, она окончательно замолкает и растерянно смотрит на Чувазова. Мы, кажется, слышим при этом сломанный ритм ее сердечка, читаем бешено проносящиеся в ее голове мысли: «Что это со мной? Почему это он так смотрит? Что это я ему такое наговорила? Неужели он сейчас встанет и уйдет? А вдруг никогда не придет больше?»

Олег ТАБАКОВ.

Работа актера в театре — это мужественная, тяжелая работа, вполне солдатский повседневный труд без выходных и праздников, без регламентированного рабочего дня. Катя всегда придёт на спектакль, на репетицию в добром расположении духа. Доброжелательность — черта ее характера, которая позволяет ей думать не о себе, а о партнере, о его самочувствии, настроении, о том, что им сейчас предстоит работать вместе.

...Съемки фильма «А зори здесь тихие...» проходили в тех же краях, где имели место события, описанные в повести Бориса Васильева.

— Так случилось, — вспоминает Катя, — что старшее поколение нашей съемочной группы подобралось из фронтовиков. Не только С. Росточки и В. Шумский, а также часто приезжавший на съемки Борис Васильев, но и многие другие создатели фильма прошли через войну. А мы, актрисы, игравшие погибших девочек, войны не знали совсем. И вот произошло удивительное постижение войны. К каждому нашему шагу на съемочной площадке старшие товарищи как бы вели нас через свои личные судьбы. Не было специально организованных бесед, но были возникавшие к случаю рассказы о пережитом, были их глаза, их боль. Мы жили в тех самых домах, которые зрители видели в фильме, моли под тем дождем, а главное, были в какой-то изоляции от привычного для нас комфорта, городского суесть, пустых хлопот. Среди лесов и болот глубже становилась высокая печаль, связанная с трагической гибелью пятерых девочек.

Однажды в музее Неаполя Е. Маркова увидела фрески, запечатлевшие жизнелюбивый дух Помпеи. Там сердце сжималось от мысли, что смерть людей была такой нелепой, несправедливой. А девочки-солдаты? Они ушли из жизни не жертвами чудовищного стихийного бедствия. Они сознательно, бойцами шли на смерть, повинувшись солдатскому долгу. И их судьбы стали для актрисы школой нравственности, духовного мужества. Так родилось особое отношение к Галке Четвертак, ребенку в военной форме. У Риты, у Жени, у Сони, даже у Лизы за фронтовой полосой было или счастье, или его преддверие, надежды. А у Галки только детские фантазии. Ее гибель — жестокая несправедливость войны.

Говорят, художник счастлив, когда ему удается участвовать в создании произведений искусства, помогающих сберечь лицо поколения. Чувство это особенно дорого своей перспективой: оно помогает приблизить далекое, как в стихах, «чтоб опять к далекому идти». Разумеется, Екатерине Марковой очень повезло — не каждому актеру выпадает сняться в такой значительной картине, какою стала лента «А зори здесь тихие...». Но даже если подобно больше не суждено повториться, образ Галки Четвертак, работа над этой ролью вместе с участниками войны надолго останутся для молодой актрисы мерилом творческой самоотдачи.

Олег ТАБАКОВ.

В Кате Марковой меня всегда радует постоянная жажда новых знаний, обретения неизведанного и стремление привнести все это на сцену...

Екатерина Маркова — аспирантка Литературного института имени Горького. Тема ее будущей диссертации: «Новое в образе героя современной драматургии 60—70-х годов». Прочитаны пьесы, классические и современные, полузабытые и совсем новые. Сложились свои оценки изученной литературы, но впереди еще бессонные ночи раздумий, доделок и переделок, потому что очень хочется высказать свое мнение о преемственности лучших традиций русской классики в современной драматургии, сравнить ушедшие поколения с героями сегодняшних дней. Размышляя, споря, волнуясь над чистой страницей, перебирая в памяти десятки просмотренных спектаклей, Катя неумолима так же, как и на репетициях, на спектаклях.

— Что вам хотелось бы пожелать Екатерине Марковой? — спрашиваю Олега Табакова.

Олег ТАБАКОВ.

Ролей, которые дали бы возможность раскрыть новые грани ее дарования. Мне кажется, это должны быть характерные роли. Думаю, это и ей будет интересно, и театру, и зрителю.

В одной из своих журнальных статей Екатерина Маркова так оценила подвижническую деятельность известного польского режиссера: «Невозможно, преступно прожить по инерции хотя бы неделю».

Думается, это не только о Богдане Хусаковском. Это прежде всего личный девиз.

«МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ»

Фотоконкурс «Смены», посвященный
60-летию Ленинского комсомола

МОНТАЖНИКИ. Фото Николая КЛАДИТИ (Жданов).

ГЛЯЦИОЛОГ. Фото Виктора ЗАГУМЕННОВА (Москва).

МОТОКРОСС. Фото Всеволода ССОРИНА (Ярославль).

В МАСТЕРСКОЙ СКУЛЬПТОРА. Фото Виктора МАНУЩЕНКО (Киев).

ВИХРЬ. Фото Олега МАНУХИНА (Мурманск).

Порок прижизненный!

Братья ВАЙНЕРЫ

ПОВЕСТЬ

30. Рита Ушакова

Лицо у Тихонова стало утомленным, присохшим и сразу очень постарело. Утренние веселые морщинки у глаз сейчас закаменели грубыми рубцами. И набухли на скулах тяжелые желваки.

Он сел на подножку машины, пошарил по карманам, устало спросил:

— У кого-нибудь есть закурить?

Я протянула ему «Яву», он глубоко затянулся и забыл мне даже кивнуть—он был с теми, кто должен через несколько минут сесть «на брюхе», он, кажется, ничего сейчас не слышал, кроме хриповатого голоса из динамика радиации:

— ...Передаю посадку всех рейсовых маршрутов на резервные аэродромы... Наведение в аэропорты Домодедово, Внуково, Быково—с Центральной диспетчерской. Всем транспортным средствам покинуть поле...

Откуда же взять сил, чтобы пережить со всеми людьми те беды, что низвергаются на них за сутки? Разве бывает такая профессия? Такое занятие? Такая работа? Такое дежурство? Или это просто характер? Характер Стаса?

Я смотрела на его удрученное худое лицо, и мне казалось—может быть, я ошибаюсь, может быть, мне только почудилось в тот звенящий испугом и напряженный миг: Тихонову было бы легче, окажись он сейчас на борту приземляющейся обезноженной «Каравеллы»...

Наверное, в этом и есть вся разница между нами—когда я до смерти перепугалась, от глупости своей и эгоизма, то самая большая мечта у меня была вырваться из этой грохочущей алюминиевой коробки...

Я прошла мимо человека, с которым могла бы быть счастлива сто лет.

Нет, не прошла. Ушла. Значит, не смогла бы.

— ...Повторяю, всем транспортным средствам покинуть поле... Санитарные машины—на разворотные полосы... Пожарные экипажи—к трехсотметровой отметке... Повторяю, моторы не глушить... Аварийный самолет прошел последний поворот посадочного конверта... Вышел на прямое снижение... Внимание!.. Внимание!.. До приземления двадцать секунд... шестнадцать... всем занять места по аварийному расписанию...

Тихонов встал, бросил окуроч, коротко приказал: — Все в машину! Задирака, давай...

— ...Милиция слушает!..

— Дайте адрес Петровки тридцать восемь!

Телефонный разговор.

31. Следователь Скуратов

Наш автобус медленно покати́лся по полосе, и в тот же миг над кромкой леса, там, где обрывался желтый пунктир посадочных огней, возник стремительно планирующий над полем силуэт самолета. В огромной, ватной тишине, обрушившейся на аэропорт, как комета, как обморок, как ужас бессилия, отчетливо разносился утробный, урчащий рокот его турбин, выведенных на самую малую тягу.

— ...До приземления—тринадцать... десять... гундосила радиация.

Мерно подрагивали на концах крыльев красный и зеленый фонари, которые сейчас за секунды до столкновения с землей вдруг потеряли обычный смысл опознавательных сигналов, а превратились в знак безумия, символ сумасшедшей надежды, когда они одновременно кричат: можно! нельзя! возможно! исключено! выживем! взорвемся! Красный и зеленый. Запрет и разрешение. Жизнь и гибель...

Я не заметил, как Задирака уже разогнал машину до ста, мы мчались параллельно посадочной полосе, но мерный рев турбин «Каравеллы» уже настиг нас, опередил, грохотал где-то на середине поля, подчиняясь только команде времени, отсчет которого доносила радиация:

— Восемь секунд до посадки... шесть... три...

Гул моторов исчез—пилот повернул ключ зажигания на «ноль».

И все мы услышали тяжелый утробный удар—бум-ммм! Миг паузы. Бумм-бумм!

Самолет запрыгал по бетону «брюхом», и ночную комету рассек неслыханной силы металлический визг—вжжж-жжж-жжжж-жжж-жжж! вжж-жжж-жжжжжжжж! Гигантский нож самолета затачивался на оселке бетонного поля—и путь его в ночи был освещен синими длинными языками пламени и фонтанами кипящей пены...

Не помню, сколько еще продлилась наша сумасшедшая гонка за самолетом, который должен был в какой-то момент обязательно взорваться.

Но он не взорвался.

Когда мы подтащали вплотную, искореженный,

опаленный, жалкий, он лежал неподвижно, повалившись на одно крыло. И яростно светил над нашими головами его зеленый фонарь. Зеленый.

— ...Алло, 107-е, случай не подтвердился?

— Нет.

— Ясно, спасибо...

Разговор по телефону.

32. Рита Ушакова

В тесном пенальчике комнаты дежурного судмедэксперта я забралась с ногами на узенькую кушетку, а Стас присел рядом—за письменный стол, на котором закипал электрический чайник.

Я смотрела на него, и мне невыносимо хотелось плакать. Никогда еще не чувствовала себя в жизни такой обездоленной—вот здесь, на этой холодной дерматиновой казенной кушетке, я с необычайной остротой вдруг поняла, что только он необходим мне для счастья.

Я стала, наверное, старой, потому что не было во мне ни капли ревности, ни интереса к тому, с кем и как он прожил эти годы, мне все это было безразлично: важно было, что он есть, что все годы, которые прошли врозь,—просто миг, ничтожная размолвка вчера вечером, а сегодня мы снова радостно встретились, провели вместе изнурительные сутки, и эти сутки для меня стали каменным мостом между прошлым и будущим, и это будущее без него не могло быть.

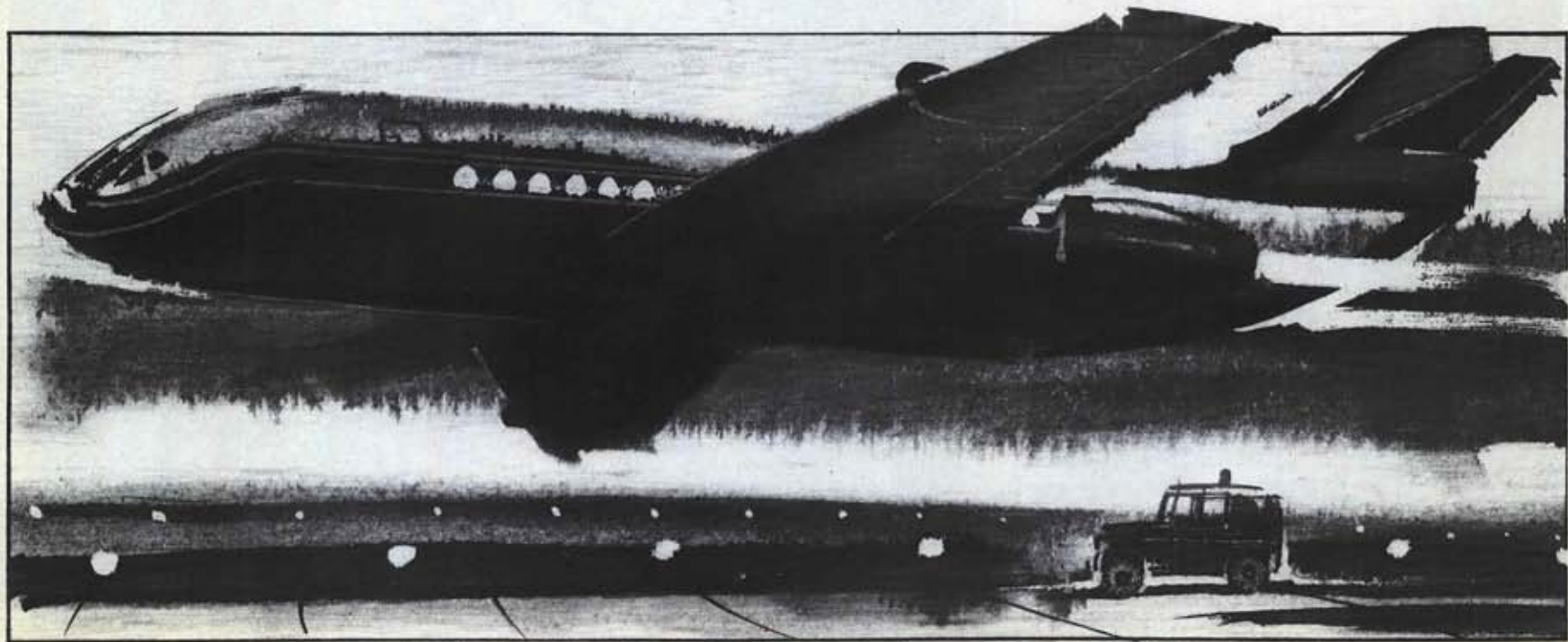
Ощущение было особенно сильным оттого, что я бы ни за что не смогла сказать ему этого—и дело тут не в гордости или нежелании сделать первый шаг! Ведь с его точки зрения легче всего объяснить такой порыв тоской одинокой тридцатилетней женщины, с ребенком, неустroенной, когда-то любимой и желающей подштопать прохудившуюся ткань жизни лоскутами старой любви. Всякой зрелой женщине хочется иметь рядом, а точнее, впереди себя сильного, надежного мужчину.

Но мне не нужна была его сила—я дожила до сладкого ощущения способности раздавать долги. Господи, да мне ничего почти не нужно от тебя—я сама хочу дать тебе все! Ах, это никому не объяснишь, это можно почувствовать только сердцем—как радостно в любви давать, а не собирать...

Я смотрела на его серое, осунувшееся за день лицо, тяжелые скулы, резкий нос, суховатый крепкий подбородок, свесившиеся на лоб мягкие волосы, и мое сердце горевало о нем болью не подруги, а матери. Я не знаю и знать не хочу, с кем он живет. Но ту женщину, которая сейчас с ним, он не любит. Это я знала наверняка. Я не могла объяснить, откуда во мне эта уверенность, но не сомневалась ни на мгновение.

Может быть, я все придумала, но мне почему-то казалось, что его одержимость в работе возникла потому, что он не выносит из этого здания в свою личную жизнь ни одной крупинцы души. Его личная жизнь вне этого громадного дома ненастоящая, бутафорская, она только какими-то внешними чертами напоминает обычную жизнь. Она представлялась мне вроде дизайнерского интерьера в мебельных магазинах—выгородка из двух фанерных стен с фальшивым окном, занавесками, на стене эстамп, расставлена мебель, декорация жилья, но никто в этом жилье не живет, там не любят и не скандалят, не делят вместе мечты и горе. А только стоят

Окончание. Начало в №№ 1—4, 6—8.

равнодушные покупатели. И смотрят. И спрашивают цену...

Ах, какая огромная, непосильная цена! Я готова отдать всю жизнь, только бы выплатить эту цену...

Стас, не молчи, скажи что-нибудь, улыбнись, ты ведь так прекрасно улыбаешься, растопи лед молчания и отчуждения. Надо мной сейчас километровой толща льда, как над материком пятнадцать тысяч лет назад. Я вмерзла в лед, застыла в нем навсегда, как беспечная мушка в капле янтаря...

Он молчал, думая о чем-то своем. Я знаю, таланту не трудно работать, таланту трудно жить...

— Стас, а Стас! — позвала я его.

— Да? — повернулся он ко мне, и лицо у него было светлое, мягкое, как тогда, когда еще не пала на меня километровая толща льда.

— Ты подшучивал надо мной, говорил, что я зубрила.

Он кивнул.

— А я запомнила с восьмого, не то девятого класса: «Все перемены, в натуре случающиеся, такого суть состояния, что сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому, так ежели где убудет несколько материи, то умножится в другом месте»...

Стас поднялся, дошел до двери, вернулся. Он так смотрел на меня! И хотел что-то сказать, я видела, как дрогнули у него губы, но голосом Севергина хрипло крикнул над головой динамик:

— Опергруппа! — на выезд! Люсиновская, 16, квартира 79; седьмой этаж, пьяный с ружьем заперся, грозит жене убить...

На выезд. На выезд. На выезд. В гон, в брань, в боль. Чтобы умножить своей живой материей в другом месте, чтобы отнять у своего сердца и присовокупить к другому. А потом в бутафорский жилой интерьер...

«Собачий питомник ГУВД.

Меню — рацион на «13» ноября 197... года.

Крупы... 600 граммов.

Мяса... 400 граммов.

Картофеля... 2 килограмма.

Калькулятор Сидоров».

33. Следователь Скуратов

И снова утро, серенькое, вымоченное в осеннем дожде, выцветшее от ночной стужи и сырости. Но все-таки утро.

Зло рывкнул сиреной на повороте Задирака и помчался по Бульварному кольцу, к Пушкинской. Все утомлены: мы уже сутки на ногах, позади двадцать два часа дежурства.

Люди, связанные по работе с длительными нервными и физическими перегрузками, знают, что обычно в это время человек входит в кризисную фазу — физическое утомление гасит нервное возбуждение, снижается реакция, и риск совершить неоправимую ошибку резко возрастает.

Поэтому мы особенно не любим утренние — финишные часы суточного дежурства. И я видел, как Севергину не хочется отправлять нас туда, где уже прогремели выстрелы. Но до конца смены еще 130 минут, а мы, как говорит Тихонов, чернорабочие беды.

Гони, Задирака, быстрее, сегодня мое последнее дежурство. В десять часов все пойдут по домам, а мне надо вернуться к себе в кабинет, приготовить дела и документы для передачи. Последний день...

Оживает город. Плынут неспешные стеклянные суиндуки троллейбусов, снуют торопливые легковушки, куда-то спозаранку отправился — догнал нас и исчез — длинный лимузин с пронзительно-зеленым флажком, не то пакистанским, не то турецким...

С тротуара соскочил, поднял руки, преградил нам путь высокий парень в телогрейке. С визгом, на юзе, затормозил Задирака, высунулся из окна...

— Але, милиция, тут баба на улице рождает. — Он показывает на сторбившуюся, прислонившуюся к стене дома женщину.

— Что же ты ее в роддом не везешь? — крикнул Задирака.

— Да «Скорая помощь» куда-то провалилась, адрес не поняли, наверное...

— А вы муж? — спросил Тихонов.

— Какой муж? Человек просто! Прохожий...

Тихонов мгновение сомневался, оглянулся на нас, будто искал нашего согласия, просительно сказал Задираке:

— Алик, на Арбате есть роддом. Это ведь почти по пути?

Задирака пожал плечами: вам виднее, вы — начальство...

Мы высочили с Тихоновым из машины, перебежали тротуар, подхватили ее под руки, почти на весу донесли до машины, быстро, бережно посадили, а Задирака уже отпустил сцепление, медленно крутились колеса, и прыгали мы в дверцу на ходу...

Весь перегон занял минуты три — я запомнил только ее побелевшие от боли и страха глаза, невнятный судорожный говор: «К матери поехала... вдруг схватило... на улице прямо... спасибо вам, роденькие...»

Припущее лицо с темными размытыми пятнами, спутанные волосы из-под платка, дрожащие руки с посиневшими ногтями. Она руками бережно обхватывала свой огромный живот, будто боялась уронить его, и видно было, что она сейчас не чувствует ничего во всем мире, кроме биения маленькой, нарождающейся внутри нее жизни. Она сама себе была безразлична, как безразлична собственная судьба кокону, из которого сейчас должна вылететь в мир бабочка...

Задирака выехал на Калининский проспект, несколько секунд выжидал, пропуская машины, включил сирену и прямо через резервную зону, навстречу движению, рванул наискосок улицы. Тормознул, и Тихонов не допускающим возражений тоном скомандовал:

— Рита, останешься с женщиной...

«Уазик» уже тронулся, а Тихонов высунулся в окно и крикнул Ушаковой:

— Мы за тобой на обратном пути прие-е-де-ем...

«... Милиция слушает!..»

— Мне врач в поликлинике бюллетень не дает. А я...

— С этим вопросом вы немножечко не к нам обратились...

Разговор в часы «пик».

34. Stanislaw Тихонов

— Окна куда выходят? — спросил я у участкового. Он показал высоко вверх, на возносящуюся под самое небо стену многоэтажного дома.

— Вот эти три...

— Черный ход?

— Нету.

— Кто сообщил в милицию?

— Сосед: слышимость через стенки-то отличная, а этот прохвост спозаранок воюет с женой, на водку тянет...

— Характеризуется плохо?

— Да уж не подарок — привлекали мы его дважды. Зашибает крепко... Эх, ведь хотели недавно посадить его — за хулиганство, так жена сама же умолила: ребенка не сиротите, нас, мол, хотя бы пожалейте. Вот он сейчас их там и жалеет!

— Ребенок в квартире? — спросил Скуратов.

— А где же ему быть? Конечно. Вот на папкины подвиги любитесь. Шесть лет парнишке...

Мы вошли в подъезд, вызвали лифт. Халецкий подошел ко мне поближе:

— Нуте-с, что будем делать?

— Не знаю, что-нибудь сейчас придумаем, — неуверенно сказал я.

— Там ребенок, — напомнил мне Халецкий.

— Да, там ребенок...

Ухал, гудел в шахте лифт, глухо грохнул замок на шестом этаже. Здесь стояло несколько полуодетых жильцов. Выше их не пускал постовой милиционер.

— Ну-ка, граждане, всем немедленно уйти отсюда! — скомандовал я и приказал милиционеру: — Мгновенно очистите лестничный марш...

Сержант стал выдавливать с лестницы зевак, а Скуратов спросил участкового:

— Из чего стреляет?

— Охотничье, по-моему, шестнадцатый калибр. Он уже дважды врезал в дверь медвежьим жакетом...

Жестом я велел всем оставаться на месте, и мы с участковым бесшумно поднялись еще на один этаж, стали под прикрытием стены по обе стороны двери. Было слышно, как в квартире течет из крана вода, чей-то голос матерился и звучал женский негромкий плач.

Я постучал рукояткой пистолета в пробитую пулями филленку, а участковый закричал:

— Эй, Матюхин! Перестань с ума сходить! Открой дверь, брось ружье!..

— Я те открою, потрох сучий! Я те брошу! — раздался хриплый рык из квартиры, и одновременно грохнул резкий гром выстрела, пронзительно полоснул женский крик и вылетел из двери кусок дерева — пуля ударила в противоположную стену.

Я махнул участковому рукой, и мы снова спустились на полэтаж, где нас ждали остальные.

— Мне кажется, его взять пора. Он, черт, опасный, — сказал я.

Юра Одинцов продолжил:

— Если дверь высадить, можно Юнгара пустить...

— Пока мы ее высадим, этот прекрасный Матюхин успеет двух из нас положить, — сказал с усмешкой Скуратов. — А я еще так хотел поучиться в адьюнктуре...

— Будет тебе кривляться, — сказал я ему вяло. Он был бледен, все лицо у него подсыхло — нет, я не думаю, что он трусил, чего-чего, а этого никто за ним никогда не замечал. Просто нервишки играют. А может быть, ему теперь есть чего терять. Больше, чем нам. Не знаю. Мы с ним разошлись.

Я спросил участкового:

— Балкон лестничной клетки рядом с балконом Матюхина?

— Рядом, да не совсем — на пол-этажа выше.

— Это ничего, — я посмотрел вниз, — расстояние между балконами метра три.

ЗАЩИТА ЦЕПЬ ВРЕМЕНИ

Начало на 22-й стр.

поучительство и в ученичество, хоть твердо знаю, что учиться нужно каждодневно, как это и делает живой человек. Живой человек учится от себя, ибо каждый человек — и множество, и часть, и целое, и личность, и народ.

В диккенсовском «Пиквикском клубе» все весьма добродушно (но и свысока) подшучивают над Сэмом Уэллером: этот ловкач — у которого ума побольше, чем у его хозяина, милейшего мистера Пиквика, и у его друзей, — не умеет говорить по-английски, он лишь изъясняется на своем родном языке, и это смешно. Гончаров в «Фрегате «Паллада»» любит речь неграмотного матроса Фаддеева. Этот барин и этот мужик друг друга отличнейше понимают, что вскоре блистательно докажут в Севастополе другие Гончаровы и другие Фаддеевы...

В Англии, Франции, Германии, Италии, словом, в Западной Европе, уже давно родному языку учатся в школах, а кто не научится, тот остается со своей местной бедной речью, способом изъяснения с соседом, не больше. Колесо, рычаг и все подобное, что сейчас ходом истории сделано капитальнейшим в жизни, могло быть изобретенным одиночками. Но Слово-Глагол, через которое эти вещи стали быть и стали принадлежать нам, сотворил весь народ. У нас речь есть творчество всенародное, посему безымянное. Наша речь — это мы все.

И сейчас, когда по спешной необходимости в школьном обучении русская речь схематизированно обедняется, за речью настоящей нужно все же обращаться к народу.

В Западной Европе языком литературы и всяческого просвещения был до не так уж недавнего прошлого латинский язык; можно проследить, как не только под формальным, но и под духовным его влиянием слагались нынешние европейские языки, которым нужно обучаться в школах. А Блок, говоря в специфических для него образах о цивилизации и культуре, разделяя и противопоставляя эти понятия, относит понятие цивилизации к сотне тысяч людей, осуждаемых Блоком на «свержение», и почитая носительницей культуры «массу», стоял, да простит его горькая тень, на столбе, с которого ему виделся Запад да кучка петербургских словоупотребителей. Блок писал: «Перед усмешкой мужика... умрет мгновенно всякий наш смех; нам станет страшно и не по себе». А все же и сам Блок и А. Белый были русские, пугавшие себя надуманной своей «оторванностью», ибо писали действительно по-русски, жили в народном языке, пользуясь его роскошной просторностью. Потому что русский язык был и есть еще — и множество, и часть его, и личность, и весь народ, и вся его культура, все наше наследство — достояние. Так, стало быть, язык — это не только словарь, но и сущность? Не способ общения, но нация, то есть национальная культура, такая же органическая, как род, племя?

Да, так. Сидя в Италии, Гоголь писал свое, русское. Тургенев, невесело завершая свою жизнь вдали от России, просил беречь русский язык, Слово-Глагол, родину. И нам нельзя никуда отходить от нашего Слова. Слово-Глагол в усилие, в связь; его словесное поле — народ, национальная культура. Это «Аполлон» Пушкина, чьим приказам повинуются поэты.

Есть обширнейшая и распространеннейшая литература, цель которой — развлечение, отвлечение читателя. Не так давно закончился сентиментальный роман. Многотомные произведения начала прошлого века завершаются в начале этого века произведениями хотя бы Вербицкой, которые по спросу на них были в наших дореволюционных библиотеках чемпионами вторых и третьих мест. Сейчас и не первый десяток лет чемпионами стали детектив, приключения, фантастика. По уровню художественности сюда же можно отнести и литературу, обслуживающую «моменты» и «вопросы», в которой герои нужны как аксесуары-спутники. Я далеко от признака недоброжелательства к подобным произведениям. Дело совсем в другом: все такие вещи интернациональны, вернее, космополитичны в точном и необходимом смысле слова. В них человек с его внутренним миром усереднен. Поэтому судьбы героев, каковы бы они ни были, включая раздирающие трагедии, развлекают читателя как постороннего зрителя на стадионе: кровь, которая льется, чужая в том смысле, что истекающие ею герои суть «условные человеки». Поэтому даваемые авторами нацио-

нальные признаки и географический колорит тоже условны, и значительную часть таких произведений можно после недолгой обработки передвинуть с юга на север, с запада на восток. Собственно усереднен и язык, что естественно, так как искусственность исключает искусство. Все это не мешает нам, читателям, быть даже благодарными потребителями таких произведений, не все из которых будут забыты: ширпотреб не обязательно признак пресловутого «потребительского» общества. Уайльдковский продавец красного пера прав в чистоте своей юношеской непримиримости, но мало кто способен глотать острые вещи иначе, как в приправу.

Так ли, иначе ли, но упомянутое в предыдущем абзаце широкое поприще для умов и дарований соприкасается с доподлинно человеческой и человеческой литературой лишь по причине общности нашего мира людей, мира переходов и оттенков.

Я вспомнил об усередненной литературе, об усередненном языке только для того, чтобы отметить одно, по-моему, немаловажное, характерное обстоятельство: эта область не влекла к себе русские таланты, ни большие, ни малые. Мне кажется, что здесь проявляется наша «самость» — ощущение того, что сильным в искусстве можно быть только на собственном поле. Сбивавшие в чужое либо гасли в словесном бесплодии, либо вырывались на волю. А воля для русского писателя — это схватить поглубже, пошире, повыше.

1969 год

ПОЛНОМОЧНЫЙ ПОСОЛ РОССИИ

...Рукописи, книги... Много, слишком много врагов у папируса, пергамента, бумаги. Сырость, плесень, черви, мыши и крысы, небрежение владельцев, войны, наводнения, пожары, невежество темных и злоба просвещенных, шалость ребенка и даже солнечный свет легко губят тленное письмо. А до письма традиция шла изустно, способом, казалось бы, еще более неверным и хрупким.

И все же, когда смотришь в прошлое, то ряды выдающихся людей, память о которых сохранена изустным и письменным преданием, кажутся сильными, сомкнутыми, надежными.

Заслужившее внимания современников заучивается и заучивается с голоса, переписывается и поднимается по живой лестнице поколений как бы само собой, без приказа и понуждения.

Искусство защищается собственной силой прекрасного.

Россия, только в России — все время звучало у Шалаяпина, все время им упоминалось.

«Моя мечта неразрывно связана с Россией. Моему сердцу, любящему Римского-Корсакова, роднее свирель на опушке леса», — говорил Шалаяпин и тут же добавил: «Надо только помнить, что законное право симпатии к одному типу красоты и величия не исключает преклонения перед другими».

Для него иначе и быть не могло по русской широте души. Он вдохнул жизнь в не понятую до него итальянскими исполнителями оперу «Мефистофель» итальянского же композитора Бойто. Затем он заставил буквально весь многоязычный и разноплеменный мир понять и принять таких коренных русских творцов Прекрасного, как Мусоргский, Римский-Корсаков, Рахманинов. И нигде и никто не обижался. Не обижались и тогда, когда он пел по-русски: понимали.

Он искал высокого над собой, он хотел выразить больше, чем возможно человеческой силе. Поэтому его всегда преследовало сомнение, и жалело, и толкало: выше иди, еще выше, стремись! Себе он не лгал. Он настаивал открывать свою душу в искусстве. Именно поэтому он прошел в нашем мире, как полномочный посол Руси и России, как такой был принят и остался таким.

Был ли он счастлив? Конечно же, нет! Как все в том обманчиво-плотном строю великих людей прошлого, куда его унес ветер времени, он боролся за недостижимое и оставил дверь открытой.

Он был более чем счастлив — он нес нам веру в высоту бытия, достижимую через красоту, свет которой ложится на наши дороги. Здесь подлинная реальность человеческой жизни, здесь ее сущность, а смерти нет.

Он жив — в таинственной области гения. И в том движении времени, которое ведомо нам по собственной нашей судьбе.

1972 год

ЗАЩИТИ ПРИРОДУ, ЧЕЛОВЕК!

...Национальные парки нам необходимы, как и заповедники, в интересах нации.

Сейчас и правительство и местные власти принимают решения об охране природы, водозащитных зонах, борются с загрязнением внешней среды. Этого мало. Нужны твердые правовые основы для защиты от разрушений, оправданных минутой.

Мне кажется, что пора создать документ национального значения, то есть основной закон. Нам необходима Конституция Прав Природы.

Шаг и время природы иные, чем шаг и время человека. Поэтому статут национального парка должен целиком утверждать, что хозяином парка является только природа, то есть дикое растение и животное. Какое-либо вмешательство человека в дела природы исключается, кроме редчайших случаев бедствий, явно угрожающих нарушить самоустановившуюся естественную жизнь парка.

Сегодня вытеснение вольной природы кажется глобальным, необратимым процессом; не зная возможностей будущих достижений науки, мы все же можем понять, что наши потомки смогут извлечь из сохранных участков природы не только эстетические, но иные важнейшие ценности. Массовый туризм и массовый отдых трудящихся в зонах парков, заповедников не могут быть допущены. Конечно, придется проложить через парк несколько дорог, по которым можно будет допустить медленное, 10—15 километров в час движение машин без права выхода из них посетителей и под наблюдением проводника.

Национальные парки будут воспитывать любовь к Родине. И не только у молодежи. Одно сознание, что у меня, у нас есть заповедное неделимое богатство, поддержит каждого, способного слышать зов не только живота своего.

В последние годы мы стали кое-как думать о сохранении материальных памятников прошлого. Не только в наши дни, но и при дедах и прадедах мы все сносили, перестраивали, заштукатуривали старое, писали по-старому новое, гноили по небрежению архивы. Так было и у других.

Не ощущая — биологически — непрерывную связь поколений, я постигаю ее через национальные эмоции и через разум. Она служит опорой моему личному, ко многому обязывающему достоинству человека — как части нации и ее сегодняшнему воплощению.

Если бы удалось посетить русский город, пусть не такой древний, хотя бы XVI века, но подлинный, не бутафорский: я ведь не собираюсь надеть платье старинного покроя. И мне хотелось бы знать, что там-то и там-то есть кусок нетронутой русской природы с бортами дикого меда, с боровыми гонами — эти обыкновенные уголья входили в опись рядового владения всего десять — двенадцать поколений тому назад. Деды не позаботились о нас. Нам пора подумать о внуках, да и возможностей у нас куда больше, чем у дедов.

По-моему, вопрос о национальных парках и доходах от них не оторвешь от предыдущего. Доход от парка, как от хозрасчетной единицы? Если думать об активном сальдо на балансе, то придется забыть о патриотизме. Конечно, если устроить национальные парки общедоступно, оборудовать их благами пребывания на высшем уровне жизни, то, как златобоккий карась в сеть, в них густо пойдет, кроме своих, и твердвалютный клиент. Вместо национального парка получится комбинация дендрария с зоопарком при отелях, барах, ресторанах...

Что же касается узконаучного значения национальных парков и заповедников, то оно, вероятно, будет от десятилетий к десятилетиям нарастать в геометрической прогрессии.

Где можно создавать национальные парки? Россия обширна, многолика, нераздельна. На севере есть река Вага, приток Северной Двины. Где-то на Украине нужно дать воскреснуть степи. В Западной Сибири — кусок березовой лесостепи с озерами Черное и Щучье в Курганской области, верховья Волги — столько мест, что глаза разбегаются. Время необходимо для людей. Деревья же, травы, животные в этом смысле имеют над ними преимущество. Флоре и фауне нужно дать свободу. Национальным паркам легче всего отвести так называемые неудобные земли, площади которых в Европейской части РСФСР, кстати сказать, увеличилась в нашем столетии на несколько миллионов гектаров. Включать в границы парков и заповедников исторические места нельзя, ибо недопустимо препятствовать массовому посещению памятников истории и культуры. Места исторические должны быть заповедниками в совершенно ином смысле, чем национальные парки.

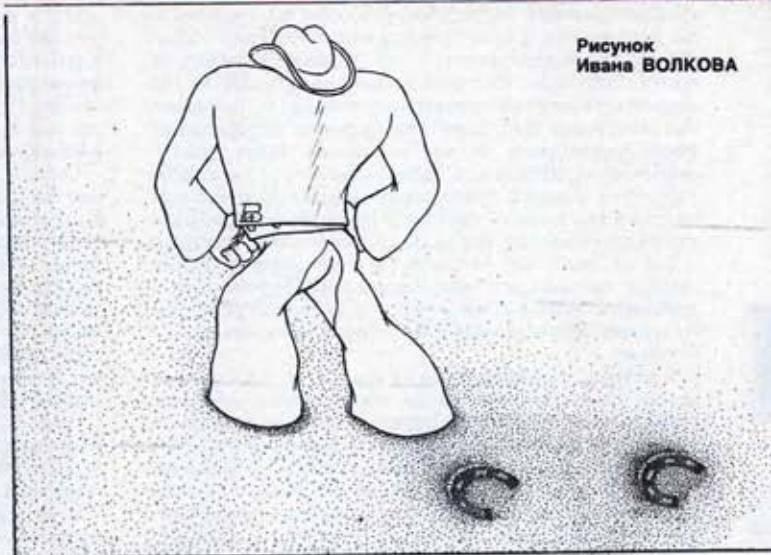
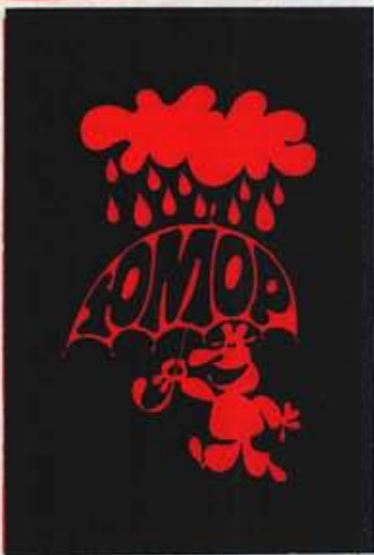
Опыт говорит, что малые по площади заповедники природы выполняют в лучшем случае ограниченные задачи питомников, опытных станций, так как на территориях 20—50 квадратных километров не только фауна, но даже и флора неизбежно угнетается человеком. Каждый национальный парк должен получить не менее 1000 квадратных километров, то есть 100 тысяч гектаров.

Что же касается дохода государства, то его, этот доход, мы обязаны считать не по бухгалтерским балансам.

Каждое поколение получает в наследство материальные ценности — основной капитал государства: почвы, леса, реки, моря, недра. И невеликий экономист поймет: судьба страны зависит от того, сумеют ли поколения прожить доходами с основного капитала, сумеют ли они своим умом приумножить наследство, либо же займутся проеданием его с неизбежной перспективой разорения.

Таков большой счет, исторический, государственный, не балансовый. В нем рубль превращается в частный, весьма условный показатель, и оперировать только рублем здесь явно нельзя. В этом большом счете активность нации, ее направление — «гений». Слагаемыми гения служат также и патриотизм, также и чувство национального достоинства. Словом, благородные побуждения есть национальная ценность. Коль так, то любое дело, усиливающее гений нации, окупится с десятирицей, окупится материально в конечном счете.

1969 год

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

ЮБИЛЕЙНАЯ 20 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

ВОСЬМОЙ ТУР

1

Белые начинают и делают ничью. (4 балла).

II

Ход белых. Могут ли они при лучших действиях черных добиться победы? (4 балла).

III

Кто из советских гроссмейстеров становился победителем первых двух межзональных турниров на мировое первенство? (1 балл).

IV

Назовите первых призеров и места проведения турниров гроссмейстеров-претендентов 1959 и 1962 годов. (1 балл).

Жюри напоминает, что решения позиций разных туров смешивать в одном письме нельзя—это внесет нежелательную путаницу. Ответы на восьмой тур нужно отправлять в редакцию на почтовых карточках (без конвертов) с 21 мая по 10 июня 1978 года (по почтовому штемпелю).

«СЕРЕБРО» У СЕРГЕЯ ДОЛМАТОВА

К финишу юношеского чемпионата Европы в Гронингене (Голландия) с одинаковым показателем 9 очков из 13 возможных пришли трое молодых талантливых мастеров. По числу побед титул чемпиона континента и золотая медаль присуждены англичанину Шону Толбуту. «Серебро» досталось представителю СССР студенту МГУ Сергею Долматову, а «бронза» — болгарину Христо Георгиеву.

Перед вами позиция, создававшаяся после 20-го хода черных в партии между С. Долматовым и Джоном Боттсом из Уэльса. Советский шахматист, игравший белыми, серией активных маневров легких фигур быстро развернул опасную атаку. Затем он подкрепил ее энергичной жертвой качества.

21. Cf3—h5! g7—g6 22.

Ke3—g4! Ke5:g4 23. Ch5:g4 Cc6—d7 24. Kd4—e6! f6—f5 25. Ke6:d8 f5:g4 26. Le1:e7! Le8:e7 27. Фd1:d5+ Cd7—e6 28. Kd8:e6 Фc8:e6 29. Фd5:e6+.

Конечно, черный слон неуязвим ввиду встречной угрозы мата по первой горизонтали. Но, отражая натиск партнера, черные потеряли пешку, и в получившемся ладейно-слонном окончании С. Долматов технически четко реализует свое преимущество.

29. ...Le7:e6 30. Kpg1—f1 Kpg8—f7 31. La1—d1 h7—h6 32. Ld1—d5 Cc5—b6 33. c3—c4 Kpf7—f6 34. b2—b3 Le6—e4 35. a2—a4 Le4—e6 36. a4—a5! Cb6—a7 37. b3—b4 Le6—e4 38. b4—b5!, и черные сложили «оружие».

ПРИЗ АННЫ АХШАРУМОВОЙ

В последнем первенстве страны студентка института физкультуры экс-чемпионка СССР Анна Ахшарумова не только заняла высокое четвертое место, но и завоевала почетный приз «За самую красивую комбинацию». Эта комбинация была осуществлена во встрече 21-летней москвички (у нее были белые) с эстонской шахматисткой Лейлой Пярнпуу. На диаграмме вы видите положение фигур после 23-го хода черных.

Динамичным прорывом на левом фланге белые образуют мощную, далеко продвинутую проходную пешку на поле «с6».

24. c4—c5! a5:b4 25. c5—c6 Kd7—c5 26. Cf1—c4 Kc5:a4 27. Фd2:b4 Ka4:b2 28. Фb4:b2 Фe7—c7.

А теперь действия Анны переключаются на другой фланг, где она и создает решающие угрозы королю соперницы.

29. f2—f4! Lf8—e8 30. f4:e5 Le8:e5 31. Le1:e5 d6:e5 32. Le1—e1 Lc8—e8 33. Фb2—f2 Kph7—g7 34. Le1—f1 Kf6—e4.

Изящная идея была у белых в варианте 34. ... Фd6 35. Ф:f6+! Ф:f6 36. Л:f6 Kp:f6 37. d6!, и черные не в состоянии были бы справиться с пешечным дуэтом противницы. Сейчас же следуют элегантные жертвы сначала пешки, а потом слона.

35. d5—d6! Ke4:d6 36. Фf2—f6+ Kpg7—f8 37. Cc4:f7! Фc7—e7.

Взятие белого слона повело бы к утрате ферзя после 37. ... K:f7 38. Фh8+ Кре7 39. Л:f7+ Кр:f7 40. Фh7+, но сделанный черными ход еще хуже.

38. Фf6—h8x.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 20/III 1978 г. А 01391. Подписано к печати 3/IV 1978 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 1022. Заказ № 1991. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

СЕРГЕЕВО.

песня о солдате

Слова Маргариты АГАШИНОЙ.
Музыка Владимира МИГУЛИ.

Пролетели года, отгребели бои,
Отболели тяжелые раны твои.
Но, далекому мужеству верность храня,
Ты стоишь и молчишь у святого огня.

Припев:

Ты же выжил, солдат! Хоть сто раз умирал,
Хоть друзей хоронил и хоть насмерть стоял.
Почему же ты замер — на сердце ладонь,
И в глазах, как в ручьях, отразился огонь?

Говорят, что не плачет солдат, — он солдат,
И что старые раны к ненастью болят.
Но вчера было солнце! И солнце с утра...
Что ж ты плачешь, солдат, у святого костра?

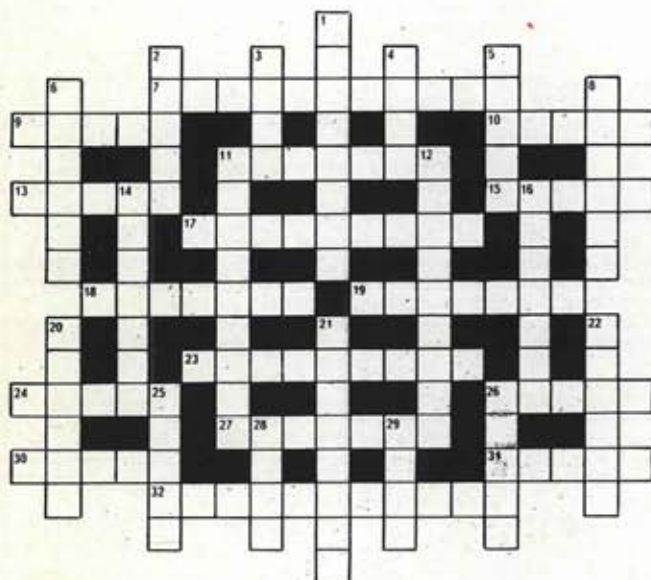
Припев.

Посмотри же, солдат, это юность твоя:
У солдатской могилы стоят сыновья!
Так о чем же ты думаешь, старый солдат?
Или сердце горит? Или раны болят?

Припев.

КРОССВОРД

Составил В. ЧУБУКОВ
Москва

По горизонтали:

7. Ораторский талант. 9. Город в районе строительства БАМа. 10. Герой рассказа М. Горького «Старуха Изергиль». 11. Советский космонавт. 13. Стихотворение Я. Смелякова. 15. Город в Таджикистане, давший имя гидроэлектростанции. 17. Высокая степень воодушевления, порыв. 18. Стихотворение В. Маяковского. 19. Один из героев романа М. Шолохова «Поднятая целина». 23. Темп в музыке. 24. Пьеса А. Корнейчука. 26. Река в Якутии. 27. Карельский и финский музыкальный инструмент. 30. Металл, применяемый в ядерной энергетике. 31. Венгерский пост-революционер XIX века. 32. Способ изображения на карте рельефа земной поверхности.

По вертикали:

1. Стилистический оборот, словосочетание. 2. Вид ювелирной техники. 3. Приток Ветлуги. 4. Транспортное предприятие, обслуживающее подвижной состав. 5. Писатель, Герой Социалистического Труда. 6. Персонаж оперы А. Н. Верстовского «Аскольдова могила». 8. Ударение, особенность произношения. 11. Строитель, сборщик машин. 12. Призыв, обращение. 14. Электротехник, Герой Социалистического Труда, участвовавший в составлении плана ГОЭЛРО. 16. Центр туризма в Закарпатье. 20. Комсомолец в романе Н. Островского «Как закалялась сталь». 21. Наука о строении организма. 22. Поэт, Герой Социалистического Труда. 25. Танец. 26. Армянский писатель и педагог. 28. Песня композитора А. Островского. 29. Картина А. Пластова.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 8

По горизонтали:

5. Дубрава. 7. «Ленинцы». 8. Никко. 9. Самбо. 10. «Весна». 11. Эклиптика. 15. Рассказ. 17. Алексин. 19. Стратификация. 22. Плинтус. 24. Танкист. 25. Костяника. 27. Шайба. 28. Габон. 29. Индау. 30. Титания. 31. Новиков.

По вертикали:

1. Букантау. 2. Каноз. 3. Анива. 4. Сценарий. 6. Анализ. 7. Логика. 12. Полифония. 13. Осетины. 14. Скрипка. 16. Амаду. 18. Луара. 20. Плавание. 21. Ксилофон. 23. Сессия. 24. Трибун. 25. Канна. 26. Агава.

Валерий ОРЛОВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

ГИМН БЕСПРИМЕРНОМУ ПОДВИГУ

секретной директиве немецкого командования). Иезуитским оружием фашистов—страшнее смертоносного металла—стал голод. 641 803 человека умерли в блокадном Ленинграде от голода. Вдумайтесь в эту цифру, она не может не потрясти,—шестьсот сорок одна тысяча восемьсот три голодных смерти. Чуть ли не в сорок раз больше, чем от

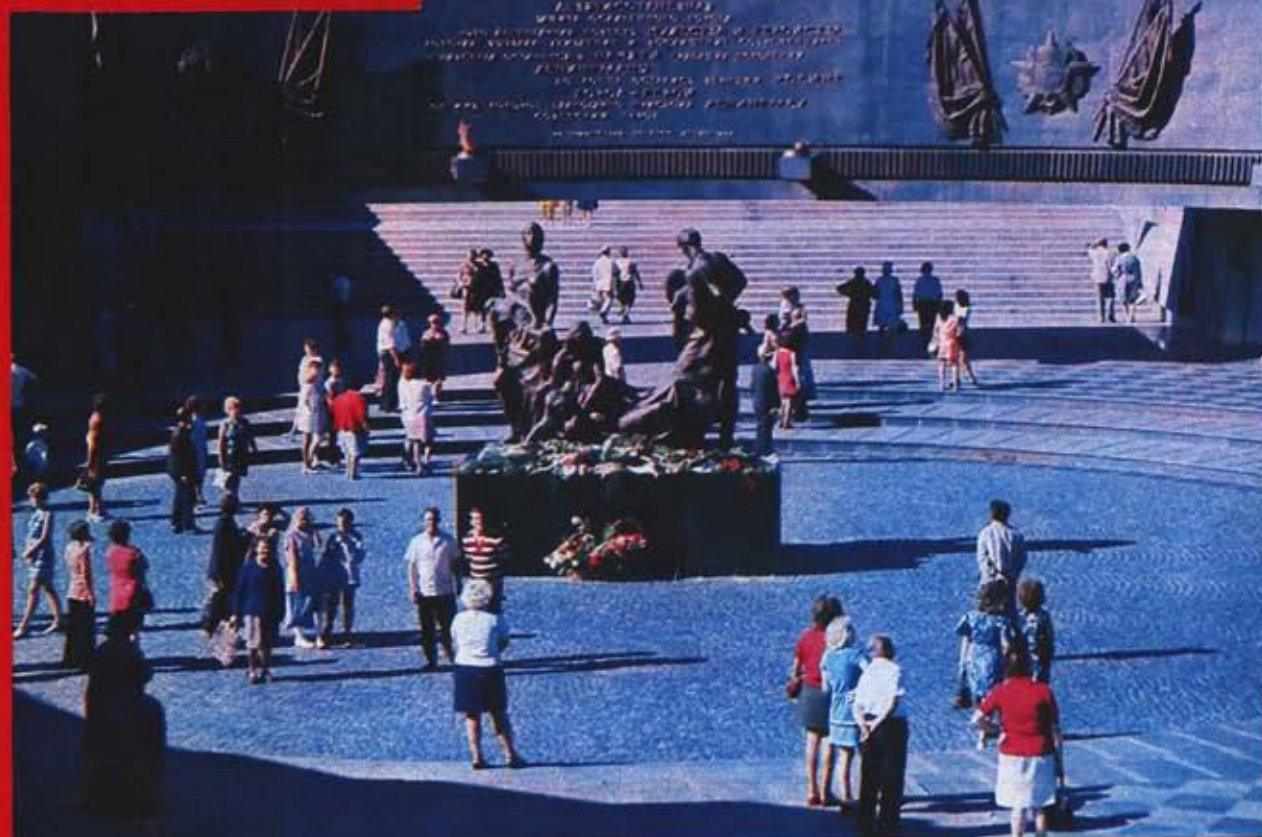
бомбежек и артобстрела. Но и голод не смог победить ленинградцев. Они боролись и жили. Стояли у станков и создавали симфонии, тушили пожары и писали стихи, строили доты и работали над подробным планом Берлина... За 19 месяцев до Победы, на 737-й день блокады в топографическом отделе штаба Ленинградского фронта началась работа над планом, по которому предстояло вести бои в логове врага.

Нет, ни голодом, ни снарядами не смогли фашисты поставить на колени защитников города, подорвать веру ленинградцев, сломить их волю и дух. 27 января 1944 года салют из 324 орудий возвестил о снятии блокады. В тот день Анна Ахматова написала:

*И в ночи январской, беззвездной,
Сам дивясь небывалой судьбе,
Возвращенный из смертной бездны,
Ленинград салютует себе.*

...Салютом беспримерному подвигу стал и воздвигнутый недавно на южном въезде в Ленинград монумент в честь его героической обороны. 100 тысяч ленинградцев приняли участие в сооружении памятника, в свободное от работы время безвозмездно вложив свой труд в рождение еще одной архитектурной жемчужины города на Неве. Народный художник СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии скульптор М. Аникушин и его ученики В. Горевой и С. Кубасов, архитекторы С. Сперанский и В. Каменский, формовщик-литейщик А. Зубенко и формовщик Н. Петрунин сумели создать подлинный гимн в камне и бронзе—гимн духовной красоте человека, негибаемой силе его воли и жизнелюбия, гимн незабываемому подвигу ленинградцев—воинов, рабочих, женщин, детей.

У подножия этого памятника всегда лежат живые цветы.

Если посмотреть на ленинградскую площадь Победы сверху, то в обрамлении высотных домов, впрочем, отступивших от центра площади на почтительное расстояние, увидишь разорванное кольцо и взметнувшийся ввысь строгий обелиск в середине—символ военных лет города.

...900 дней и ночей было сомкнуто вражеское кольцо вокруг Ленинграда. Более 5 тысяч фугасных и 100 тысяч

зажигательных бомб, 150 тысяч артиллерийских снарядов разорвалось за это время внутри блокадного кольца. Свыше 3 тысяч зданий одного из прекраснейших городов мира было разрушено и более 7 тысяч повреждено. Враг хотел стереть с лица земли ненавистный ему город. («После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта»,—говорилось в

